



КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ



САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛЕНИЕ ПЕШЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЯДУШЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ТЫСЯ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАЛ (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОДА ПЛАЧУЩИХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗНАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫК ИДОЛА 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АЛЕЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕДАМИ 35	КОНАН И АДАТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

«Всёмир»

КОНАН

КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ



«АСИ» «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва Санкт-Петербург

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.11.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатинко». Бумага
типографская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 10 000 экз. Заказ 336.

Конан и Тайна песков: Сб. / Б. Дуглас, М. Керк, Н. Серж,
К64 Х. Норман, Э. Джесс. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.:
«Северо-Запад Пресс», 2004. — 405, [11] с. — (Конан).

ISBN 5-17-021924-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-190-2 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайборийского мира, неистовый Конан-
кимверец продолжает скитаться по свету в поисках приключений и
наживы. В южных степях он освобождает город от власти демона, в
холодной Бритунии вершит праведную месть, а также останавливает
кровавопролитную войну и охотится за чудовищами. Он никогда не знает
скуки, — и не дает скучать читателям!

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шакин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003





Лавина



Вловно вой тысячи волков разнесся над горами... И, как по команде, все головы — слуг, охранников каравана, купцов, — обернулись на этот ужасающий звук. Люди застыли, не сводя изумленных взоров с фигуры, выросшей на вершине утеса, что высился над тропой прямо перед ними.

Против солнца невозможно было разглядеть: мужчина это или женщина. Человек застыл, подобно изваянию, и лишь порывы ледяного ветра трепали полы широкого плаща, делая его похожим на язычок черного пламени.

Человек высился над караваном со столь грозным и надменным видом, словно был владыкой этих гор, словно судьбы всех этих людей, что толпились сейчас внизу, на тропе, в окружении груженных повозок и нервно всхрапывающих мулов и коней, зависели лишь от него одного...



И в какой-то мере, так оно и было. Ибо когда человек, нарушив свою камснную неподвижность, внезапно резким жестом широко разбросил руки в стороны, точно пытаясь объять весь мир, простертый под его ногами, то на его громовой крик:

— Добро пожаловать в А-а-а-ад!

...ответом стал мощный приглушенный гул, от которого содрогнулась сама земля.

* * *

Конан не собирался наниматься охранником каравана.

И не потому что молодой варвар-северянин вдруг посчитал бы себя выше этого скучного, непростого и не слишком денежного занятия. Нет, вовсе нет. Он не занесся и не стал «смотреть на простых смертных сверху вниз, с высоты своего медвежьего роста», — что бы там ни говорил этот болтун и насмешник Аньярд! Даже хотя успел за те годы, что они не виделись с ваниром, побывать в самых дальних уголках Хайбории, навидаться там такого, чего иному искателю приключений хватило бы и на три жизни, послужить во дворцах богачей и вельмож, уложить к себе в постель немало роскошных красоток и на равных поякшаться с сильными мира сего. Но сказать, что он зазнался?!..

— Ерунда! — Конан стукнул по столу так, что даже кружки подпрыгнули и неминуемо расплескали бы вино, если бы собутельники не успели



опустошить их как раз перед этим. Оба были уже порядком пьяны. — Ерунда, говорю я тебе! Я не потому не хочу идти с вашим караваном, что не рад нашей встрече, или брезгую черной работой...

Варвар начинал горячиться, повысил голос, но ни он, ни Аньярд — почти такой же рослый здоровяк, как и киммериец, только с огненно-рыжими волосами, — не обращали ни малейшего внимания на опасливые взгляды прочих посетителей таверны. Впрочем, что этим двум северным медведям свора каких-то коринфийских хлюпиков!..

— Тогда в чем же дело? Караван выходит завтра на рассвете. У тебя будет две недели пути впереди, чтобы объяснить мне, почему ты не хотел ехать и, как последний дурак, отказывался от верного шанса заработать пару монет!

Конан покачал головой. Ему следовало это предвидеть, еще когда он заметил мощную фигуру старого приятеля за столом таверны, куда случайно заглянул подкрепиться и глотнуть вина перед долгим путешествием. И вот теперь, вместо того чтобы отправиться в дорогу, как собирался, — сидит тут уже битый час и спорит с этим упертым ваниром! Но Аньярд всегда был упрямым, как мул, а кроме того от души презирал «южан», — то есть всех тех, кому злосчастная судьба уготовила родиться к югу от Нордхейма. И шанс заполучить в напарники на охране каравана стоящего, надежного парня, вместо одного из этих «изнеженных ленивых ублюдков, которые только и ждут, чтобы воткнуть тебе нож в спину», — а именно такого мнения он был о ко-



ринфийцах, — был слишком хорош, чтобы ванир согласился его упустить.

— Давай, Конан, не чинись, — почти слезно упрашивал он. — Им не хватает еще пары человек в охрану. Вальмерус собирался нанять кого-нибудь в Кезанкийских предгорьях... но ты же сам знаешь, что там за людишки! Грязные разбойники, все до единого... Или ты хочешь, чтобы твой лучший друг угодил в засаду где-нибудь на перевале и остался лежать, среди холодных камней, с перерезанным горлом и утыканный стрелами?.. — В Аньярде явно погиб великий бард. — Имир спросит с тебя за то, что ты оставил в беде его сына!

— Я почему-то считал, что твоего отца звали Сogarдом, — с ухмылкой отозвался Конан, жестом показывая подавальщику, чтобы принес еще вина.

Ванир пьяно взмахнул руками.

— Все северяне — дети Имира. Кроме, конечно, нечестивых киммерийцев...

— Э, поосторожней, приятель! Не трогай моих богов — и я не стану трогать твоих!

Аньярда лукаво сощурился на собутельника.

— Об этом мы тоже могли бы поспорить в дороге. Ну, давай, соглашайся...

— Да не по пути мне с вами! Я должен попасть в Аквилонию, и мне нужно двигать сейчас к южным дорогам. Либо на перевал Большой Пасти, либо через Драконьи Десны. А вы идете на север! Что я там забыл, скажи на милость?

— Деньги, — с убежденностью пророкотал ва-



нир. — Деньги — это именно то, что ждет тебя на этом пути.

— Денег у меня хватает.

Но на это Аньярда лишь разразился громовым хохотом, — он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что варвару денег не хватает никогда, — по крайней мере, надолго. Сам был не раз свидетелем его шальных загулов, и их непосредственным участником и вдохновителем... воистину, только ванир может перепить киммерийца, — и наоборот.

Конан и сам почувствовал, что сказал глупость, и засмеялся.

— Но мне, действительно, совсем в другую сторону, дружище. И я слишком тороплюсь, чтобы терять время с караваном.

Он не стал рассказывать Аньярду, что едет в Аквилонию по поручению, ибо свято хранил чужие тайны. Но тут ванир, потянувшись через стол, взял киммерийца за руку. Глаза его, только что еще мутные от вина, внезапно протрезвели и посерьезнели.

— Я не стал бы тебя просить, друг... Но у меня скверное предчувствие насчет этого путешествия. А мои предчувствия... Ну, в общем, сам знаешь.

Да. Конан знал. В прошлый раз «предчувствие» ванира помогло им сохранить жизнь, когда они угодили в засаду, подстроенную на пути каравана, идущего из Шема в Хорайю, — оба северянина тогда подвизались в жарких краях... С тех пор он считал себя в долгу перед Аньярдом.



И теперь, внезапно решившись, спросил, глядя в его хмурое, напряженное лицо:

— Ты знаешь, в чем опасность?

Ванир повел мощными плечами.

— Если бы! Сам купец в порядке. С Вальмерусом я давно уже хожу через перевалы, я даже думаю, он мне после этого похода предложит место постоянного охранника... Остальные купцы, вроде как, его давние дружки. Но, конечно, не всех парней в отряде я знаю.

— Думаешь, заведут в ловушку, как тогда, в степи?

— Всякое может случиться.

Конан не стал спрашивать, отчего тогда Аньярда вообще не плюнет на этот караван и не отправится куда-нибудь еще. Заполучить место постоянного охранника при каком-нибудь богатом торговце для многих наемников было верхом мечтаний: ведь это означало конец полуголодной жизни с вечной тревогой о зарботке, сытое и довольное существование при хозяине, который будет платить тебе вне зависимости от того, есть сейчас работа, или нет. И не надо ломать голову о том, куда податься на зиму, когда торговля в северных краях замирает из-за снежных заносов на дорогах... И не надо скитаться, гадая, где приклонить голову на ночь... Так что немудрено, что даже такой любитель побродяжить по свету, как Аньярда, наконец решил подыскать себе теплое местечко. И он явно не откажется от этой мечты из-за смутных дурных предчувствий.

— И хорошо ли твой купец заплатит?



Тень тревоги тут же покинула грубое, словно топором из дерева вырубленное, лицо ванира. Он уже понял, что сумел настоять на своем, и высоко вскинул кружку, до краев наполненную вином, и его громовой голос заставил испуганно пригнуться к столам завсегдатаев таверны:

— Пью за моего друга! Моего лучшего друга — Конана из Киммерии!

* * *

— Я не верю, что мы в Кезанкии. Хоть ты убей меня — не верю!

Такими словами Аньярда начал новое утро... уже далеко не в первый раз за это путешествие. Конан ничего не ответил — да и никто не ждал от него ответа, а лишь потянулся с угрюмым видом так, что хрустнули кости, и выбрался из палатки, хмуро глядя по сторонам.

Кезанкия! Да, конечно. Если отбросить мысль о колдовстве — поскольку магов вокруг вроде как не наблюдалось; все больше купцы, оружие на погонщиков, погонщики, оружие на мулов, мулы, оружие просто так, на весь белый свет, да охранники, молча, с равной ненавистью вззирающие на купцов, погонщиков, мулов и даже друг на друга, — так вот, если все же отбросить мысль о колдовстве, то кроме Кезанкии быть каравану попросту негде. Северные отроги Кезанкийских гор, именуемые также Медвежьими Кряжами... Медвежьими — пусть. Но никто никогда не говорил киммерийцу о том, что медведи в этих краях



водятся исключительно *белые*. Он с отвращением ковырнул слежавшийся снег носком тонкого юфтевого сапога, совершенно неподходящего для нынешней погоды. Еще день-два, и обувку можно будет выбрасывать!..

Спекшаяся корка снега визгливо похрустывала под ногами. Кажется, за ночь она стала еще плотнее. Если еще вчера мулы и лошади еще могли добраться до жухлой травы, то сегодня они лишь с несчастным видом тыкались в наст мордами и неумело рыхлили копытами снег: никогда прежде животным не приходилось самим заботиться о своем пропитании в таких скверных условиях. Впрочем, людям приходилось ничуть не лучше...

Завернувшись в тонкий шерстяной плащ, который резкие порывы студеного ветра пронизывали насквозь, даже не замечая преграды, Конан растер лицо снегом и, ругаясь вполголоса, двинулся к костру, в надежде раздобыть чего-нибудь горячего на завтрак. Конечно, как уроженец северной Киммерии, он был куда больше привычен к холоду, чем эти изнеженные южане, и в дороге ему случалось мерзнуть и голодать куда сильнее, чем нынче... но это все — вопрос подготовки. Зимой, когда человек пускается в путь, он знает, что его ждет, и экипируется соответственно. Ни стуже, ни ветру не застать его врасплох.

Но вот когда зима приходит к человеку сама, без всякого предупреждения, в середине лета, да еще в безлюдных гористых пустошах, где на много лиг вокруг — ни жилья, ни постоянного двора...



Было такое впечатление, словно на своем пути караван пересек незримую черту. Только что стояла жара, караванчики не знали, куда деваться от палящего солнца, — и вдруг, стоило перевалить за очередной невысокий хребет, как поднялся ветер. Вскоре порывы его сделались еще сильнее, затем он начал швырять людям в лицо колючие льдинки... Наутро они обнаружили, что снег лежит на земле плотным слоем... И с тех пор каждый день становилось только хуже и хуже.

Сейчас, оглянувшись по сторонам, киммериец мог бы поручиться, что оказался где-нибудь в отрогах Гимелианских гор, где ледники не тают даже летом, — а вовсе не в привычной и не щедрой на подобные сюрпризы Кезанкии.

Да, прав был Аньярд, когда говорил, что чует неладное... И кой демон дернул Конана поддаться на уговоры ванира и отправиться с ним в это путешествие? Не зря же говорят: вино — дурной советчик! Э, да что теперь рассуждать...

Промерзший до костей караван постепенно собирался, нехотя стягивался в одну линию, вновь делаясь единым организмом, словно наделенным собственной волей и упорством. Каждый поодиночке, торговцы уже давно наверняка бросили бы эту безнадежную затею, забыв о выгоде и не внемля больше уговорам проводника, который клялся всеми богами, что еще немного, уже вот-вот, совсем чуть-чуть — и снег наконец кончится, и они выйдут на нормальную дорогу, а там уже рукой подать и до Долины Унгорона — цели их путешествия.



Конан никогда не слышал о такой долине... но, впрочем, он не слишком хорошо знал северную часть Кезанкийских гор. Купцы тоже, судя по словам Аньярда, там прежде не бывали, — и все же явно рассчитывали на основательный куш, ибо стремились вперед рьяно, невзирая ни на какие помехи и трудности.

Впрочем, сегодня собрать караван оказалось еще сложнее, чем накануне и третьего дня. Голодные мулы отказывались трогаться с места; повозки, отлично подходившие для перевозки груза по широким, накатанным, стократ искоженным дорогам через невысокие перевалы Медвежьих Кряжей, на обледеневшей тропе сделались даже не помехой — источником опасности. Купцы поговаривали даже о том, чтобы вернуться с основной частью товара в предгорья и выслать вперед разведчиков. Пусть отыщут эту проклятую долину — и приведут оттуда покупателей за товаром, или хотя бы вычужных животных, способных перевезти тюки на себе!

Не все торговцы, однако, были согласны с таким решением, поскольку это грозило потерей времени. К тому же — кого посылать вперед? Нужно очень доверять этому посланцу, чтобы не обманул и не нажился на своих собратьях-купцах... а такое доверие — большая редкость в торговой среде.

Да тут еще проводник... как обычно, кланяется до земли, бьет себя в грудь и голосит, что пройти осталось еще совсем, ну совсем немного, вон до того хребта — и уже будет путь вниз, к



долине, и никакого снега... Как тут можно что-то решить?

Охранники между собой переглядывались скучающе. Им было все равно. И только Конану ума хватило, пока галдящий караван все еще вяло вытягивался на тропу, пройти чуть дальше вперед, на разведку.

Чутье не подвело. Полускрытая под толстой шапкой свежее выпавшего снега, на небольшом плато обнаружилась расселина в скале, перерезавшая путь ровно посередине. Киммериец обнаружил опасность чудом — лишь благодаря врожденному чутью уроженца гор. Кликнув на помощь Аньярда, он сумел подыскать для каравана иной, безопасный путь в обход ловушки. Впрочем, никто и не подумал сказать ему за это спасибо.

Хотя, может, кто и собирался — да не успел...

Они медленно двигались в обход скалы, нависавшей над тропой. По левую руку высилась гора; склон ее поначалу шел довольно полого, но затем, к вершине, вздымался круто вверх, оканчиваясь тремя острыми, хищно ощерившимися зубцами. Снежный полог, укутывавший склон, мерцал на солнце; синие тени залегали в складках и провалах; ослепительная белизна резала глаз. По правую руку был неглубокий обрыв, продолжавшийся дальше пологим спуском, и время от времени киммериец косился в ту сторону: если начнет скользить одна из повозок, потянет за собой мулов и возниц — никому ее будет не удержать. И едва ли кто выживет после тако-



го падения... Так что сам он старался держаться либо в голове каравана, либо в хвосте — подальше от источника опасности. И те охранники, что поумнее, поступали точно так же.

Заглядевшись вниз и задумавшись, иную опасность северянин обнаружил не сразу. Только когда раздался вой.

А затем — этот крик.

— *Добро пожаловать в А-а-а-ад!..*

Еще какое-то время по инерции караван продолжал движение, но внутри него все смешалось. Изумленные, люди палили на вершину скалы, где уже не было никого, переглядывались друг с другом, кидали в пустоту какие-то негодующие возгласы и бессмысленные вопросы... как будто кто-то мог бы им объяснить суть происшедшего!

Конан, единственный, не принимал в начавшемся столпотворении никакого участия.

Он, единственный, знал, в чем дело.

Ибо он *слышал*.

Гул. Глухой рокот, набирающий силу, словно тысячи пушек, бьющие в отдалении, словно тысячи ревущих водопадов. Словно раскаты тысячи громов...

Даже прежде, чем на глазах у остолбеневших людей склон горы раскололся надвое, и черная полоса, сперва тонкая, как след от удара сабли, начала стремительно расширяться, отмечая место отрыва снежного пласта, а над несущейся вниз лавиной образовалось белесое облако серой ледяной пыди, — Конан закричал, что есть силы:

— Спасайтесь! Спасайтесь!



Но не в его силах было помочь этим людям, остановить начавшееся безумие и предотвратить катастрофу. Беснующиеся, храпящие лошади и мулы, которых подземный гул предупредил об опасности, рвались на волю, но лишь сильнее запутывали поводья и построжки, сбивали людей с ног, опрокидывали повозки, падали сами, отчаянно брыкаясь и не давая возможности никому пройти мимо. Почти все купцы и погонщики оказались в ловушке, среди обезумевших животных и разбитых телег. Кто-то пытался броситься с обрыва вниз, в тщетной надежде уцелеть, не разбившись о камни; другие бестолково метались по тропе, третьи лишь истово молились, не сводя взора со стремительно надвигающейся снежной стены.

Грохот лавины был уже так силен, что перекрывал не только людские голоса, но и истошное конское ржание. Серое облако, поднявшееся над горой, затмевало полнеба, снег дымился и шел глубокими трещинами. Подобные лавины в горах Киммерии с корнем вырывают целые леса, засыпают долины и уносят в пропасть всадников вместе с лошадьми. И что проку рассуждать о том, что никто и никогда прежде не видел ничего подобного в мирной Кезанкии..

С криком «Вперед» Конан, оказавшийся в арьергарде каравана, подхлестнул дрожащего коня, и тот, скользя и оступаясь, загарцевал на тропе. И в этот миг до слуха киммерийца, даже сквозь гул лавины, донесся отчаянный вопль.

— Имир!



Аньярд!..

У северянина оставались считанные мгновения, чтобы убраться отсюда, — ибо он видел лишь один-единственный, и то весьма слабый шанс на спасение, и следовало действовать как можно быстрее... Но сбежать, бросив товарища, он никак не мог. Пусть он не в силах помочь остальным, — сейчас даже глас самого Крома едва ли вернул бы рассудок обезумевшим караванщикам! — по товарища он обязан вытащить любой ценой...

Но где же ванир?!

И тут Конан увидел его.

По счастью, Аньярд тоже ехал в хвосте колонны, и добраться до него оказалось несложно. Но ванир попал в настоящую западню. Лошадь, запаниковав, оступилась на скользкой тропе и рухнула набок, придавив собой всадника. А вокруг ревели мулы, ломая оглобли повозок, бестолково металась всадники... Спрыгнув с коня, Конан бросился другу на выручку.

Их обоих не затоптали лишь чудом. Подхватив Аньярда подмышки, киммериец рванул изо всех сил — и вытащил отчаянно ругающегося ванира на свободу.

— А теперь — бежим!

Но спасенный лишь заскрежетал зубами.

— Нога...

Конану хватило одного взгляда, чтобы понять. Придавленная весом лошади ступня Аньярда была развернута куда-то вбок. Перелом... Не рассуждая, киммериец подхватил ванира и поволок



прочь. Хвала Крому, лошадь не ускакала прочь. Взмахнув раненого поперек седла и схватив коня под уздцы, Конан с отчаянием обреченного бросился по тропе к небольшому плато, которое отряд миновал совсем недавно.

... А гул пад головой все нарастал, сделавшись столь мощным, что кровь начала стучать в висках. Снежные облачка превратились в гигантскую тучу, которая стремительно сползала по горному склону. Грохот лавины слышался уже совсем рядом, отражаясь от каждого утеса.

Им не спастись. Невозможно... Конан слышал прерывистое дыхание ванира, но не оглядывался, всем существом своим устремленный к единственной цели.

Вот наконец и расселина, которую они так удачно миновали не столь давно... Если он все правильно запомнил, — возможно, теперь она станет их спасением!

Конан стащил ванира с седла.

— Я не смогу помочь тебе. Постарайся спуститься сам!

В ответ Аньярд лишь скрежетнул зубами. Грубое лицо его было покрыто испариной, звериный оскал кривил губы.

— Брось меня, киммериец!

— Ни за что!

С сожалением проводив взглядом лошадь, покакавшую вниз по тропе, едва лишь хозяин отпустил ее, Конан подволок ванира к трещине в земле.

— Спускайся.



— Лучше бы ты ускакал прочь, пока было время!..

Киммериец не стал тратить время и объяснять, что это было невозможно: лавина слишком огромна, и уйти от нее по тропе не смог бы никто, — ни назад, ни вперед. Так что погибнет и его прекрасный конь, взятый из лучших коршениских конюшен, и все те их спутники, кто сейчас всю нахлестывал лошадей, пытаясь ускакать по дороге. И лишь вот эта расселина дарила призрачный шанс.

Он молча начал спускаться, с ловкостью и стремительной грацией горного барса. Пыхтя, отдуваясь и ругаясь сквозь зубы на чем свет стоит, ванир последовал за ним.

Горло расселины было довольно узким, прикрытым каменным козырьком, и там едва удалось пролезть, но ниже трещина расширялась, превращаясь в длинную, уходящую куда-то в недра гор пещеру. Со вздохом облегчения Конан спрыгнул на землю и поддержал висевшего на руках ванира. Застонав, тот рухнул наземь.

Здесь, казалось, гул лавины звучал еще оглушительнее, многократно отражаясь от каменных стен; казалось, сама земля ревет и стонет от боли... Конан попытался вообразить себе вес снега, производящий такой шум, и скорость, с которой эта масса мчится вниз. Все что угодно — лишь бы не думать о судьбе людей, оставшихся на пути у лавины...

Но он не мог спасти их всех!

Ванир тоже посмотрел вверх. Узкая щель над



головой, в которую они пролезли только что, еще оставалась светлой, но неба сквозь нее было уже не разглядеть: все заслонила снежная туча. А затем свет стремительно начал меркнуть. Лавина пришла!

— Нас засыплет! — заорал Аньярд на ухо киммерийцу.

Тот отрицательно покачал головой.

Земля вокруг содрогалась. Сквозь трещину вниз рушились комья снега. Грохот стоял такой, словно сами боги пытались сокрушить этот мир, наскучив жалкими играми смертных... Но каменный карниз пока выдерживал натиск.

Как и рассчитывал Конан, расселина оказалась слишком узкой, чтобы лавина рухнула в нее всей своей непомерной тяжестью. Спрессованная масса снега быстро забила щель, — и теперь лавина скользила над ними, надежно заперев людей в ледяном мешке.

А потом наступила тишина...

И мрак.

* * *

— Киммериец, мне не выбраться отсюда.

В темноте голос ванира звучал почти бесплотно, словно жалоба горного духа. Конан крепче сжал его руку.

— Не говори чепухи! Когда снег снаружи осядет, станет светлее. Лучи пробьются сюда, и мы увидим, где снег тоньше всего. Там и будем пробиваться наружу.



— Ты же сам знаешь, что со сломанной ногой мне не подняться наверх.

— Я помогу.

Во мраке этого не было видно, но Конан понял, что Аньярд отрицательно мотает головой. Да он и сам сознавал, что это нереально. Подняться по обледеневшей каменной стене в одиночку еще возможно, — и то ценой гигантских усилий... учитывая, что еще предстоит прорубать мечом корку спрессованного снега наверху. Но повторить этот подвиг, таща на спине раненого... Об этом нечего было и думать.

— Ладно. Сейчас все равно еще слишком рано. Надо ждать, пока наверху все успокоится... Спи, — велел он ваниру.

Но тот не унимался.

— Не надо было тебе спасать меня. — Голос пордхеймца был полон угрюмой решимости. — Я только стал тебе обузой. Погибнем оба!

— Ни за что! — Конан скрипнул зубами. — Пока есть хоть какая-то надежда...

Не желая больше тратить время на бессмысленные споры, он завернулся в тонкий плащ, совершенно не спасавший от холода, и усилием воли приказал себе задремать, — совсем ненадолго, чтобы не успеть замерзнуть окончательно, но восстановить силы, которые очень скоро ему понадобятся...

Последнее, что он слышал, засыпая, был тихий, хриплый голос ванира, который обреченно молился Имиру, божеству ледяных пустошей и заблудших душ.



* * *

— Аньярд! Смотри, я вижу просвет вон там. Пари держу, я сумею подняться! — Молчание. — Эй, Аньярд!..

Действительно, когда осела снежная туча, поднятая лавиной, и небо снаружи прояснилось, свет начал сочиться в пещеру, где оказались в заточении путники. Конечно, просветы были едва заметны, а это означало, что все равно придется пробиваться наружу с боем, но для измученного темнотой взора Конана и это было праздником. Он даже начал что-то различать вокруг себя...

— Аньярд!..

Темные очертания лежащего тела, чуть в отдалении... Киммериец приблизился к товарищу. Кром! Как же он все-таки сможет поднять его наверх? Задача казалась совершенно невыполнимой, когда он прикидывал, на какую высоту придется подняться, да еще и огибая скальный карниз... Может, у ванира найдется веревка?..

— Аньярд!

...И только тут он заметил.

Странная неподвижность. Странная поза. И темное пятно у горла лежащего человека.

Наклонившись, Конан на ощупь вынул из закованной руки ванира кинжал, которым тот перерезал себе горло.

— Трус! — прошептал он. Но тут же осекся.

Ванир не был трусом. Он был героем!

Выросший на севере, среди диких скал и льда, он знал горы не хуже киммерийца, а потому смог



представить себе все, что тому предстоит. И точно понял одно: сам он со сломанной ногой никогда не сможет подняться наверх, и Конану вытащить его тоже будет не под силу.

Если киммериец бросит раненого товарища — на его совести навсегда останется несмываемое пятно бесчестья. Если останется с ним — оба погибнут.

И ванир подарил другу жизнь. Заплатив за нее самой дорогой ценой.

— Аньярда...

Опустившись на колени перед трупом, Конан перевернул его на спину, вытащил меч у ванира из ножен и положил мертвецу на грудь.

— Прощай, друг. Пусть Владыка Снегов встретит тебя с почестями на пороге своих чертогов!

Помолчав еще пару мгновений, он решительно поднялся с колен и отвернулся. Пора было пробивать путь к свободе!

* * *

— Эй! Очнись! Ты кто такая, и откуда здесь взялась?

Киммериец легонько хлопал девушку по щекам, в надежде, что холод еще не пробрал ее до костей, не увел за тот порог, где сознание начинает мекнуть и забвение дарует угасающему разуму картины, столь живые, прекрасные и яркие, что он уже не в силах оторваться от них и вернуться в серую, будничную реальность...

Она еще жива — а значит, есть надежда. И не



только у нее, но и у киммерийца, который последние силы потратил, чтобы выбраться из ледяной ловушки, на дне коей навсегда осталось тело Аньярда, а потом долгие часы брел куда глаза глядят, наугад выбирая проходы на местности, неузнаваемо измененной сходом лавины.

Путь назад оказался отрезан начисто, и Конану оставалось только с упрямством обреченного двигаться вперед, в надежде, что где-то там, за следующим хребтом, или может быть за поворотом, если только ему повезет, — отыщется заветная Долина Унгорона, куда вел их проводник, бесславно погибший вместе со всем караваном. Ни от людей, ни от повозок киммериец не отыскал на поверхности ни малейшего следа. Лишь нетронутая, обманчиво-невинная снежная белизна вокруг, насколько хватало глаз... Язык лавины слизнул караван с лица земли с той же легкостью, как человек стряхивает соринку с руки. И теперь никто не мог подсказать Конану, куда ему держать путь.

В щегольских юфтевых сапогах, шелковой рубашке и тонком плаще, без огня, палатки и одеяла... Киммерийцу здорово повезет, если к утру он не превратится в сосульку.

Знать бы еще, где эта проклятая долина!..

И вот — неожиданная встреча.

Девушку, должно быть, тоже застал врасплох сход лавины. Северянин обнаружил ее в укрытии под скалой, совершенно замерзшую, но невредимую. Основная масса снега сошла в стороне, и незнакомка оказалась в безопасности. Но, похо-



же, сорвавшийся с каменной стены обломок ударил ее по затылку, — Конан обнаружил кровь в светлых волосах, — и она потеряла сознание. А холод поспешил воспользоваться этим...

Но сейчас, в объятиях северянина, — которому, после всех пережитых приключений, приятно было прижать к груди хорошенькую девчонку, — она отогрелась и слабо шевельнулась. Дрогнули веки, — и в лицо северянина уставились испуганные серые глаза.

— К-кто ты такой?

Он понимал ее без труда: она говорила на привычном наречии кезанкийских горцев, и это тут же успокоило северянина. Значит, по крайней мере, никакое колдовство не перенесло их караван на другой конец света, или и вовсе в иной мир, о чем всерьез уже начинали поговаривать накануне самые пугливые из караванщиков...

В двух словах Конан объяснил незнакомке, кто он такой и как оказался здесь.

— А ты сама?

Девушку звали Кайта. И для варвара было огромным облегчением услышать, что она и впрямь родом из заветной долины, и идти туда совсем недалеко. К вечеру они будут на месте...

Обрадованный, северянин поднялся на ноги легко, словно и не чувствуя усталости.

— Ты сможешь идти? — обратился он к Кайте? — Или тебя придется нести на руках?

Она смерила его оценивающим взглядом, не



скрывая восхищения мощной фигурой киммерийца.

— Это было бы приятно, но... Так мы слишком задержимся в пути, и ты устанешь. А нам надо скорее вернуться домой.

По счастью, когда они прошли чуть дальше по склону, то там, куда лавина не смогла дотянуться, в целости и сохранности обнаружили тропу, ведущую через перевал. Несмотря на выпавший недавно снег, было заметно, что этой дорогой нередко пользовались, и идти здесь оказалось легко.

Избавившись от тревоги за ближайшее будущее, Конан наконец смог подумать и о прошлом. До сих пор у него не было ни единого лишнего мгновения, чтобы тратить время на пустые домыслы и тревоги, но теперь, когда он с каждым шагом приближался к загадочной долине, единственный вопрос мучил его все сильнее:

Кто и почему не хотел, чтобы их караван достиг цели?

Кто боялся их прихода так сильно, что вызвал лавину?!

Жесткий, хладнокровный убийца, не останавливающийся ни перед чем...

В первый момент, когда он только заметил Кайту на снегу под скалой, у Конана мелькнула мысль: не она ли кричала с вершины те страшные слова, что обрушили снежную смерть на невинных людей. Но ни голосом, ни статью, ни одеждой девушка ничуть не походила на загадочного убийцу. Северянин гордился своим умением



разбираться в людях, и сейчас был твердо убежден: Кайта — такая же невинная жертва, как и он сам.

Однако ей может быть известно нечто такое, что прольет свет на всю эту таинственную историю...

— Ты знаешь того, кто вызвал лавину? — спросил он ее напрямик.

Она молчала очень долго. Так долго, что, помимо воли, мрачные подозрения вновь всколыхнулись в душе киммерийца. Но затем девушка начала свой рассказ, и когда закончила, пришел его черед долго, очень долго хранить молчание.

— Я помогу вам отомстить! — Вот и все, что он сказал наконец.

Он обнял Кайту за плечи, и она доверчиво прильнула к северянину, с надеждой глядя в его синие глаза, в которых полыхал неукротимый гневный огонь.

* * *

— И как давно ведьма не пускает вас в долину?

...Все оказалось именно так, как рассказывала ему девушка. Убогие лачужки, засыпанные снегом почти до самых окон. Еле тлеющий огонь в очаге. Скучная похлебка из каких-то корней... И усталые, изможденные лица людей, вынужденных ожесточенно, изо дня в день бороться за выживание, без малейшей надежды на успех.

Вместо Кайты на вопрос северянина ответил



ее отец, тощий, жилистый мужчина с горящими ненавистью глазами:

— Полтора десятка лет... может, и больше. Она, к примеру, — он указал на дочь, — и вовсе там не была никогда. Только издали и может любоваться... пока Стражи не подоспеют.

Конан задумчиво хмыкнул, грея ладони об глиняную кружку с кипятком, — иных напитков, кроме воды, в этом нищем поселке не водилось.

— Но почему вы не уйдете отсюда? Мир велик. Есть места и получше вашей долины...

— Тебе не понять, чужак. — Это вступила в разговор мать Кайты, такая же истощенная и озлобленная, как и ее муж. — Там — наш дом. И там — наше сокровище...

— Сокровище? — мигом заинтересовался киммериец.

Но отец Кайты лишь покачал головой.

— Нет, это не драгоценность. Это просто... реликвия нашего племени. Но... — он внезапно встрепенулся, словно осознав скрытый смысл вопроса северянина. — Если ты поможешь нам вернуться в долину, мы сумеем расплатиться с тобой. Там, в замке, немало ценностей...

Однако в ответ Конан лишь покачал головой. Если все, что рассказали ему селяне, — правда... Он взялся за меч, словно готовый немедленно ринуться в бой.

— Эта ваша ведьма убила моего друга. Убила подло, из прихоти. Как вы говорите, только ради того, чтобы ваш поселок не получил товаров, который вез караван... Я не возьму ни гроша за то,



чтобы уничтожить ее. Подобная гнусность не имеет права поганить собой землю. Если оставить ее безнаказанной, боги мне этого не простят!

Теперь родные девушки и она сама взирали на севсрянина с благоговением. Мать Кайты выскользнула за дверь, — и вскоре весь дом наполнился гомонящими, оживлёнными людьми. В крохотной лачуге поместились далеко не все. Остальные толпились во дворе, заглядывая в окна и через дверь, в надежде хоть одним глазком увидеть своего будущего спасителя. Смущенный таким вниманием, Конан обвел людей недоуменным взглядом:

— Но вас ведь, как я вижу, немало. Почему вы сами не сумели совладать с ведьмой? И почему думаете, что это под силу мне одному?!

Старуха, сморщенная и беззубая, протиснулась вперед, цепко ухватив киммерийца за руку.

— Ведьма не всемогуща! Ее колдовские стражи убивают только нас, бывших жителей долины. Только *мы* видим их — и только *мы* падаем под ударами их огненных копий. Но те люди, которых ведьма никогда не видела в глаза... против них она бессильна. Вот почему она так боится караванов из Большого Мира. Она опасается таких людей, как ты. Кто пройдет напролом через все ее преграды — и наконец уничтожит ее подлое колдовство!

Конан кивнул, уверенно глядя в глаза старухи.

— Я сделаю это. Я верну вам ваш дом. Обещаю.



* * *

— А где же все люди?!

Лежа плашмя на плоской вершине утеса, куда Конана привела Кайта, киммериец наблюдал за долиной.

Странное зрелище. Еще более прекрасная, чем в рассказах селян, — солнечная, цветущая, словно зеленая жемчужина в ледяных ладонях гор, — она казалась совершенно пустынной, если не считать порхавших повсюду птиц, а также животных, разгуливавших там в полной безопасности. Зайцы, косули, олени... даже отсюда Конан мог заметить их. А сколько еще дичи скрывается среди тенистых деревьев... должно быть, вся живность окрестных гор собралась здесь, когда непроходимые снега укрыли перевалы.

Все, кроме людей. Тех, кто прежде мирно жил и трудился в этой долине, изгнала колдунья и под страхом смерти запретила пересекать черту, ограничившую ее владения. А чтобы окончательно отвадить простых смертных от этих мест, призвала на помощь вьюги и бураны. Это она укрыла снегом горы вокруг. По ее вине воцарилась на Медвежьих Кряжах вечная зима...

Но люди не желали сдаваться. С упорством обреченных, ведя полуголодное существование, они цеплялись за жизнь у самых границ долины, в надежде, что рано или поздно все изменится, и освобождение придет.

По словам Кайты, они много раз пытались найти помощь со стороны, в Большом Море, как



они его называли. Но у нищих селян не было денег, чтобы оплатить помощь наемников, а тащиться в такую даль, подвергаться певедомым опасностям и сражаться с колдуньей бескорыстно, из одной лишь любви к справедливости, охотников не нашлось.

И тогда селяне придумали заманить в горы торговцев. Это был единственный шанс...

— Клянусь, мы не думали, что ведьма решится на такое! — сквозь слезы говорила Кайта киммерийцу. — Мы были уверены, что караван пройдет благополучно. Конечно, купцы пришли бы в ярость, когда обнаружили бы, что торговать им не с кем, но они могли бы польститься на богатства Замка. И кто-то из охранников наверняка согласился бы помочь нам... — Она всхлинула. — Но проклятая колдунья убила всех!

Конан ободряюще сжал ее плечо.

— Не всех. Меня она убить не смогла. И это — ее самая большая ошибка!

Он снова принялся рассматривать долину.

Совсем небольшая, почти вся поросшая лесом, окружавшим невысокий крепкий замок из серого камня, она казалась сказочно красивой и безмятежной.

— Но где же люди? — повторил свой вопрос северянин.

Кайта повернулась к нему.

— Людей нет. Мы жили там. А теперь... Теперь там только ведьма.

— Одна? А слуги? И эти стражи?

— Слуг у нее нет. Или; может, ей служат де-



моны... но никто из нас их не видел. А Стражи... Они возникают, только если люди пытаются перейти Черту. Хочешь взглянуть?

— Ты с ума сошла! — закричал ей вслед варвар, когда девушка, внезапно вскочив, побежала вниз по тропинке. — Жизни лишиться хочешь?!

Но Кайта, похоже, отлично знала, что делает. Глазам киммерийца предстала поразительная картина.

Девушка замерла на самой границе, где снег внезапно заканчивался, сменяясь густой, свежей травой. Кайта сделала крохотный шаг. Солнечный луч — ибо, в отличие от гор, над долиной светило яркое летнее солнце, — упал ей на лицо, позолотил волосы и кожу... И тут же с отчаянным криком она отпрыгнула назад.

Конан не успел заметить ничего — ни тени, ни движения. Но внезапно в воздухе с треском что-то полыхнуло, и в тот же миг на Кайте загорелась одежда. Повалившись в сугроб, она торопливо загасила огонь.

Когда северянин спустился, на ее губах играла победная улыбка.

— Видел? Это чтобы ты не думал, что мы лжем. Если бы я сделала еще шаг вперед — Страж испепелил бы меня на месте. Так погиб Гуртан, мой брат... Он был уверен, что сумеет одолеть колдунью, ведь он родился уже в снегах, и она никогда не видела его. Но заклятье ведьмы действует на всех членов нашего рода...

Конан сочувственно кивнул, обнимая девушку.



— Я отомщу и за твоего брата тоже!
Ее поцелуй был горячим и сладким, как мед,
— словно Кайта принесла на губах немного солнца из долины...

* * *

— И наконец самое главное. *Не трогай ведьму!*
Конан, проверявший, готово ли оружие к бою, перед вылазкой в долину, от таких слов даже застыл с наполовину вынутым мечом из ножен, и, как на умалишенного, воззрился на отца Кайты.

— Я ослышался?

Но селянин лишь покачал головой:

— Ничего подобного. Ты не должен причинять ведьме зла.

— Что за чушь?! Она убивает людей...

Отец Кайты не дал ему договорить:

— Ты не понял. Речь не идет о том, чтобы остановить эту тварь безнаказанной. Но стоит тебе поднять против нее оружие — и ты сразу станешь уязвим для заклятья. Огненные Стражи испепелят тебя на месте.

— Мне не нужно оружия. — Конан вложил клинок в ножны и хмуро уставился в непроглядную ночную тьму за окном. — Я прикончу эту гадину голыми руками!

— Ничего не выйдет. Ты в безопасности только до тех пор, пока не угрожаешь ей.

— И как же тогда...

Селянин вздохнул с видом человека, который устал в тысячный раз повторять одно и то же. Не



будь он отцом Кайты, киммериец живо научил бы его почтению... Но так — пришлось унять гнев.

— Мы же говорили тебе о шаре. В большом зале перед камином, на медной подставке. Доберись туда незамеченным — и разбей его, прежде чем ведьма успеет опомниться. Тогда ее чары падут. А мы будем наготове у черты, все до единого. И как только увидим, что Стражи больше не нападают на нас, — бросимся в замок тебе на подмогу.

Услышав это, северянин презрительно хмыкнул. От этих слабосильных людишек, изможденных холодом и недоеданием, никакой подмоги он не ждал. И почему, если уж в магическом шаре — источник всей власти колдуньи, он не может убить ее *после* этого?

— Прошу тебя, не спорь! — Отец Кайты схватил киммерийца за рукав и умоляюще заглянул ему в лицо. — Сделай, как мы просим тебя. Разбей шар — и не трогай ведьму. Мы хотим судить ее и казнить по нашему закону. Если ты просто прикончишь ее — не будет никакого правосудия. Она не будет наказана по-настоящему. Мы *сами* должны сделать это!

Конан лишь пожал плечами в ответ. Пусть говорят, что хотят. У него есть свое право на месть — и он поступит так, как сочтет нужным.

* * *

— Проклятье!

В темноте граница между снегами и долиной



оказалась совсем незаметной, и киммериец не удержался от возгласа, когда сделал еще шаг — и внезапно споткнулся, упав на колени в густую траву.

Здесь даже пахло по-другому: нагретой землей, теплом и покоем. Цикады скрипели на тысячи голосов, словно он оказался не в северной Кезанкии, а где-нибудь в жарком Шеме. Перекликались ночные птицы... Странно, что всего этого многоголосья не слышно было в одном шаге отсюда, за Чертой! Конан двинулся дальше.

Как и днем, над долиной не было облаков, и теперь путь ему освещали луна и звезды. Вспомнив тяжелые тучи, что затягивали небо над перевалами, северянин только сплюнул сквозь зубы. Ведьма очень могущественна — так что лучше убить ее самому, что бы там ни болтали суеверные селяне. Если только она позволит ему добраться до замка...

Однако, вопреки всем опасениям, ни единого препятствия не встретилось на пути киммерийца. Только ночные зверушки безбоязненно сповали по лесу, перебегая дорогу едва ли не перед самым носом у Конана, да филин пару раз приветственно ухнул в густой листве. Однако эта внешняя безмятежность, вместо того чтобы успокоить, еще больше насторожила воина. К замку он вышел во всеоружии.

Но и тут его, уже готового дать бой любому врагу, поджидало разочарование. Цитадель колдуньи казалась совершенно необитаемой.

Ни охраны на входе, ни слуг во дворе. Тяже-



лые ворота распахнуты настежь, а внутренние — и вовсе сорваны с петель, и массивные створки лежат на земле, покрытые слоем грязи. В темных коридорах — ни огонька. Не горят факелы, не стоят в подставках масляные светильники, нет даже и колдовских световых шаров...

Киммериец обнажил меч и начал осторожно продвигаться вперед по темному коридору.

Запах пыли... Присев на корточки, он провел пальцем по полу, почти невидимому в темноте. Так и есть. Эту грязь никто не убирал, должно быть, уже многие годы. Неужели сил ведьмы не хватает на такую малость? Или ей все равно?

Конан вообразил себя дряхлую, скрюченную, похожую на паука старуху, ютящуюся в темных сырых подвалах, среди гор трухи и сора... поднимется ли у него рука убить такую? Может, лучше и впрямь оставить правосудие селянам?..

Ладно, сперва надо найти шар.

...По описаниям отца Кайты он без труда отыскал парадный зал: именно туда вел главный коридор. И единственной опасностью, поджидавшей Конана на пути, была угроза немилосердно расчихаться от всепроникающей пыли и тем самым обнаружить свое присутствие. Сдержаться стоило ему немалых трудов...

В парадном зале замка царила такая же мертвенная тишина, как и во всей цитадели, но, по счастью, здесь было не так темно. В высокие стрельчатые окна пробивался лунный свет, и в серебристых лучах искрился, медленно вращаясь, молочно-белый шар, висевший в воздухе над



высокой медной треногой. В глубине его словно бы что-то медленно бурлило, колыхалось, переливалось... Опасаясь, что колдовское зрелище способно зачаровать его, Конан поспешил отвернуться, а затем, решительным движением, без всякой торопливости вынул меч.

— Не делай этого! Прошу!

Он уже как-то свылся с мыслью, что ведьма окажется уродливой старухой, но голос был молодой и звучный. Ласковый. Манящий. Нежный.

Разумеется, он и не подумал обернуться.

— Не делай этого! Тебя обманули!

Она не делала попытки наброситься на него. Голос по-прежнему доносился от входа в зал...

Не желая больше терять времени, Конан из всех сил нанес удар мечом по шару.

Сфера лопнула с оглушительным, каким-то неестественно пронзительным звоном, от которого хотелось зажать уши ладонями. Северянин чудом удержал меч в руках...

Белесое облако, заключенное в недрах шара, поднялось над парящими в воздухе мириадами осколков — и внезапно рассеялось, напоследок наполнив весь зал жемчужным мерцанием. Тут же крохотные осколки, словно освобожденные от чужой власти, посыпались на пол. Треножник рухнул набок и покатился по каменным плитам.

Лишь теперь киммериец обернулся к ведьме.

Издаലെка она казалась лишь бледным пятном, но, приблизившись, он обнаружил, что она красива.

Этого можно было ожидать: по опыту варва-



ра, Зло всегда принимало либо очень уродливые, либо весьма привлекательные обличья. Но он давно уже приучился не верить своим глазам, когда дело касалось колдовства!

Но вот чего он никак не ожидал, так это увидеть на ее лице, вместо печати жестокости и порока, обиженно-растерянное выражение маленькой девочки, и огромные глаза, полные слез...

— Ты разбил мой шар!

При звуках ее голоса, Конан встрепенулся, сбрасывая наваждение. Он пришел сюда, чтобы прикончить эту тварь — и сделает это, какие бы маски она ни примеряла!

— Ты убила моих друзей, ведьма!

Женщина стояла, не шелохнувшись, и лишь молча смотрела на него. Не плакала, не молила о пощаде. В полумраке, слабо озаренные луной, ее волосы казались потоками жидкого серебра, а лицо — мерцающей тенью.

Киммерисц почувствовал, что воля его слабеет...

Сможет ли он с легкостью поднять руку на женщину? Его собственный кодекс чести не допускал ничего подобного, разве что из самозащиты. Но защищаться было не от кого: колдунья не пыталась напасть на него. Просто стояла и смотрела — как будто чего-то ждала.

Шум в коридоре, ведущем в парадный зал, топот ног и возбужденные голоса селян помогли Конану принять решение. Нацелив на ведьму клинок, чтобы та не вздумала сбежать, киммериец объявил:



— Тебя будут судить люди, которых ты мучила столько лет. Они решат твою судьбу!

Вопреки всем ожиданиям, женщина и теперь не выказала ни страха, ни раскаяния. На лице ее мелькнула тень улыбки, — но тут же пропала. Она вскинула глаза на Конана.

— Тогда, раз ты не убедишь меня сам, прошу об одном. Останься посмотреть, как они меня убьют. Не уезжай из долины, пока они не сделают этого.

Странная просьба. Странная ведьма... В чем тут может быть подвох? Она задумала какое-то колдовство? Или попытается освободиться? Но тогда северянин тем более должен остаться, чтобы помешать ей любой ценой и проследить, чтобы убийцу постигла заслуженная кара!

Он сурово взглянул на женщину.

— Могла бы и не просить. Это зрелище я не пропущу ни за что на свете!

Ведьма удовлетворенно кивнула.

— Хорошо. Ты ведь уже понял, что тебя обманули?..

Но прежде, чем Конан успел спросить ее, что означала эта странная фраза, жители селения ворвались внутрь, и зал наполнили огни множества факелов, запах дыма и мокрой одежды, хриплые возбужденные голоса...

— Ты схватил ее! И разбил проклятый шар! — К киммерийцу, расталкивая остальных, пробирался отец Кайты. На лице его сияла широкая улыбка, но почему-то она делала лицо не радостным, а неприятно-хищным, словно у изголодав-



шегося человека, который наконец дорвался до еды. Впрочем, если вспомнить, сколько он и его сородичи натерпелись от колдуньи, — это многое объясняло.

Конан сдержанно кивнул.

— Я исполнил то, что обещал. Долина вновь принадлежит вам. Когда вы намерены судить ведьму?

Однако селянин словно бы и не слышал слов варвара. Медленно, не сводя глаз с женщины, он приближался к ней, пока наконец не остановился совсем рядом, вплотную к ней. Конан видел, что ей хочется отшатнуться, но почему-то она усилием воли заставляет себя оставаться на месте.

— А ты совсем не изменилась... — срывающимся голосом выдохнул отец Кайты.

Она смотрела на него несколько мгновений, прежде чем бросить презрительно:

— Ты тоже, Майдрак. Все такой же жадный ублюдок!

— Ах ты!.. Эй, отпусти! — последнее предзнаменование уже Конану, который перехватил занесенную для удара руку селянина. Толпа, собравшаяся вокруг, возмущенно загомонилась. Рывком обернувшись к ним, киммериец обнаружил, что на лицах всех без исключения, не только мужчин, но и женщин, — то же самое хищное, алчное выражение, что и у отца Кайты.

Сдвинув брови, ибо происходящее нравилось ему все меньше и меньше, варвар поискал девушку взглядом, но не смог найти ее в толпе.

— Успокойтесь! Вы же хотели судить ведьму



— а не разорвать ее на части. Так пусть будет суд!

Однако эти слова оказали на селян совершенно неожиданное воздействие. Послышались крики:

- О чем он говорит?
- Что болтает этот наемник?
- Пусть убирается, пока цел!
- Вон отсюда!..

Вскинув меч, Конан с угрозой обвел взглядом толпу. Но прежде, чем он успел хоть что-то сказать в ответ, неожиданно вмешался Майдрак.

— Киммериец! Не слушай этих глупцов! — Голос его звучал просительно и успокаивающе. — Они так рады твоей победе, что сами не знают, что говорят. — При этом он яростно замахал на селян руками, словно желая заставить их замолчать. Как ни странно, толпа и впрямь притихла. — Мы будем судить ведьму по закону. Будь спокоен, она получит то, что заслужила. Но это будет еще очень нескоро. Сперва нам нужно принести жертвы богам, чтобы они назначили благоприятный день. Возможно, готовиться придется не один месяц... Ты уверен, что хочешь ждать так долго?

Еще чего! Торчать столько времени в этой дыре!.. Конан уже готов был ответить отказом, — как вдруг нечаянно перехватил взгляд ведьмы. Совсем не испуганная, она почему-то улыбнулась ему с таким видом, словно между ними была некая тайна, известная лишь им двоим.

И северянин вспомнил странное обещание,



которое она заставила его принести. И другие, не менее странные слова, которые колдунья произнесла потом...

Он вопросительно поднял брови.

— Ты сказала — *они обманывают меня?*

Но ответить женщина не успела. За спиной у киммерийца внезапно послышался истошный вопль Майдрака:

— Убейте его! — И толпа ринулась на варвара.

Зарывав, словно зверь, готовый к прыжку, он рывком развернулся, держа в одной руке меч, а в другой кинжал.

— Первому же, кто сунется, я вспорю брюхо!

Но даже эта яростная угроза ничуть не охладила горячие головы. Селяне неумолимо наступали, смыкая круг. В руках, откуда не возьмись, замелькали ножи...

— Ну, кто первый, мерзавцы?! — проревел Конан, готовый дорого продать свою жизнь.

Но прежде чем он успел вступить в безнадежный бой, неожиданно прямо перед ним мелькнула серебристая тень. Это ведьма бросилась вперед, — и встала прямо между киммерийцем и алчущей крови толпой.

— Не подходите! — выкрикнула она, и толпа неожиданно подчинилась. Женщина, сделав шаг назад, спиной прижалась к груди Конана. От неожиданности тот даже не успел отступить. — Не подходите, иначе он убьет меня!..

Более нелепой угрозы от женщины, и без того обреченной на смерть, невозможно было себе даже представить. Однако северянин с изумлением



обнаружил, что на селян слова колдуньи произвели почти магическое действие, — не хуже любого заклинания. Толпа замерла, лишь с ненавистью пожирая взглядом ведьму и варвара.

Что ж, он не понимал правил игры, но готов был сделать свой ход.

— Все назад! — закричал Конан и приставил к горлу женщины нож.

Он и сам этого не ожидал, но мерзавцы подчинились беспрекословно.

— А теперь, — ледяным тоном продолжил киммериец, — пусть кто-нибудь объяснит мне наконец, что происходит. Кайта!

Девушка протолкалась вперед, испуганно взирая на северянина.

— Я... я ничего не знаю, честно...

— Тогда ты, Майдрак!

Селянин яростно замотал головой, пятясь под гневным взглядом Конана.

— Нет! Нет... Уходи прочь, чужак! Никто не тронет тебя — только уходи! Это *наше* дело. Между нами и этой ведьмой... Уходи прочь!

— Не дождетесь! — варвар скрещетнул зубами. — Эта тварь сгубила целый караван, прикончила моего друга... Я не уйду, пока не покончу с ней! Но сначала добьюсь от вас правды!

Толпа испепеляла взглядами Конана; мужчины — молча, а женщины — бормоча себе под нос какие-то проклятия и сплевывая под ноги. В ответ, тот демонстративно поиграл ножом перед лицом у колдуньи...

— Ты ничего не добьешься от них.



В огромном притихшем зале голос ведьмы прозвучал неожиданно громко, многократно отразившись от каменных стен.

— Ты не посмеешь! — Кто-то из селян, не выдержав, метнулся к ней. Но, натолкнувшись на грозный взгляд Конана, осекся и попятился.

— Говори! — рявкнул киммериец, нависая над пленницей.

Из толпы снова послышались вопли:

— Не слушай ее, чужак! Не смей!

И даже:

— Лучше убей ее!..

Но звучный колдовской голос с легкостью перекрыл все эти возгласы. У северянина было такое впечатление, словно они в этом огромном зале остались одни, и женщина рассказывает ему свою историю негромким, доверительным голосом, словно давнему хорошему другу...

* * *

— Ты не задумывался, почему эту долину именуют Долиной Унгорона? — спросила она. — И почему тут нет крестьянских домов, а только этот замок... хотя все эти люди, — она обвела взглядом толпу, — утверждают, что жили здесь. Впрочем, в этом, единственном, они говорят правду. Почти...

— И что же это за замок? — заинтригованный, против воли спросил Конан.

— Унгорон был магом. Очень сильным и известным на весь мир...



— Никогда о таком не слышал, — презрительно хмыкнул варвар. Ну почему каждый жалкий шарлатан-колдунишка вечно мнит себя пупом земли?

Но женщину ничуть не смутило презрение в его голосе.

— Это было почти полвека назад, — молвила она. — Полвека назад он создал меня...

— Создал? Так ты...

Она кивнула.

— Да, я не человек. Точнее, *не вполне* человек, ибо вызванную им сущность Иномирья Унгорон все же вселил во вполне земное, смертное тело... которое, правда, потом изменилось под действием колдовства.

Значит, вот, что означали слова, с которыми отец Кайты обратился к ведьме. Конечно, она и не могла постареть...

— Продолжай, — сухо велел ей Конан. — Зачем он создал тебя.

— Чтобы использовать в своих целях, зачем же еще! — Женщина невесело хохотнула. — Все люди одинаковы... С моей помощью он хотел добыть себе славу, власть и богатство.

— Вот как? — Конан заинтересовался. Конечно, он помнил, что перед ним убийца, и был полон решимости покарать ее, но все же... — Ты дала ему все это?

— Да.

Заслышав этот простой ответ, толпа селян вздохнула и едва слышно застонала, словно единый организм... словно раненый зверь.



— Дело в том, что я могу предсказывать будущее, — прошептала женщина едва слышно. — То есть, не совсем «предсказывать», ибо будущее непредсказуемо по самой сути своей. Но если человек знает о какой-то развилке в своей жизни, о возможности выбора, то от меня он узнает, что получит, ступив на избранную тропу... Унгорон продавал эту мою способность. Продавал очень дорого — всем, кто способен заплатить.

Она помолчала. А потом, внезапно изогнувшись под рукой киммерийца, который по-прежнему держал у ее горла нож, повернулась, чтобы взглянуть ему прямо в глаза.

— Хочешь знать, как это происходило? Что должен был сделать человек, чтобы получить от меня ответ?..

Против воли, северянин уставился в ее серебристые глаза, в глубине которых плескалась боль. Он хотел бы солгать, но почему-то не смог.

— Я слышал... — вымолвил он через силу. — Слышал о весталках богов, который предвещали грядущее после соития с мужчинами. Таков и твой дар тоже?

Ведьма кивнула.

— Это так. Человек должен возлечь со мной — и получит ответ.

— Человек? — Он нахмурился. — Мужчина?

— Не обязательно. Пусть одна из этих... — колдунья пренебрежительно кивнула в сторону женщин в толпе, — ...подойдет сюда и посмотрит на меня. Как можно ближе...

Конану пришлось рывкнуть на них дважды и



вновь пригрозить прирезать пленницу, прежде чем мать Кайты повиновалась. И тогда глазам варвара явилось чудо.

Под горящим алчностью взором женщины фигура колдуньи внезапно утратила четкость очертаний, сделалась текучей, словно белесый туман, — а затем перед Конаном оказался юноша с белоснежными волосами и серебристыми озерцами глаз. От неожиданности, варвар едва не выпустил пленника.

Когда он взглянул вновь, ведьма вновь стала собой. Впрочем, мог ли он знать наверняка, каково ее истинное обличье? Северянина передернуло.

— Так значит, и мужчины, и женщины, да? — задал он уже ненужный, в общем-то, вопрос.

Колдунья кивнула.

— Так решил мой хозяин. Видишь ли, он не желал упустить никакой возможности. Женщины ведь тоже платят за прорицания...

— Но разве ты не могла отказаться? Сопротивляться? Спастись бегством, в конце концов? — Варвар попытался вообразить себе участь этой... этого существа, и ему стало не по себе. Ведьма покачала головой.

— Унгорон слишком хорошо все продумал. Его чары держали меня в повиновении. Я была бессильна. Он приводил ко мне всех, кто этого хотел, — и я давала им то, чего жаждала их душа. Я ненавидела каждое мгновение этой жизни... но чары мага не позволяли мне даже покончить с собой!



Она вскинула руки, и на запястьях Конан заметил тонкие ниточки давнишних игравших.

— Так что же случилось с колдуном? — резким голосом спросил он, пытаясь заглушить вспыхнувшую жалость к этому созданию. — Ты нашла способ разделаться с ним.

Женщина кивнула и указала на толпу, по-прежнему пожиравшую ее глазами, словно псы — лакомую кость. Они больше не пытались помешать ей говорить, но жадно впитывали каждое слово, покачиваясь, точно зачарованные.

— Эти люди помогли мне. Бывшие слуги колдуна — они жили здесь, в замке. Его стражники, виночерпий, лакеи, кухарки... Хозяин любил пышность, и здесь всегда было полно народу. Я подружилась с одной девушкой, что ухаживала за мной. Она передала мой план остальным. Они убили Унгорона. Я плакала три дня, от радости, что наконец обрела свободу...

— И что же? — Впрочем, у Конана возникло неприятное ощущение, что он уже знает ответ.

— Я была в долгу перед моими спасителями. Я не могла оставить их просто так, не отплатив за доброту. Сперва один из них пришел ко мне, слезно моля о предсказании, затем — другой, третий... Я не отказывала. Ведь я хотела быть благодарной. И к тому же, я столько раз уже делала это... еще один раз, или два не играли значения. Я даже радовалась, что могу хоть так отплатить им добром за добро... Но потом...

— Они стали слишком алчными, да? — помог ей Конан.



Ведьма кивнула. По щечкам ее медленно скатывались слезинки.

— Это началось постепенно. Я даже не успела ничего понять. Сперва они спрашивали о действительно важных вещах, но потом... Потом они уже ничего не хотели делать без предсказаний. Девуцы спрашивали, с кем им пойти на свидание. Мужчины — в какую сторону лучше пойти на охоту, или где искать потерявшуюся козу... — Она невесело хохотнула. — Один-единственный раз я решилась наконец отказать. Сказала, что больше не могу. Что они жестоки со мной, как мой прежний хозяин... И они оставили меня в покое. Веришь ли? — она обратила свой взор на северянина.

Тот покачал головой.

— Почему-то не верю.

— А вот я поверила. И ела с ними вечером. И пила вино, как всегда. А когда проснулась... — Она помолчала, борясь с нахлынувшими воспоминаниями. — Если бы могли пройти по замку, я бы показала тебе комнату, где они заперли меня. И ложе, к которому привязывали... Ведь, в отличие от Унгорона, они не владели магией, принуждающей к покорности. Но их способы оказались ничуть не менее действенными.

— Это правда?! — Яростным взором Конан обвел толпу. Селяне молча отводили глаза. Никто не решился ответить.

И тут неожиданно Кайта выскочила вперед.

— Ты!.. — Она вплотную подскочила к отцу и плюнула ему в лицо. — Никто никогда не гово-



рил мне... Ты омерзителен!.. — Она встала рядом с киммерийцем. — Я уйду вместе с тобой, Конан. Ни на миг не останусь здесь, в этом проклятом месте!

Северянин молча кивнул ей, а ведьма между тем продолжала свой рассказ тихим, монотонным голосом, словно и не заботясь, слушает ли ее кто-нибудь:

— ...Мне повезло. Просто повезло. Они держали меня в комнате, где был тайный ход в кабинет Унгорона. Та комната тоже оказалась заперта снаружи, так что о побеге пришлось забыть... Но зато я нашла его книги. И этот шар, который ты разбил, чужак...

— С его помощью ты оградила долину, да?

— И создала Стражей, которые изгнали этих людей прочь. — Ведьма вздохнула. — Я не хотела никого убивать. Мне всего лишь было нужно, чтобы они ушли. Но они не пожелали покинуть горы. И остались, в надежде рано или поздно вернуться в долину и вновь получить... свои предсказания. Даже вечная зима и снег не смогли отвести их отсюда. И тогда они нашли тебя...

Кивнув, с мрачным видом киммериец обвел селян взглядом. Ему ни к чему было задавать вопросы: он и без того по их лицам видел, что женщина говорила правду.

И что теперь? Убить ее у него не поднялась бы рука. Оставить в замке?.. Но выгнать отсюда селян он не сумеет, а шар колдуна разбит, и чары его развеялись...

Ладно, сказал себе варвар. Это решение было



не слишком ему по душе, но лучшего он все равно не нашел.

— Вы заслужили свою долину, — презрительно бросил он в толпу, — так получайте ее. Живите здесь... И надеюсь, в конце концов вы перережете друг друга! А эта женщина уйдет со мной. — И, заметив, что толпа вновь угрожающе заворчала, полная решимости не выпускать его с вожаком добычей, угрожающим тоном добавил: — Вы можете броситься на меня. Но я успею убить ее. И прикончу любого, кто решит преградить мне путь. Желаете попробовать? Ну же, давайте, мерзавцы, вперед! — И Конан принялся вращать мечом, с легкостью выписывая круги и восьмерки тяжелым оружием, да так, что сам воздух запел от предвкушения битвы.

Как он и ожидал, толпа испуганно отпрянула. Они были рабами, и потомками рабов! Такие никогда не дерутся... хотя могут накинуться сзади.

Он бросил Кайте свой нож.

— Прикрывай мне спину, девочка. Мы уходим отсюда.

В гробовой тишине они втроем вышли из зала и направились по коридору к выходу, белевшему впереди ослепительно-ярким пятном.

Ночь кончилась. Начинался новый день.

Никто так и не осмелился преследовать их.

* * *

— И куда ты пойдешь теперь?

Конан не слишком спешил с этим вопросом,



но все не удержался и задал его ведьме, едва лишь они миновали непреодолимую прежде Черту, отделявшую долину от остального мира.

— В Аквилонию.

Она быстро шагала по снегу, уже начавшему стремительное таяние, — ведь магические чары больше не сдерживали его. Солнце на ослепительно-синем небосводе заливало мир ласковым янтарным светом, словно обещая прощение всех грехов и избавление от бед.

— И куда же именно? У тебя есть место, где ты будешь в безопасности?

По-прежнему не оборачиваясь, ведьма бросила:

— Я в безопасности, пока я с тобой, Конан. Не думай, что эти люди откажутся от мысли вернуть меня. Совсем немного времени пройдет, они опомнятся и бросятся в погоню... Поэтому мой путь лежит туда же, куда и твой. В Шамар, не так ли?..

Нагнав ее в три прыжка, варвар схватил женщину за плечо и рывком заставил обернуться к себе.

— Откуда ты знаешь?!

Она безмятежно взирала на него своими нечеловеческими серебристыми глазами.

— Но как же иначе? У меня были долгие годы, чтобы продумать план спасения. Неужто ты думаешь, я так и хотела вечно жить взаперти в этом проклятом замке? Или что я оставила бы все на волю случая?..

— Она... она... — пискнула Кайта из-под локтя



у киммерийца, с неожиданной ненавистью глядя на беловолосую женщину. — Она заглядывала в свое будущее! Она знала все, что случится! Она это подстроила!.. Ведьма!

Ошарашенный, Конан воззрился на колдунью.

— Это правда?

Та кивнула, с невинным видом.

— Твоя подружка очень сообразительна. Я, и правда, заранее знала, что ты — мой единственный шанс. Кстати, извини за лавину, но другого выхода не было. — Вид у нее при этих словах был ничуть не виноватый, а даже слегка торжествующий. Похоже, она гордилась тем, как хорошо все продумала. — Во всех иных вариантах будущего ты уезжал прочь, так и не сунувшись в замок...

Лишь сейчас, глядя на нее, Конан осознал, что она имела в виду, когда говорила, что она — *не вполне* человек. И дело не в ее пугающих способностях... Существо из Иномирья, коим ведьма являлась в действительности, было лишено самых важных свойств, которые, собственно, и делают людей — людьми. Сострадания. Жалости. Милосердия.

Или, возможно, так искалечило ее ужасное существование, на которое колдун Унгорон обрек свою пленницу...

Конан не знал точного ответа, да и не хотел ломать голову. Гораздо важнее было решить, что ему делать теперь с этой внезапно свалившейся на плечи обузой.

— Я не стану тебя убивать, — объявил он сухо, — хотя неупокоенный дух Аньярда наверняка



будет являться ко мне ночами и взывать к отмщению. Но я не сделаю этого... Однако не хочу и видеть тебя рядом. Как только мы выберемся из этих гор — ты уберешься на все четыре стороны. Поняла? Иначе я могу и передумать, и уступить Аньярду!

Ведьма посмотрела на него с таким видом, словно собиралась что-то сказать... но почему-то только кивнула. Из-за плеча у киммерийца послышался тягостный вздох Кайты.

— Я не умею предвидеть будущее, но знаю точно: нам от нее будут одни неприятности. Ты точно не хочешь убить ее прямо сейчас?

Рассмеявшись, Конан обнял за плечи свою кровожадную подружку.

— Пожожу пока. А с неприятностями мы справимся вместе, верно?

Кайта доверчиво прижалась к нему.

— Конечно. — Она поцеловала северянина в щеку. — Тогда давай пойдем поскорее. Мне не терпится увидеть Большой Мир!

И они двинулись вперед по горной тропе, больше не оглядываясь на среброволосую ведьму.

Но Конан не сомневался, что она следует за ними.

* * *

Наутро следующего дня ему пришлось горько пожалеть о давешнем пренебрежении, с каким он отнесся к словам Кайты.

Рассвет встретил его непривычной, какой-то



гнетущей, мертвенной тишиной. То, что ведьмы нет в пещере, где трое беглецов нашли себе пристанище на ночь, — это он понял сразу. Но вот на то, чтобы заметить Кайту, ушло еще несколько мгновений.

Хотя она была совсем рядом. В нескольких шагах, у выхода из пещеры...

Лежа на земле, она взидала в бездонные небеса широко распахнутыми глазами. И рукоять кинжала, торчащая у нее из груди, казалась каким-то странным, нелепым и ненужным украшением.

Крови почти не было. И боли, должно быть, тоже. На лице Кайты, красивом и почти безмятежном, застыло лишь выражение легкого удивления...

Крик Конана, разорвавший безмолвие равнодушных гор, казалось, мог сотрясти землю до основания:

— Убийца! Тебе не скрыться от меня! Где бы ты ни была, — я отыщу тебя, ведьма!..

Почудилось ли ему, или ветерок внезапно и впрямь донес едва уловимый шепот:

— Мое имя Маитимо... Найди меня — если сумеешь...

Вокруг не было ни души.

Стиснув зубы, Конан зашагал на запад.

В Шамар.



Тайна песков



Робра смотрела человеку в глаза. В ней было больше девяти локтей длины. Ее огромный раздутый капюшон заслонял солнце, пока оно не поднялось выше. Но теперь жаркие лучи причиняли человеку невообразимое страдание, настолько сильное, что даже страх перед змеей начинал отступать.

Человек сидел, прислонившись спиной к стенке колодца. Утром она была холодной и влажной от росы, а сейчас уже раскалилась и гудела от зноя.

У человека затекли ноги, ныла поясница, обожженная кожа натягивалась на скулах, в голове пульсировала боль. Но самое страшное происходило с глазами — солнце постепенно выжигало их.

Кобра медленно раскачивалась. Иногда ее голова оказывалась так близко, что человек ощу-



щал движение воздуха, производимое раздвоенным языком.

«Еще немного, и я пошевелюсь, — подумал человек. — И будь что будет. Змеиный яд убьет меня быстрее, чем солнце».

Он не осознавал, сколько уже прошло времени, чувствовал только, что солнце поднимается выше и выше, — лучи становились отвеснее и горячее. Человек закрыл глаза и закричал бы от боли, если б у него оставались силы на крик. Кобра уловила движение век и громко зашипела.

«Сейчас...» — пронеслось у человека в голове.

Сквозь вспыхнувшие ослепительные круги он, даже закрыв глаза, видел перед собою змеиную чешую, отливающую металлом, зловещие вертикальные зрачки и волнистую поверхность песка до самого горизонта. Потом все сделалось белым, и в белизне, кружась и сталкиваясь, стали падать снежинки.

Откуда-то из самой гущи бурана возникла тень причудливых очертаний. Тень надвинулась на человека — ее отбрасывал всадник вместе с лошадьё. У всадника были синие, ледяные глаза.

«Я умираю», — подумал человек, и в этот миг все погасло вокруг него.

Однако спустя некоторое время он пришел в себя. Лицо его оказалось сплошь залеплено чем-то клейким, и от этого было трудно дышать. Кроме того, он замерз. Рядом кто-то дышал, громко и с легким усилием, будто во сне.

— Где я? — спросил человек.

Дыхание пресеклось, затем послышалось сдав-



ленное ворчание. Невидимый пошевелился и не спеша ответил:

— В пустыне.

— Сейчас ночь?

— День.

— А почему так холодно? — продолжал спрашивать человек, при этом выразительно клацнув зубами.

— Ты перегрелся, и тебя лихорадит.

«Знакомый голос и знакомая манера говорить», — отметил про себя человек, а вслух произнес:

— Что с моими глазами? Я потерял зрение?

— Узнаем, когда снимем примочку, — ответил невидимый. Теперь в его интонациях чувствовалось раздражение.

— А когда можно будет ее снять?

— Не знаю, я не врач.

Человек вздохнул и ощупал руками свое лицо. На нем лежала какая-то тряпица, пропитанная густой, вязкой массой — сверху она уже подсохла и была жесткая, как корка.

— Что это? — спросил он.

— Змеиная кровь, — ответил неизвестный.

Человек сорвал тряпицу с лица и отбросил ее прочь. Свет ударил его по глазам, и он заплакал.

— Значит, ты не ослеп, — произнес синеглазый.

Они находились в небольшом оазисе. Прямо над их головами цвела акация. Странно было видеть это и знать — вокруг на много дней пути только песок и больше ничего.



— Я — лорд Риго из Бритунии, — назвался человек, шевеля пересохшими губами.

— Я помню тебя, — отвечал синеглазый.

— Мы встречались раньше?

— Двенадцать дней назад ты не захотел нанять меня в проводники до Шахризабса. Ты сказал, что проводник-северянин ни на что не годится в песках, и взял Керима. Керим завел тебя сюда, отнял твоего верблюда, твои деньги и твое оружие. А тебя бросил. Я правильно говорю?

Лорд Риго застонал от бессильной ярости.

— Грязный мерзавец, — пробормотал он, — пусть только попадется мне...

Синеглазый северянин лег на спину и заложил руки за голову. Руки взбугрились мышцами и стали похожи на двух удавов, проглотивший каждый по паре кроликов.

Неподалеку снятая змеиная кожа сохла, переброшенная через горизонтальную ветку. Внизу под ней вялилось сырое мясо, нарезанное узкими полосами.

— Это змеиное мясо? — уточнил Риго дрогнувшим голосом.

— Да, — ответил синеглазый.

— Я не буду есть это, — сказал Риго.

Синеглазый равнодушно глянул на него и ответил:

— Не ешь.

Страдая от озноба и ощущая страшную тяжесть во всем теле, лорд Риго сел. Между ним и синеглазым на земле лежала фляга. Риго протянул к ней руку. Северянин наблюдал за этим



молча. Тогда Риго взял флягу, открыл ее и сделал два глубоких глотка.

Это было что-то очень крепкое, настоящее на травах и кореньях. Несчастный бритунец замычал от неожиданности, поперхнулся и долго не мог сделать вдох. Однако лихорадить его перестало почти сразу.

— Славная штука, — бросил Риго с деланным спокойствием. — Благодарю.

Северянин прикрыл глаза.

— В Замбуле ты назвался Конаном, — припомнил Риго. — Не хочешь ли ты по-прежнему наняться в проводники, Конан-северянин?

— Не хочу, — отозвался синеглазый.

— Почему?

— У тебя нет денег. А у меня деньги появились, и работа мне пока не нужна.

С этими словами северянин снял с пояса увесистый кошелек, расшитый бисером, и потряс им в воздухе. Риго выпучил глаза.

— Подожди... Это же мой кошель! Я узнаю его!

— Он был твоим, пока Керим не отнял его у тебя. А теперь он мой, — сказал Конан спокойно и уверенно.

Поразмыслив, лорд Риго решил согласиться с ним. К тому же, очевидно, негодая Керима постигла незавидная участь, и бритунец от души этому порадовался.

Он был неудачником с самого рождения, потому что появился на свет с опозданием в полчас. Брат-близнец опередил его, похитив из-под носа титул и землю.



После череды мелких неудач, которая продолжалась девятнадцать лет, Риго, лорд-без-земли, сел на корабль, оплывающий из Мессантии на поиски новых стран, которые можно захватить и разграбить. Корабль этот битком был набит неудачниками, изгоями, а то и просто остолохами всех мастей и видов. На второй день плавания кто-то из них, шутки ради, вымазал салом веревку, поддерживающую подвесную койку Риго. Привлеченная запахом, корабельная крыса пробралась по балке и перегрызла тросик. Риго упал и сломал спину.

К счастью, все произошло недалеко от берега, в водах Зингары, иначе калеку просто выбросили бы за борт. Но долгих десять лет Риго не считал это везением. Десять лет он лежал на худом тюфяке в доме призрения, в Кордаве.

Один, в чужой стране, да еще и калека!

Обитатели дома призрения должны были заниматься попрошайничеством, чтобы окупить скверную похлебку, тюфяк и крышу над головой. Тех, кто не мог ходить, выносили на паперть соседи-товарищи. На ломаном зингарском наречии лорд Риго рассказывал прохожим о своих неудачах. Многих это забавляло, и подавали ему щедро. На скопившиеся излишки бритунец покупал порошок черного лотоса. Сознание его потихоньку гасло, как гаснет свеча, заплывшая воском.

Но однажды на заплыванной паперти возле вечно гудящего торгового Риго сделался обладателем драгоценной тайны. Она была грандиозна



— ради нее стоило жить дальше. Лорд-без-земли воспрянул духом. Ему предстояло вновь научиться ходить. Это оказалось нелегко.

Восемнадцать часов в день калека напрягал мышцы, превратившиеся в дряблые веревочки. Отказавшись от зелья, он нанимал за грошовую плату престарелую шлюху, которая делала ему массаж. Руки у нее были жесткие и сильные. Полтора года Риго насиловал свое расслабленное тело, и однажды оно подчинилось.

Ближайший его сосед, Багер-бесноватый, выдававший себя за пророка, наблюдал за ним с изумлением.

— Что ты делаешь, глупый? — спросил он однажды. — Сам у себя отбираешь дармовой кусок хлеба. Когда ты начнешь ходить, тебе придется работать.

— Но сначала ты меня исцелишь, — подмигнул ему Риго.

Через два дня, все на том же торжище, произошло чудо. Багер-пророк на глазах у прохожего люда весьма убедительно изобразил припадок. Он бегал вокруг лежащего Риго, бешено жестикулировал, скулил и закатывал глаза. Набегавшись вволю, Багер яростно потряс кулаком и трижды плюнул калеке на ноги. Риго медленно поднялся. Восторгу толпы не было пределов. Денег им накидали столько, что деревянный ящик не выдержал тяжести монет — у него отвалилось дно.

На свою долю Риго приоделся, сходил в хорошую баню, посмотрел, как пляшет смуглая тан-



цовщица в одних только шальварах. Потом он нанялся работником в богатый загородный дом. Его хозяин-шемит платил скупно, но не выносил вида голодных людей. Риго работал за четверых, радуясь новым возможностям своего тела, и ел за семерых, чтобы укрепить его.

— Горе мне и моему дому! — воскликнул хозяин-шемит, когда Риго объявил ему, что уходит. — Разве тебя обижали? Разве ты плохо кушал? Оставайся, сегодня у нас на ужин рыба и овощи с уксусом и медом.

— У меня есть тайна, — отвечал Риго.

— Разве какая-то тайна стоит фаршированной рыбы?

Риго расхохотался, подхватил свой мешок и выбежал из дома.

Из-за травмы бритунец сделался ниже ростом, но теперь его торс поддерживал корсет из крепких мышц. Ноги стали выносливыми и легкими. Риго больше не был похож на неудачника и всегда отмечал это, когда ему на глаза попадалось зеркало. Другие люди тоже относились к нему иначе, чем прежде, — чувствовали в нем твердость. «Шахризабс» — волшебное слово, оно звучало в душе лорда-без-земли, обозначая приключение, сокровище, победу.

Риго не спешил, он приближался к цели постепенно, нанимаясь на работу то тут, то там. Владеть оружием он толком не научился, зато стал прекрасным наездником, освоил четыре языка, приспособился читать карты и определять стороны света по звездам. А тайна остава-



лась при нем — она лежала в футляре, свернутая в трубочку, а футляр висел на шее, на узеньком шнурке.

Но несчастливая судьба и не думала отпустить Риго из-под своей власти — она только заставляла, чтобы дать жертве время передохнуть.

Когда до вождьленного Шахризабса оставался один десятидневный переход, злая звезда указала грабителю Кериму на одинокого путника, ищущего проводника. К тому времени Риго скопил денег, обзавелся нарядом туранского караван-баши, а еще в нем проступило странное и нелепое высокомерие, которое любой бритунец всасывает с молоком матери. Упустить такую добычу значило прогневать богов, покровительствующих преступникам, а Керим этих богов весьма чтит.

Он не стал убивать чужака, а только обобрал до нитки. Футляр с тайной тоже перекочевал к нему. Правда, Керим не взял на себя труд выяснять, что это такое. Посмеиваясь, разбойник указал направление к ближайшему колодцу и уехал, уводя в поводу захваченного верблюда. А Риго пошел к колодцу. К утру он все-таки нашел его, но в нем не было воды. Вместо живительной влаги Риго обнаружил в колодце огромную кобру...

— Ты прав, — обратился лорд Риго к синеглазому. — Сдается мне, что и бывший мой верблюд теперь тоже принадлежит тебе.

Конан промолчал в знак согласия.

— И шелковый бурнус, и куфия, и серебряный наборный пояс, — продолжал Риго. — И зин-



гарская сабля, и бронзовая застежка для плаща, и сам плащ из чудной беленой шерсти, которая отталкивает пыль и спасает от перегрева... Ну что ж, это хорошие вещи, хоть и дорогие. Пусть теперь послужат тебе. Но среди них есть одна вещица, которая представляет ценность только для меня. Это плоский футляр из клееного папируса, а в нем — рисунок, сделанный тушью на рисовой бумаге. Не мог бы ты вернуть его мне?

Надежда ожила в душе бритунца. Лишь бы получить свою тайну обратно, а уж выбраться отсюда он и сам сумеет.

Но Конан покачал головой отрицательно и нахмурился.

— Почему? — деланно изумился Риго. — Тебе понравился футляр? Оставь его себе. Мне нужен только клочок рисовой бумаги с рисунком.

— Футляр мне был ни к чему, — ответил Конан. — Я выбросил его.

Риго сам не понял, как вскочил на ноги. В глазах у него все залилось багровым.

— Ты выбросил его?! — вскричал он. — Дубина, глупец, олух! Ты — выбросил...

Лорд-без-земли истерически расхохотался, а потом оскалил зубы и набросился с кулаками на своего спасителя. Ярость вернула ему силы, но лишила разума — Конан был крупнее и тяжелее в полтора раза, не меньше. Северянин мог бы убить его одним ударом кулака. Однако он ограничился только коротким тычком в грудь. Риго осел на землю, закашлялся и стих.



— Что было нарисовано на бумаге? — спросил Конан невозмутимо, когда Риго восстановил дыхание.

— Танцующая женщина, — ответил тот и поперхнулся.

— Ты хотел меня ударить из-за нарисованной танцующей женщины? — Конан не скрывал недоумения.

Риго с ненавистью посмотрел на спокойную фигуру северянина, но выражение его лица вдруг изменилось. Счастливая мысль пришла к нему в голову.

— Если я посулю тебе деньги, настоящую сумму, а не ту, что в моем... твоём кошельке, — ты поможешь мне? — спросил он.

— Где ты их возьмешь? — усмехнулся северянин.

— Нам придется потрудиться. Слышал ли ты о «Жемчужине Песков»?

— Конечно, слышал. Фульк Кошачий Глаз, знаменитый вор, украл ее много лет назад у вендийского чародея. Говорили, что Кошачий Глаз спрятал жемчужину незадолго до своей смерти. Она черная, размером с кулак и стоит так дорого, что некоторые князья снаряжали целые армии, чтобы только отбить ее и присвоить.

— Ты слышал не много. — Риго торжествовал. В глазах Конана он уловил вспыхнувший интерес. «Вряд ли этого увальня интересуют деньги, — подумал бритунец. — Просто наш варвар любит крупные блестящие предметы».

— «Жемчужина Песков» никогда не удержи-



балась надолго у одного владельца, — продолжал он. — Фульк не был исключением. У него ее украли...

Ему пришлось прервать свое повествование, потому что Конан рассмеялся. Северянин скалил крупные белые зубы, фыркал, колотил кулаками об землю и даже пустил слезу. В этот миг он был похож на мальчишку.

— Продолжай, — велел он, успокоившись наконец. — Я люблю хорошие истории.

«Замечательно», — сказал себе лорд Риго, а вслух произнес:

— Ну что ж, слушай, рассказ будет долгим.

Первым хозяином жемчужины на земле был дэв Зулаксар. Он похитил ее в прозрачном мире, где рождаются стихии, где от звезды до звезды подать рукой. Зулаксар хотел подарить жемчужину пэри по имени Алори, но та отвергла драгоценность.

— Мне нет дела до тебя, дэв, — сказала она. — Мое сердце с другим. Его крылья сотканы из света, его очи ярче звезд. Для меня каждое утро он зажигает зарю, для меня каждую ночь он заставляет луну танцевать. А ты даришь мне жемчуг, и только.

Отвернувшись гордая Алори, а Зулаксар впал в ярость. Он повалился наземь, его черные кожаные крылья взмахивали так сильно, что на море Вилайет разыгрался шторм. Жемчужину он метнул от себя прочь, и она улетела на много и много парасангов. В злобе своей много бед натворил бы дэв, если бы высшие силы не лишили его мо-



гущества в наказание за воровство. Говорят, он и по сию пору бродит в безлюдных краях, ищет жемчужину, надеясь вернуть ее в прозрачный мир, чтобы заслужить прощение.

Жемчужина закатилась далеко, на дно ущелья Баарваль, что в Рабирийских горах. Будь она обычной, вроде тех, что добывают ныряльщики, конечно, побилась бы, поцарапалась, потускнела. Но с этой жемчужиной ничего подобного не произошло.

Спустя сотню-другую лет обнаружил ее один мимохожий бродяга. Может, он раньше слышал о ней или читал в ученой книге — об этом не узнаешь наверняка. Верно только, что именно он дал ей имя — «Жемчужина Песков». Бродяга продал сокровище и сказочно обогатился. Его потомки только и делали, что мотали деньги и все еще живут знатно и ни в чем себе не отказывают.

Аквилонский граф купил жемчужину и держал ее в шамарском замке, пока она не исчезла, чтобы появиться у менялы из Велитриума. На нее любовались в Луксуре и Галпаране, в Эруке и Нумалии. Император Кхитай посвящал ей стихи, псгардский ярл ею заплатил виру за убитого ванхсймского царевича...

Раабат Нипур, вендийский маг, заполучил жемчужину с определенной целью. Деньги ему были не нужны — он умел делать золото из мусора. Нет, он рассчитывал с ее помощью достичь совсем иного могущества — поработить Зулаксара. Нипур знал — если вынудить отверженного дэва дать клятву, он сдержит ее. Вернув жемчуг



и восстановив свою силу, Зулаксар стал бы служить магу до конца его дней... Случилось так, что Раабат Нипур нашел Зулаксара и заключил с ним договор. Но когда пришло время магу платить, пустым оказался его тайник — там уже побывал Фульк по прозвищу Кошачий Глаз.

Рассерженный Зулаксар уничтожил вендийского мага — тому не помогли ни огненные шары, ни громовая стрела. Его обнаружили вмерзшим в огромный куб льда на задах постоянного двора в Бельверусе. Если учесть, что стояло в ту пору жаркое лето...

— Постой! — Конан перебил рассказчика. — Выходит, что какие-то остатки былой мощи дэв все-таки сохранил?

— Получается, что так. — Риго пожал плечами. — Вряд ли это имеет значение. Почти полвека о Зулаксаре никто ничего не слышал. Возможно, что с досады он провалился в самую толщу земли и сгинул там навсегда.

Фульк Кошачий Глаз обожал хвастаться. Обокрасть чародея — что может быть почетнее для вора, который полагается только на ловкость рук и быстроту ног? Скоро каждая тарантийская шлюха знала о трофее Фулька.

Была среди них одна, именем Базила, совсем молоденькая. Как все начинающие шлюхи, она считала, что прекратит торговлю собой, как только ей повезет. Но ей не везло. В бордель, где та подвизалась, не заходили титулованные особы, да и богачей там не бывало — одна только солдатня. Каждой шлюхе нужен мужчина, кото-



рый пропивал бы заработанные ею деньги. Завелся такой и у Базиллы. Звали его Арно. Он пытался разбогатеть странным способом — предаваясь грезам, словно надеялся силой своего отчаяния превратить мечту в нечто осязаемое. От этих грез Арно стал нервным, злым и все время опасно озирался.

А Фульк Кошачий Глаз, конечно, рассказал Базилле о жемчужине. Он был уже немолод, ему льстило даже купленное женское внимание, этим Базила и воспользовалась. Какое-то время она старательно ублажала старого мошенника, причем — бесплатно. Фульк принял это за любовь и размяк.

— Он разболтал девке, где хранил похищенное, — догадался северянин.

— Именно так и случилось. Жемчужина и другие сокровища лежали в старом гробу, под землей, на кладбище для нищих.

В один прекрасный вечер Базила опоила Фулька сонным зельем, подмешанным в вино. Наверное, вор с самого детства не спал так безмятежно и крепко, как в ту ночь...

Вызвав запиской из кабака своего друга, Базила направилась с ним на кладбище, которое находилось за чертой города. Ночь была самая подходящая для такого дела — черная, ветреная. То и дело принимался хлестать ливень. Среди могил метались тени, потревоженные мерцающим светом фонаря, — в нем теплилась маленькая свечка, годная только светить себе под ноги на крутой лестнице.



— Проклятье! — бранился Арно. — Давай уйдем скорее отсюда!

— Ты можешь уходить, слабак, — отвечала ему Базилла, — тогда я одна все сделаю.

— Где эта могила?

— Третья от северной стены во втором ряду.

— Знать бы, где северная стена... — То ли от холода, а вернее — от страха, зубы Арно клацали все громче и громче. Но Базилла не боялась ничего. Скоро нужная могила нашлась. Орудую заступом, постоянно слетающим с черенка, Арно разрывал ее. Базилла поставила фонарь на грубый валун, лежавший в головах фальшивого покойника, и внезапно рассмеялась.

— Ты что? — спросил Арно.

— Смотри, что здесь написано, — и она указала пальцем на камень.

— «Базилла и Арно», — прочел Арно. — Это что, шутка?

Базилла продолжала смеяться.

Когда крышка гроба отскочила в сторону, она смолкла. Жемчужина была там и влажно поблескивала в свете фонаря. Арно завернул ее в свой плащ.

— Я хочу поглядеть на нее, — сказала Базилла.

— Успеешь, — ответил Арно. — Нужно уходить отсюда. Погляди, в гробу много всякого добра... Возьмем?

Действительно, гроб без покойника содержал в своем нутре срезанные кошечки, золотые украшения, драгоценные камни, в оправках и без. Арно позабыл, что только мгновение назад угова-



ривал свою подругу поскорее покинуть кладбище. Он прыгнул в раскрытый гроб, утонув почти по колено в сокровищах.

Может быть, Фульк Кошачий глаз копил на черный день; может, собирался уйти на покой и пожить безбедно, а всего вернее — он, как сорока, прятал похищенное в тайнике и почти сразу забывал о нем. Для подобных людей прелесть воровства заключается в процессе, а не в результате. Так или иначе, в гробу лежало целое состояние, не считая жемчужины.

Базилла молча смотрела, как ее дружок копается в золотом прахе. Жемчужина, завернутая в плащ, теперь лежала у нее ног.

На глаза ей попался заступ и мелькнула мысль: «А не стукнуть ли этим заступом по макушке непутевого приятеля? Все равно толку от него немного...»

Но едва она так подумала, в темноте со стороны восточных ворот послышался приближающийся шум. Развеселая компания ночных гуляк решила пощекотать себе нервы. Они несли факелы, кувшины с вином, а кто-то из них бряцал на мандолине. Это были безобидные студенты из числа богатых (бедные, как известно, по ночам уныло зубрят скучные дисциплины).

— Кому известно? — качнул головою синеглазый варвар. — Лично я знал несколько студентов. Ничего они не зубрили, только пьянствовали и были не дураки подрасться.

— Это были как раз такие студенты, — не моргнув глазом, продолжил Риго.



«Что я вижу? — вскричал их предводитель, красивый, статный юноша. — Странные дела вершатся под покровом ночи!»

Гуляки, свистя и улюлюкая, образовали вокруг могилы хоровод и принялись плясать. Базилла также оказалась вовлечена в танец. Арно, обезумев от страха, пытался выкарабкаться из разрытой могилы. Земля осыпалась, и он снова и снова падал вниз, в груды бесценных побрякушек. Студенты потешались над ним, а их вожак хохотал громче всех.

Тогда Арно взбесился. Он вылетел из могилы, словно пробка из бутылки, схватил заступ и ударил красавца-повесу по голове. Бедняга умер на месте. От неожиданности все оцепенели, и среди тишины и неподвижности Арно схватил сверток с жемчужиной и бросился бежать.

Его никто не преследовал, потому что друзья убитого, как только прошел шок, сгрудились над остывающим телом. Базилла не могла поверить увиденному. Все ее планы пошли прахом. Она тоже попыталась бежать, но собутыльники несчастного вовремя остановили горе-воровку. Ее связали и передали в руки властей.

На допросе Базилла рассказала чистую правду, но ей не поверили. Некому было подтвердить ее слова. Во-первых, потому, что Фульк Кошачий Глаз исчез из города. Во-вторых, потому что Арно сделал то же самое. А убитый оказался как раз таким юношей, о котором Базилла мечтала, — племянником герцога и единственным наследником богатейшей семьи в городе. Августейший дя-



дя не удовлетворился ходом следствия, и чтобы угодить ему, судейские чиновники изобрели целую шайку заговорщиков, убийство бедного парня представили политической акцией, а сокровища, найденные в гробу, описали в качестве улики.

Что тогда началось! Ведь Кошачий Глаз похищал ценности во всех уголках мира! Таким образом, шайка заговорщиков превратилась в могущественное тайное общество, простирающее свое влияние на всю ойкумену.

За Базиллу взялись всерьез. Она скончалась от пыток, находясь уже в состоянии помешательства, и все время твердила про черную жемчужину.

Последнюю неделю ее жизни судейские даже не обращали внимания на то, что шептали искушенные губы преступницы. А вот палач, человек с большим житейским опытом, ловил каждое слово. Истязание превратилось в увлекательную игру для двоих. Базилла, утратив рассудок, встречала боль, как наслаждение. А палач следил, чтобы оно не приедалось, и слушал, слушал... В какой-то момент он позволил телу, насаженному на острую пирамиду, испустить дух. Вечером этого же дня палач вышел в отставку. Ему требовалось много свободного времени для собственного расследования.

Задача бывшего палача осложнялась еще и тем, что никто из завсегдатаев дешевых притонов не мог толком описать сбежавшего убийцу. До того незначительной личностью был этот Арно... Но палач сумел составить для себя портрет души



беглеца. Как собака, взявшая след, он ездил из страны в страну, оставляя крупные города без внимания. Спасающиеся трусы инстинктивно избегают больших городов, стремясь обнаружить глухое и заброшенное место, дыру, щель, в которую можно забиться.

— И очень глупо, — вставил Конан. — В большом, шумном городе легче затеряться, в то время как в глуши чужак заметнее прыща на носу. Продолжай.

— Палач ездил по местам убогим и унылым — его интересовали полувывмершие поселки, загложившие лесные деревушки и маленькие городки, состоящие из трех улиц, по которым сквозняки гоняют взад-вперед колючие шары перекасти-поля. Объявляясь в подобном городке, он находил нестарую женщину с неустроенной судьбой, похожую на Базиллу, похищал ее и долгое время беседовал с нею в лесной чаще... Что нужно хорошему палачу для работы? Моток веревки, огниво, дерево с удобным горизонтальным суком...

— Мразь, — констатировал варвар.

— Не могу не согласиться. — Риго устал, у него начал садиться голос. — Однако он редко ошибался. А беглец все не мог остановиться. Арно чувствовал погоню и спасался. В конце концов он так измучился, что признался себе: лучше уж было один раз умереть, чем всю оставшуюся жизнь качаться в седле и вздрагивать от каждого шороха. Увы — Арно боялся не смерти, а самого страха, и убегал, повинуюсь ему, как корабль повинуетсЯ течению. При нем находилось бесцен-



ное сокровище, которое нельзя было продать, и Арно научился есть один раз в четыре дня. Однажды он зарезал подгулявшего каменщика и оказался таким образом владельцем трех серебряных монет, мастерка, отвеса и рекомендательного письма, адресованного подрядчику Мирзо-Рашиду. Каменщик направлялся на заработки в Шахризабс.

То, что ныне — живописное собрание руин, полвека назад являлось ожившей сказкой, дерзкой мечтой. Миражом вырастал Шахризабс из песков, и верхушки его лазурных башен плыли в стеклистом мареве... Шахризабс журчал фонтанами, шелестел садами, галдел пестрой толпой на площади или страстно вздыхал под трели красногрудых кхитайских соловьев.

Построить красивый город в неудобном для того месте — тяжело; но еще тяжелее заставить такой город стоять. Ранним утром на улицы Шахризабса выходили каменщики, штукатуры, маляры и мастера по изготовлению цветных изразцов. Город восстанавливал то, что солнце и воздух, переполненный колючим песком, съели за прошедший день.

Каменщик из Арно вышел неважный, но зато теперь он мог отвлечься и не думать больше о своем страхе. Как оказалось — напрасно.

Палач вошел в город на закате, а к утру ему уже было известно, что Арно занят реставрацией колоннады летнего дворца. Дворец этот был построен Убилай-ханом в память о любимой его жене Ферузе. Некогда она танцевала для супруга



танец-навруз... В нем тридцать четыре основных фигуры. Поэтому портик фасада поддерживают тридцать четыре колонны, и на каждой из колонн Феруза повторяет движения танца. В то утро Арно возился с колонной, на которой изображалась фигура «Тюльпан раскрывается». Она сильно растрескалась, а со стороны, ближней к фасаду, из нее вынимался целый кусок.

Арно приготовил раствор, скрепляющий камень, и готовился уже замазать им все трещины, как внезапно страх уколол его в печень. В этот самый момент палач вышел на площадь Чиланзар и двигался по улице Гунча, направляясь к летнему дворцу. Арно еще не видел его, но уже чувствовал приближение своей судьбы.

Прислонившись на несколько мгновений лбом к прохладной колонне, Арно вдруг, по наитию, извлек из нее выпадающий кусок. Вынул жемчужину из рабочего мешка, обернул тряпицей, вложил в образовавшееся углубление и быстро замазал его раствором.

Потом он сел на мраморную ступень и стал ждать.

— Вот я и нашел тебя, — сказал палач, присаживаясь рядом. — Знаешь, это оказалось просто. Но ты сваял дурака. Убитого каменщика нужно было сбросить в карьер или утопить в болоте. По его рукам я догадался, что он был мастеровым. Дорога, у которой ты бросил беднягу, вела в Туран. Вот я и смекнул, что ты вместо него едешь на заработки в Шахризабс. Что, много платят?



— Что тебе нужно? — спросил Арно.

— Чтобы ты понес наказание за убийство, — бросил палач.

— Тебя наняли?

— Нет, но я всю жизнь работал на правосудие.

Палач достал из торбы кусок лепешки и кисть винограда и начал есть, неторопливо, с удовольствием.

— А может быть... — подал голос Арно.

— Нет, — покачал головой палач.

Не отрывая глаз от его жующего рта, Арно очень осторожно и медленно протянул руку к поясу — за ним находился остро отточенный нож с кривым лезвием. Наконец его пальцы сомкнулись на рукоятке. Арно поднял глаза чуть выше и встретился со взглядом палача. Тогда он вскочил, замахнулся, но палач опередил его. Клинок метательного ножа блеснул, как молния, и Арно, подобрав ноги, уткнулся лицом в мраморный парапет...

— Именно так и бывает, — кивнул Конан. — Когда двое тянутся за оружием, побеждает тот, кто выхватывает нож последним. Все дело в скорости. Главное — понять, с какой скоростью действует противник, и тогда ты всегда сумеешь его опередить.

— Я хочу пить, — сказал бритунец.

— Здесь есть вода, — северянин неспешно поднялся. — Я принесу. Только не забудь, на чем остановился, — прибавил он устрашающим тоном.

Нашившись из свернутого в рожек мясистого



листа, лорд-без-земли вытер подбородок и продолжил:

— Палач доел лепешку, бросил ошипанную виноградную кисть рядом с телом и осмотрелся. Заметив выемку в колонне, замазанную свежим раствором, палач взял мастерок убитого и... аккуратно подравнивал работу скверного каменщика. Запомнив как можно точнее позу танцующей Ферузы на этой колонне, палач вернулся на постоянный двор, оседлал свою шершавую коротконогую лошадку и уехал прочь.

Прожил он после этого еще очень долго. У него был небольшой домик в Кордаве, жил он тихо и уединенно. Никто из соседей даже не подозревал о том, кем был этот сухонький старичок. И вот однажды мы встретились. Дела мои в ту пору были очень плохи, но об этом рассказывать неинтересно. Старичок заговорил со мной на моем родном языке, от которого я начал уже отвыкать.

— Я скоро умру, — сказал он, — но у меня есть тайна, с которой не стоит ложиться в могилу. Я оставляю ее тебе — возможно, она пропадет вместе с тобой, а может быть — поставит тебя на ноги.

Он и поведал мне эту историю, а на прощание подарил клочок бумаги. На нем, как ты уже догадался, была изображена танцующая Феруза. Рисунок указал бы мне нужную колонну. Ты его потерял, но это не беда — я могу вспомнить, как выглядела поза танцующей женщины. Что скажешь? Теперь ты согласен?



Конан ухмыльнулся.

— Зачем мне помогать тебе? Я и один сумею достать жемчужину.

— Но ведь ты даже приблизительно не знаешь, в какой из колонн нужно ее искать!

— Зачем мне? Я разобью все колонны по очереди. Сколько их там? Тридцать четыре?

Лорд Риго покачулся и побледнел. Варвар снова ухмыльнулся, дружески хлопнул его по плечу и произнес:

— Ладно, не бойся. Я пошутил. Возьму тебя с собой. Выручку пополам. Я все-таки не Керим. К тому же, ты хороший рассказчик, а я люблю истории.

* * *

— Срок истек, — проговорил Нуурлак. — Ты знаешь, что теперь будет?

Он обращался к молодой женщине, которая стояла на коленях перед его креслом. От страха она не могла вымолвить ни слова.

— В вашем селении был неурожай, я знаю, — продолжал Нуурлак, — но может ли это служить оправданием? В селении Джам тоже ничего не возшло. Однако муж заложницы нашел деньги и принес мне. Где же твой муж, женщина? У него оставались баран и полмешка муки...

Аль-Зафар, стоявший у окна, покачал головой.

Как можно быть таким мелочным? Лелеять планы по захвату власти во всей стране — и пом-



нить, сколько осталось муки у каждого декханина!

— Господин, я знаю, что он повел барана на базар, — дрожащим голосом сказала женщина. — Скоро он вернется и принесет деньги!

— Он ушел три дня назад. Скорее всего, он сбежал. Все, кто ковыряются в земле, — трусы, — Нуурлак приподнял верхнюю губу и показал клык. — Сейчас ты умрешь. Если в течение дня твой муж принесет выкуп, он получит твоё тело.

Женщина в ужасе упала ниц. Двое нукеров, одетых в черное, выволокли ее из зала.

Нуурлак поднялся и встал рядом с аль-Зафаром.

— Понять не могу, зачем ты портишь хорошие вещи? — произнес аль-Зафар. — Ее можно было продать...

Нуурлак поднял руку, жестом приказывая ему замолчать. Он смотрел в окно на двор, где заложницу раздели и привязали за ноги к перекладине, лежавшей на двух столбах. Рядом, на мангале, дымил котел с маслом.

В тело жертвы ввели страшное орудие казни — медную воронку с широким горлышком. Несчастная вскрикнула, но когда один из нукеров принялся лить масло в воронку, она только хрипела и содрогалась.

— Третья за одну луну, — сказал аль-Зафар.

— Последует и четвертая, и пятая, если не будут платить, — отвечал Нуурлак, возвращаясь в свое кресло. — Ты спрашиваешь, почему я не продаю их? Когда продаешь человека, даешь ему



шанс. Он может сбежать или выслужиться и получить свободу. Рабу не нужно думать о еде — его кормит хозяину. Если я начну продавать заложниц, они, чего доброго, сами начнут приводить своих женщин. — И он рассмеялся.

Глядя на его желтые клыки, аль-Зафар спросил:

— Ты не думаешь, что декхане когда-нибудь взбунтуются против нас?

— Неужели начальник моего войска обеспокоен такими пустяками? — Нуурлак ощерился еще сильнее.

— Моих нукеров боится даже регулярная армия, — сказал аль-Зафар. — Декхан мы перебьем в два счета, но кто тогда будет нас кормить?

— Пустой разговор. Они не взбунтуются. Ты видел когда-нибудь баранов, бунтующих против волков? И потом, по закону — я их хозяин. Султан не посмеет отменить своего фирмана, потому что в этом случае многие хакимы и князья перестанут его поддерживать. Знаешь, что сказал султан, когда к нему пришли с доносом на меня? Он сказал: «Убейте его сами — выберите себе другого хозяина. Или пригласите соседского князя, пусть он убьет его. Тогда мы закроем на это глаза».

— Да, это забавно, — усмехнулся аль-Зафар.

— Новая заложница, — объявил, входя, десятник нукеров. — Селенье Джизак, дочь декханина Дадабая.

В комнату втолкнули девушку со связанными руками. Ей было лет девятнадцать, и черты ее



хорошенького лица еще не огрубели от солнца и ветра.

— Как мило, — обратился к ней Нуурлак. — Я слышал, у Дадабая водились деньги.

— Мы недавно купили риса и хлеба, — дрожа, отвечала пленница, — и почти все съели...

— Дзе-дзе... Нехорошо так много есть, — сказал Нуурлак. — Ничего, пусть твой жених поможет Дадабаю собрать выкуп. Это и будет его калым.

— Но у меня нет жениха, господин, — всхлинула девушка.

— Как тебя зовут?

— Зулия, господин.

— За семь дней твой отец что-нибудь придумает. А теперь, извини, я должен позаботиться о том, чтобы ты не убежала. Дворец ненадежен, ни одной целой двери, ни одной решетки на окнах. А стражники иногда засыпают... — Нуурлак хлопнул в ладоши.

Нукеры, выскочившие как из-под земли, повалили Зулию на пол. С нее сорвали чувяки, ноги крепко стянули петлей у щиколоток. Один из воинов принялся наносить сильные удары по пяткам девушки черной полированной палкой. Другой крепко держал ее за ноги.

От каждого удара несчастная подпрыгивала, но вырваться не могла. По ее лицу катились слезы.

— Бей сильнее, она должна кричать, — велел Нуурлак, но в продолжение истязания Зулия только несколько раз застонала.



— Довольно, — сказал Нуурлак, когда зрелище ему наскучило. — Вот теперь, Зулия, ты не убежишь. Это прекрасный вид наказания, он не оставляет следов, но человек после него два дня не может встать на ноги. А через два дня ты получишь еще.

Действительно, чтобы удалить девушку из залы, нукерам пришлось унести ее.

— Она оказалась крепче, чем ты думал, — хмыкнул аль-Зафар.

— Наказывать таких гораздо приятнее, — заметил Нуурлак. — Но ты обратил внимание, как быстро ложь входит в привычку у подлого люда? «Мы почти все съели...» — передразнил он пленницу. — Ловкачи. Они сами вынуждают меня быть жестоким. Им нравится, когда их сгибают в бараний рог. Ладно, поговорим теперь о серьезном деле.

— Поговорим, — кивнул аль-Зафар. — Завтра в полдень большой караван из Султанапура окажется в пределах досягаемости нашего марш-броска. Я пошлю дюжину воинов — этого хватит.

— Что везут?

— Ткани, янтарь с севера, оливковое масло, серебряную посуду и нобрякушки. Около пяти тысяч серебром, есть и золото у купцов. Банковские расписки на предъявителя. Богатый груз. Охраны — тридцать человек.

Нуурлак, довольный, потянулся.

— Люблю, когда ты так говоришь, — произнес он.



«Ах ты, шакал бешеный, — подумал аль-Зафар. — Думаешь, это все достанется тебе?»

Улыбнувшись своим мыслям, он поклонился и вышел.

* * *

— Их всех убили быстро. Ты не успел бы сосчитать до десяти.

Скакун варвара, всхрапывая, переступал осторожно, чтобы не задеть копытами мертвые тела.

— Случилось это недавно, совсем недавно. Меньше, чем полдня назад. Смотри, — Конан указал пальцем в ослепительное жаркое небо. В нем кружились три черные птицы, похожие на бумажных кхитайских змеев.

— Не понимаю, — буркнул Риго.

— Иначе падальщиков было бы куда больше. А трупы раздуло бы на солнце, как подушки.

Конан замолчал. Он заставил своего коня обехать кругом место побоища. Лорд-без-земли остался на месте. Его верблюд равнодушно двигал челюстью.

— Караван увели в сторону Шахризабса, — уверенно молвил варвар. — Следы еще не замело ветром. Нападавших было двенадцать, и они не потеряли ни одного человека. Им удалось окружить торговцев и остаться незамеченными. Подобравшись поближе, они забросали караван стрелами, а оставшихся охранников изрубили саблями. Это очень хорошо обученные трусы. Не похоже на обыкновенных разбойников.



— Наверное, шалят декхане из окрестностей Шахризабса, — предположил Риго.

— Чем ты слушаешь? — удивился Конан. — Я сказал: хорошо обученные. Это чьи-то воины.

— Но чьи?

— Скоро узнаем.

Конан низко свесился с седла и зачерпнул рукою целую пригоршню песка, после чего, выпрямившись, постепенно разжал пальцы. Песок струйкой побежал вниз, горячий ветер подхватил его и разнес в воздухе.

— Что ты делаешь? — осведомился Риго.

— Каждый погибший от разбойников заслуживает похорон. Хотя бы условных. На настоящие у нас нет времени. Едем.

И его конь поскакал прочь. Верблюд затрусил следом.

На правах компаньона Риго выпросил назад свою одежду и оружие. В оазисе, где бритунец рассказал варвару о жемчужине, они дождались вечера, набрали свежей воды в большой бурдюк, оседлали своих верховых животных и тронулись в путь. Стоял «чилля» — самое жаркое время года, когда к полудню песок раскаляется так, что кажется мокрым.

Первый совместный переход они совершили ночью, и едва рассвело, были уже возле другого оазиса. Он был чуть больше первого, и вода в большом, круглом колодце оказалась холоднее и другого вкуса. Путники проспали под деревьями до сумерек, обновили запас воды, подкрепились вялеными фруктами и горячей капой. Потом они



снова ехали всю ночь, но к рассвету не успели найти укрытия. До следующего колодца компаньоны добрались, когда солнце входило в зенит.

— Тяжело? — спросил Конан.

— Я мог бы вынести и более сильную жару, но глаза... — признался Риго.

— Может быть, за свою долю выручки ты сможешь купить себе новое зрение? — Варвар произнес это так задумчиво и спокойно, что бритунец не понял, издевается ли над ним попутчик, или говорит серьезно.

— Этот оазис — последний на пути до селенья Джизак. Поэтому мы проведем здесь сегодняшний и завтрашний дни. А потом придется ехать ночь и еще день, не останавливаясь надолго. Лучше отдохнуть заранее. Зато от Джизака до Шахризабса скакать всего ничего.

— Я понял, — кивнул Риго. Глаза у него слезились.

Конан посмотрел на него мрачно, сплюнул и ушел к роднику. Вернувшись, он протянул бритунцу несколько круглых зеленых листьев и велел:

— Пожуй и приложи к векам. Должно помочь.

— У вас в горах растет такая трава? — спросил Риго.

— Она везде растет.

У листьев оказался кисловатый, вяжущий вкус. Рот после них горел, и все время хотелось пить. Но боль в глазах они успокоили. Риго уснул, положив голову на седельную подушку.



Разбудил его толчок в бок.

— Ты храпишь, — пояснил Конан.

Бритунец хотел было рассердиться, но передумал. Стояла ночь. В сырой траве у родника горланили жабы.

— Нам немного не повезло, — сказал Конан. — Несколько дней назад сюда приходили антилопы. Если бы мы успели, у нас было бы свежее мясо.

— Как бы ты добыл антилопу? У нас ни лука, ни копыя...

— Когда я вижу мясо... я могу догнать его и повалить. — Варвар причмокнул, и вздох его был похож на рычание.

— Проклятье! — буркнул он. — Отвлеки меня. Расскажи что-нибудь.

В этот миг Риго увидел в ветвях нечто такое, от чего волосы зашевелились у него на затылке.

— Это будет очень короткая история, — произнес бритунец, — и начну я ее так. Почему антилопы, пришедшие сюда, удалились, не съев всей травы в этом оазисе? Их кто-то спугнул. Но кто? Может быть, та тварь, что следит за нами, сидя на акации?

— Как она выглядит и что делает? — спросил варвар, не поворачивая головы.

— Ростом с тебя и похожа на тебя, — сказал Риго. — Такая же косматая. У нее огромные желтые глаза, клыкастая пасть и когти на лапах. Что она делает? Она прыгает на нас!

Вытянутое тело в полете заслонило луну. Огромная тень пронеслась над поляной.

Риго, не вставая, откатился в сторону, а Ко-



нан перекувыркнулся вперед и тут же развернулся.

Несмотря на огромный рост и немалую силу, неведомый хищник приземлился почти без шума. Он действительно был похож на человека, а его морда — на человеческое лицо, изуродованное страшной болезнью. Вблизи Риго разглядел, что все тело существа покрыто бурой, лохматой шерстью, а морда, лишенная волос, — ярко-красного цвета.

Чудовище стояло на задних лапах и размахивало передними. Конан стал похож на льва перед прыжком. Варвар и хищник глядели друг другу в глаза. Потом тварь оскалилась и заворчала, словно в груди у нее гулко и быстро застучал барабан. Конан ответил ей оглушительным рыком.

Зверь вдруг присел и взвился в воздух, выбросив далеко вперед задние лапы. Удар пришелся варвару в плечо и отбросил его. Но падая, Конан успел перегруппироваться и в следующее мгновение сам бросился на чудовище. Правой рукой он ухватил зверя за горло под нижней челюстью, а левой, сжатой в кулак, принялся молотить его по лбу.

Риго, выхватив саблю, бросился на помощь товарищу. Он рассчитывал поразить чудовище сзади, однако оно почувствовало его намерение и подпрыгнуло, лягнув задними лапами, одна из которых угодила бритунцу в живот. Риго охнул, выронил оружие и скрючился.

Тем временем варвар и ночной хищник оба повалились наземь и сплелись, перескатываясь с



места на место и рыча. В какой-то момент бритунец был уверен, что Конан побежден, но варвару удалось избавиться от цепких лап твари и отскочить. Чудовище, словно исполняя зловеющий воинский танец, закружило вокруг него — оно примерялось к следующему броску. Но теперь оно было напугано неожиданным сопротивлением и стояло уже не на двух, а на четырех лапах, выгнув спину и прижав уши к черепу.

Наконец оно скакнуло, на этот раз — низко над землей, пытаясь ухватить противника за ноги, но Конан просто перепрыгнул через него. Зверь бросился опять. Тогда варвар ухватил его за загривок, вторую руку упер ему в подбородок и резким движением выкрутил шею чудовища. Раздался громкий хруст, хищник упал и больше не шевелился.

— Плохо, что оно заметило нас раньше, чем мы его, — сказал Конан, переводя дыхание.

— Кто это? — спросил Риго в недоумении.

— Не знаю. Сейчас посмотрим, съедобно ли его мясо. Нужно развести огонь.

Мясо оказалось горьким и отвратительно пахло, но Риго утешал себя тем, что это они пытаются съесть чудовище, а не наоборот.

— Почему ты даже не потянулся к своему мечу? — спросил он у варвара, когда костер начал затухать, а небо на востоке, напротив, разгорелось.

— Чтобы одолеть такого зверя, нужно думать как он. С мечом в руках я могу думать только как человек, — отвечал Конан.



Целый день дотемна они проспали, а поздно вечером отправились дальше. По пути им попались следы большого каравана. А спустя еще полдня компаньоны обнаружили место его гибели.

— Я не великий трус, — сказал Риго, — но и не великий храбрец. Нужно хорошенько осмотреться, прежде чем начинать поиски жемчужины.

Конан молча согласился с этим.

До Джизака они добрались еще засветло. Селенье ютилось на берегу реки Куксу, заросшей камышом и диким рисом. Под копытами уже не шуршал песок, а звенела растрескавшаяся глина. Из глины и камыша были дома — приземистые постройки грязно-желтого цвета. Окна домов выходили в крошечные дворики, окруженные покосившимися плетеными заборчиками. В некоторых двориках росли чахлые фруктовые деревья — было видно, что за ними трогательно ухаживают, но вид они имели жалкий. В то время как выше по склону были разбиты пышные сады, а чуть поодаль на берегу, зеленеющем травой, паслись бараны.

— А вот и мясо, — хмыкнул Конан. — Держись, бритунец. Всего за несколько монет мы славно поужинаем. А может, и вообще бесплатно. Туранцы из простых — очень гостеприимны.

— Непохоже, — отозвался Риго, оглядываясь. — По-моему, они все разбежались по своим домишкам и жаут, когда мы уйдем.

— Эй! — закричал варвар. — Нам нужен приют и ужин. Мы заплатим!

Эхо от его зычного голоса, казалось, потонуло



в тоске и безнадежности этого места. Только слышно было, как сквозняк хлопает калиткой о плетень.

— Даже собаки не лают, — пробормотал Конан. — Попробуй, крикни ты. Может, они меня бояться.

Риго пожал плечами, набрал побольше воздуха в грудь и провозгласил на туранском наречии:

— Вам нечего бояться, мир вашим домам! Мы — путники издалека, пришли поклониться руинам Шахризабса. Отдохнув, мы уйдем.

— Уходите сейчас, — послышался тусклый голос. Из-за дома показался пожилой мужчина в застиранной рубаше без ворота и очень худых штанах. Сам он был коричневый и ссохшийся, голова его тряслась, словно от тика, а по лицу медленно текли слезы.

— Уходите сейчас, если вы мирные путники, — повторил он. — Вам не нужно ходить к стенам Шахризабса. Вы не вернетесь оттуда живыми.

— Ты один живешь тут? — спросил варвар.

— Нет, господин. В поселке тридцать семей.

— Неужели ни одна из них не пустит нас на постой хотя бы до завтра? — Риго заставил своего верблюда присесть на передние ноги и спешил. — Мы хорошо заплатим, отец. Нам и нужны-то сущие пустяки — камышовый тюфяк, баранина на ужин, сена для лошади и немного колючки верблюду...

Пожилой мужчина подошел ближе. Ноги его подгибались, словно у изнуренного тяжелой болезнью.



— Мы голодаем, — сказал он тихо. — Ни у кого в Джизаке не найдется того, что вам нужно.

Риго не поверил своим ушам.

— Отец! — воскликнул он. — Как ты можешь говорить неправду? Разве не бараны щиплют траву у реки?

— Это бараны Нуурлак-бека, и трава — Нуурлак-бека, и река Нуурлак-бека. Даже воздух, которым мы дышим, принадлежит ему, — отвечал декханин. — Уезжайте.

— Воздух? — переспросил Конан, усмехаясь. — А мой конь только что пустил ветры!

— Кто такой Нуурлак-бек? Это его люди перехватили сегодня караван? Отвечай, отец! — Риго потряс пожилого за плечо. Однако Конан остановил бритунца.

— Брось его, — сказал он. — Толку мы не добьемся.

Ругаясь, лорд-без-земли вновь уселся на верблюда. Компаньоны отъехали чуть дальше, вверх по реке.

— Переночуем здесь, — варвар спешил, ослабил подпругу коня и снял с его спины седельную сумку.

— Пятьдесят лет! — бормотал Риго. — Пятьдесят лет развалины оставались развалинами, и вот какой-то разбойник Нуурлак-бек устраивает там гнездо.

— Это необычный разбойник, — напомнил ему Конан.

— Извини, я забыл! — Риго улыбнулся язвительно. — Дальше-то что делать?



— Собирать дрова для костра, — невозмутимо произнес варвар и удалился в неизвестном направлении. Риго только руками развел.

В полном одиночестве он принес сухих коряг, и скоро костер занялся. Набрав из реки зеленоватой воды, бритунец сварил в котелке капу и морщась стал прихлебывать горячий кипяток. Конан отсутствовал еще некоторое время, а когда он появился, то Риго даже присвистнул от удивления: варвар приволок целую баранью тушу.

— Мясо, — сказал он, принимаясь разделять ее. — Хорошо!

— Думаешь, у нас не будет неприятностей?

— Пусть Нуурлак придет и потребует денег за своего барана, — произнес Конан, широко улыбаясь. — А еще за потраву луга и за воду из речки. И за воздух, испорченный моей лошадкой!

Риго не выдержал и рассмеялся.

Насытившись, бритунец долго наблюдал, как Конан обгладывает баранью ногу, зажаренную на угольях. В его манерах вовсе не было нарочитой грубости и неряшливости, с которой варвары ассоциируются у цивилизованных людей. Чавкал и сопел он, как всякий другой, срыгивал в меру, а запачканные жиром руки вытирал вовсе не об одежду, а о волосы, чтобы те аккуратнее лежали и не падали на глаза. Сокрушая челюстями сухожилия, Конан производил впечатление здорового молодого животного, а животные едят красиво.

— Сюда идут, — сказал он, бросив обглоданную кость в огонь. — Семеро. У них два факела.

Риго собрался выпнуть саблю из ножен, но вар-



вар отрицательно покачал головой. Он сидел, скрестив ноги и выпрямив спину, сполохи огня озаряли его лицо и заставляли глаза вспыхивать ледяным светом.

Подошедшие к костру оказались декханами, такими же, как и мужчина, встреченный в поселке.

— Мир вам, — приветствовал их Риго. — Проходите к огню, располагайтесь.

Но пришельцы остались стоять. Они хмуро смотрели на остатки трапезы и молчали. Молчание это было тягостным. Наконец один из них, сутулый, с длинным смуглым лицом, обрамленным совершенно седой бородой, произнес:

— Дадабай просил вас уйти. Это была просьба всех нас. Теперь будет несчастье.

— Мы не боимся, — ответил Конан, не глядя на говорившего.

Тот сверкнул глазами и сказал гневно:

— Еще бы, конечно, вы не боитесь, пришлые люди с оружием. Чего вам бояться? Вы уйдете. Разве Нуурлак-бек станет разыскивать вас, чтобы наказать за ваше нахальство? Зачем ему? Мы всегда у него под рукой. Он накажет нас.

Риго рассердился в ответ.

— Мы сразу объявили, что заплатим. Возьмите, уважаемый, деньги за барана и отдайте их вашему грозному Нуурлаку. Недавно он перехватил большую добычу, вряд ли его опечалит потеря одного тощего ягненка.

Седобородый покачал головой.

— Вы не знаете Нуурлак-бека.



— Не знаем, — подтвердил Конан.

— Но не прочь узнать о нем побольше, — добавил лорд-без-земли.

— Я расскажу, — мрачно изрек седобородый. — Может, тогда вы поймете, что наделали.

Остальные шестеро стояли за его спиной. Костер неравномерно освещал их лица, выхватывая из мрака то одно, то другое. Риго отмечал в этих лицах сходство, поначалу неуловимое: оно заключалось в страхе и нужде, которые исказили одинаковым образом прежде различных людей.

— Я Азамат, — назвался седобородый. — Некогда я был старостой в Джизаке. Эти люди надеялись на мой ум, и они ошиблись. Я не смог их защитить, когда в окрестностях появился черный пес аль-Зафар со своими нукерами. Откуда он взялся, знают только демоны смрадной преисподней — не иначе, его выгнали оттуда в наказание нам... Аль-Зафар грабил Джизак и другие окрестные селенья несколько лет кряду. Немногие решались сопротивляться ему, а те, кто решился — давно мертвы.

Поговорив с другими старостами, я направил своего сына в Султанапур с жалобой на злого во-ра. Скоро прибыл отряд стражи. Они разместились у нас, но аль-Зафара не нашли — он ушел далеко в степи. Солдаты требовали еды и за одну луну ограбили нас так, как не грабили нукеры за полгода. Когда нам нечем стало их кормить, они бросили нас и вернулись восвояси. А через три дня аль-Зафар был здесь.

— Что, шакалы, не помог вам султан? — крик-



нул он и хлестнул меня камчой. Мой сын был рядом и заступился за меня... Аль-Зафар ударил его саблей, и мой мальчик умер.

Те сады и поля за садами принадлежали нам. Не слишком много дохода они приносили, но мы жили и не боялись рожать детей. Когда аль-Зафар стал забирать большую часть урожая, стало худо. Но скоро сделалось еще тяжелее.

Нуурлак пришел и объявил, что возьмет нас под защиту, если мы согласимся признать его господином. И мы признали, хоть и не слыхивали раньше ничего об этом человеке. Да и человек ли он? Пришел Нуурлак из далеких мест, чужак чужаком, только видно было, что он — еще больший разбойник, чем аль-Зафар... Мы согласились, и стал Нуурлак — Нуурлак-беком. И только после этого выяснилось, что аль-Зафар — его подручный.

Вот так и стали мы рабами. Сначала он нам благодетельствовал — возвращал крохи из украденного аль-Зафаром. А потом вышло, что все мы его должники. Сады теперь его и поля, хоть по-прежнему мы работаем на них. Это бы еще не худо, а вот только требует он все больше и больше. Выбирает дом и увозит оттуда чью-нибудь жену или дочь. Плати выкуп. А не заплатишь — пленнице лютая смерть.

Дадабай, с которым вы говорили, должен выкупить дочь. Но теперь Нуурлак-бек все равно ее казнит — из-за барана, которого вы съели. Дадабай по обязанности должен отвечать за скотину. Даже если принесет он деньги, разгневается Ну-



урлак. А теперь скажите, сладко вам было есть этого барана?

— Сколько денег нужно отдать за дочь пастуха? — спросил Конан.

— Две серебряные монеты, храбрый чужак с оружием, — отвечал Азамат.

Ригго остолбенел от изумления.

— Ни у кого в Джизаке не найдется двух серебряных монет?

— Что с ним разговаривать, — жалко улыбнулся один из пришедших и потянул старосту за рукав халата. — Это же белые бродяги. Они только говорят на нашем языке, но не понимают слов.

— Мы набрали медью стоимость одного серебряника, — сказал Азамат. — Но Нуурлак-бек может и не взять наших медяков. Аббасу из селения Нукта он швырнул медь в лицо, а его жену посадил на кол. Аббас два дня смотрел, как она умирает, и сошел с ума.

— Сколько у Нуурлака людей? — Конан спрашивал прямо и четко, не позволяя себе отвлекаться на излишние подробности.

«Что он задумал?» — мелькнуло в голове у бритунца.

— Сорок нукеров и аль-Зафар, который стоит десятка человек.

— А сколько мужчин можно набрать по всем окрестным селениям?

— Сотни три... — Азамат тоже не понимал, куда клонит этот странный синеглазый чужак.

— И почему же головы ваших врагов до сих



пор не висят на заборах? Почему кишки Нуурлака не намотаны на верхушку какой-нибудь чинары? Почему аль-Зафара еще не скормили собакам?

Голос варвара прогремел в ночи так, что даже пламя костра всколыхнулось.

— Кром великий! — продолжал Конан. — Если вас, триста трусов, пугает сорок человек, зачем же вы пришли сюда? Портить нам аппетит?

— Смелый чужак с оружием позабыл, что мы — простые декхане, — с горечью староста опустил глаза, но варвар перебил Азамата без всякого почтения к его седидам:

— Вы боитесь обученных, сильных воинов. Глупцы! Как бы ни был силен воин, ударом мотыги по лбу можно его свалить. Неужели вы не знали этого? Я дам вам денег, хоть вы их и не заслужили, и вы какое-то время сможете спасать ваших женщин, которых вы тоже не заслужили, раз не умеете защитить. Держи кошель, трус, староста трусов, и пусть жители селенья Нукта завидуют вам, пока их жен сажают на колья. А теперь слушайте: если вы поможете нам, все вместе, мы убьем Нуурлака и вернем вам украденное. Но если вы, подобные сороконожкам, снова забьетесь в свои щели — Нуурлак раздавит каждого из вас по одиночке.

— Что с ним говорить! — снова сказал один из декхан. — Они же не понимают наших слов.

И шестеро жителей Джизака разошлись во свояси, спотыкаясь в темноте. Азамат, сжимая в ладони кошель, вдруг повалился на колени и зарыдал.



— Проваливай, — буркнул Конан и отвернулся от него.

Старик удалился в темноту, но тягостное чувство осталось висеть над костром, словно невидимый полог.

— Мы даже не предложили им поесть, — произнес бритунец сумрачно, на что Конан как-то криво усмехнулся.

— Ты нехорошо с ним обошелся, — добавил Риго после короткого молчания.

— Разве? Я дал ему денег, — напомнил варвар. Сейчас лицо его не было детским, оно окаменело, а синие глаза северянина сделались грозowego цвета.

— Твои деньги ему тяжелее удара кнутом. А ведь он — старый человек. К тому же разбойники убили его сына. Наше появление сулит этим людям новые беды, а мы даже не попытались утешить их.

— Зато я попытался сделать большее, — возразил Конан. — Старик потерял сына, но юноша погиб молодым и здоровым. Он не пожалел своей только начавшейся жизни, чтобы уберечь достоинство отца. А ради чего живут эти декхане?

— У крестьян вообще другое представление о достоинстве, — сказал Риго. — Благородство для них — честный труд на земле.

— Верно, — Конан кивнул. — Земля — смысл их жизни. Я иногда думаю о таких вещах, когда нечем заняться, а под рукой нет выпивки и женщин. Вот, скажем, смысл моей жизни — битва. Отними у меня битву, и чем я стану? Отбросом,



разлагающимся куском плоти. У этих людей отняли смысл их жизни, и они ничего не совершили, чтобы вернуть его. А когда я предложил им объединиться и защитить себя — не ограбить кого-нибудь, не добыть сокровище, а просто защитить себя, они назвали меня бродягой. Помнишь?

Риго смутился.

— Не думаю, чтобы битва была единственным, что заставляет тебя жить, — возразил бритунец. — Тебе ведь не все равно, на чьей стороне ты бьешься?

Варвар задумался, что вызвало сильное напряжение во всем огромном его теле. Бритунцу даже послышался легкий скрип, будто бы раздавшийся в косматой голове северянина. Наконец с неимоверным усилием Конан подобрал нужные слова.

— Эта битва началась задолго до меня и не кончится, пока стоит мир, — произнес он убежденно. — Всякие ученые дураки, особенно маги, говорят о равновесии между светлым и темным, добрым и злым. Так вот — враки все это. Нет никакого равновесия. И я знаю сторону, за которую бьюсь, в какой бы войне я ни участвовал. Даже когда я ворую или разбиваю кому-нибудь голову в пьяной драке, я все равно не на темной стороне. А битва идет всегда, хотя порой мы видим странные ее проявления. Вот утро — что как не битва между ночью и днем?

— Да ты, оказывается, поэт! — язвительно улыбнулся Риго.

Конан покраснел и сказал:



— Если ты кому-нибудь ляпнешь об этом, я сломаю тебе хребет.

* * *

Издали казалось, что Шахризабс по-прежнему стоит во всей своей славе. Голубые купола и снежно-белые верхушки башен сияли под солнечными лучами, и нестерпимо становилось человеческим глазам от этого великолепия. Горячий ветер доносил ароматы пряностей и чудесный, ни с чем не сравнимый запах свежих лепешек, а еще слышалось галдение базарной площади, крики зазывал, праздничные голоса карная и зурны... Риго потряс головой, и паваждение исчезло, осталась только тишина.

— Почему стена разрушена? — спросил Конан. — Город брали штурмом?

— Нет, ветер подточил ее, а землетрясение могло упасть, — пояснил лорд-без-земли. — Многие дома рухнули, но в основном пострадали обычные горожане. У князя Расула не было денег на восстановление, и город погиб. Люди ушли отсюда. И все равно он прекрасен, как ты считаешь?

Варвар только пожал плечами.

Они лежали за небольшим холмом, в половине полета стрелы от центральных ворот. Прямо над аркой, на сторожевой вышке, неподвижно темнела фигура в струящихся одеждах.

Компаньоны успели осмотреть город кругом — часовые Нуурлака были расставлены по всему



периметру стены. Там, где стена осталась, охраняли особенно тщательно.

— Здесь только один стражник, — молвил варвар. — Проникнем в город отсюда.

— Он же заметит нас!

— Если мы будем ползти очень медленно, то не заметит. У него, наверное, в глазах сплошное морево.

— Может, лучше дождемся ночи? — предложил Риго. — Ночью удобнее.

— Если удобнее нам, удобно будет и им, — возразил Конан. — К тому же здесь мы до вечера не выживем — сваримся. Скоро полдень, чилля в разгаре. А там — тень от стен. И колодцы. Воды-то я не взял.

— Как не взял?

— Мы должны очень хотеть понасть туда, — варвар ухмыльнулся. — Так что — вперед.

Он пополз первым, извиваясь, как ящерица. Выдержав небольшой интервал, следом двинулся и бритунец. Песок был уже довольно горячим, поэтому Риго шепотом бранился и шипел.

Когда до арки ворот осталось шагов двадцать, Конан прошептал:

— Я войду первым, а ты жди. Я отвлеку часового, тогда ты вскакивай и беги в ворота со всех ног.

Конан пополз еще шагов пять, потом приподнялся и двумя кувырками достиг пространства под стеной, на котором его нельзя было увидеть с вышки. Почти сливаясь с белым песчаным кладки, он проник в ворота и бесшумно под-



нялся по каменной лестнице. Под наблюдательной вышкой находилась площадка для лучников. Варвар с удовлетворением отметил сквозь бойницу, что фигура Риго практически незаметна с этого расстояния.

Конан поднял с пола отколовшийся ноздреватый кусок камня, приблизился к перилам, огораживающим площадку с внутренней стороны, и уронил камень вниз. Тот с треском раскололся о гладкую плиту.

Риго увидел, как часовой обернулся.

— Пора! — сказал он себе и бросился к воротам. У самой арки бритунец неловко споткнулся о песчаный бугорок и шумно рухнул. Подняв голову, он увидел глаза нукера, блестящие и влажные, увидел их невероятно близко перед собой, хотя стражник только подошел к бортику вышки и глядел вниз — между ними была высота локтей в двадцать, никак не меньше.

Лицо воина было скрыто, замотано куфией, только глаза горели, как черные агаты, и излучали торжество.

Но неожиданно глаза эти померкли, потухли. Нукер нелепо обмяк, перевесился через бортик и, раскинув руки, полетел на песок. Риго еле успел откатиться в сторону.

— У него в спине мой нож, — послышался голос варвара. — Достань его и иди сюда.

Бритунец вытер лезвие о край одежды мертвеца и вошел под арку. Он ожидал, что компаньон упрекнет его в неловкости, но Конан ничего об этом не сказал.



— Вот мы и вошли, — произнес он. — Твоя очередь.

— Подожди, — попросил Риго и коснулся своей груди. — Я волнуюсь, — признался он. — Но не от страха. Я столько лет мечтал оказаться здесь... Это сильнее, чем обладание самой жемужиной.

— Значит, мы можем возвращаться? — Конан недоумевающе посмотрел на своего спутника.

— Нет, — решительно сказал лорд-без-земли. — Ни в коем случае! Нам нужно идти прямо по этой улице, она называется «Меваларин», что в переводе означает — «Фруктовая». Улица выведет нас на площадь Юнус-Абад. На площади находится дом утех и фонтан, представляющий собою гроздь каменных цветов — из них текла вода. Еще там есть... была башня звездочетов. За ней начинается улица Урда, по ней мы выйдем на площадь Чиланзар и оттуда, по улице Гунча, доберемся до летнего дворца.

— Ты был здесь раньше? — недоверчиво спросил варвар.

— А как же! — Риго широко улыбнулся. — Наверное, тысячу раз. Мне это не доставляло хлопот, потому как все эти площади и улицы у меня здесь. — И он выразительно постучал пальцем себя по лбу.

Конан пропустил его вперед и повторил последний жест бритунца, правда, уже со своим смыслом.

От некоторых домов, выходявших на Меваларин, остались только фасады. Полвека запусте-



ния превратили красивейший на земле город в призрак и напители его воздух звенящей чистотой забвения. Но свежий верблюжий помет и следы кованых копыт в дорожной пыли выдавали присутствие жизни.

— Караван прошел здесь, — уверенно молвил Конан. Он продолжал двигаться бесшумно, положив руку на рукоять меча. Прищуренные глаза смотрели цепко. Риго шел впереди — восторг от увиденного распырял его.

— На соседней улице кто-то есть, — шепнула варвар.

Риго прислушался.

Северянин сделал страшное лицо и отпрыгнул, прижавшись спиной к шероховатой стене. Железной рукой он ухватил бритунца за плечо и почти впечатал в стену рядом с собою.

Двое нукеров вышли на Меваларин. Скорее всего, они направлялись сменить часовых на стенах. Заметив компаньонов, оба остановились и одинаковым жестом обнажили сабли. Дальнейшее увиделось Риго обрывком кошмарного сна. Воины, одетые в черное, приблизились, их сабли, производившие свист в воздухе, стали неразличимы глазу — жаркий солнечный свет на клинках превращал их в белых ослепительных змей, извивающихся в воздухе.

Конан выхватил меч и стоял теперь неподвижно — он смотрел не на пляшущие клинки, а на движения рук противников. Один из нукеров сделал шаг вперед, ни на миг не прерывая танца своей сабли. Второй встретился глазами с бри-



тунцем, и тому показалось, что под складками куфии шевельнулась презрительная усмешка.

Нукер слегка согнул ноги и мягким кошачьим движением переместился в сторону Риго. Лорд-без-земли столкнулся саблей с его клинком и сразу ощутил, как заныла кисть его руки от сильного удара. Следующий он не увидел, а почувствовал, и успел отклониться. Сабля рукера оставила на каменной стене глубокую борозду. С криком ярости Риго рубанул сверху, но коротким движением воин выбил оружие из руки бритунца.

В это самое мгновение, варвар, сохранявший полную неподвижность, неожиданно нанес своему противнику сокрушительный удар. Нукеру хватило быстроты парировать его, однако сабля не выстояла против меча, и перебитый клинок упал, звеня, на пыльную мостовую. Глаза нукера расширились, увидев смерть, а спустя миг его самого уже не было в живых.

Второй воин Нуурлака крутанулся, пытаясь достать Риго с разворота и сразу напасть на его спутника. Бритунец, повинуясь инстинкту, присел. От жуткого свиста, с которым сабля вспорочила воздух у него над головой, Риго даже зажмурился. Впрочем, его рука без помощи глаз сама нащупала рукоятку упавшей сабли. Распрямившись наподобие пружины, бритунец сделал выпад, и почувствовав под клинком твердое, вскрикнул от неожиданности. Сабля вонзилась нукеру между ребрами с правой стороны, пройдя под его рукой. Воин пошатнулся, метнулся вбок



— причем Риго снова выпустил рукоять; ударился о стену, развернулся и сполз наземь. Из горла его вырвался хрип, и все стихло.

Конан внимательно осмотрел поверженных.

— Тебе ничего не бросается в глаза? — спросил он.

Риго вытер пот со лба и мотнул головой. Тогда варвар, наклонясь над убитыми, сорвал с обоих черные куфии.

— А теперь? — снова обратился он к бритунцу. — Неужели не видишь?

— Они братья? — хриплым голосом предположил лорд-без-земли. Ему очень хотелось пить.

— Возможно.

И Конан присел на корточки, чтобы обшарить двух совершенно одинаковых мертвецов.

* * *

— Они появятся самое позднее на рассвете, — сказал варвар. — Отряд будет небольшой, им ведь нужно быстро обшарить все окрестности в поисках чужаков, поэтому они разделятся на группы, человек по пять в каждой.

Риго согласно кивнул. От досады и усталости его клонило в сон.

Подобраться к летнему дворцу они так и не сумели. На Урде их едва не заметил патруль черных нукеров, и компаньоны вернулись на площадь Юнус-Абад. В развалинах дома утех соискатели жемчужины дождались сумерек и под их покровом покинули стены Шахризабса.



— Лучше встретить их на тропе, возле ограды сада, — продолжал Конан. — Это самый удобный путь для них и самое удобное место для засады. Нападем первыми.

— Успеть бы выспаться, — пробормотал лорд-без-земли.

Конан положил в огонь охапку сухого камыша — тот затрещал, и костер вспыхнул с новой силой.

Риго лениво подумал, что варвар проявляет неосторожность, выдавая ярким огнем местоположение их лагеря, — в такую темную ночь костер заметен издалека. Потом он сообразил, что это особая воинская хитрость: Конан нарочно обнаруживает свое присутствие на берегу, чтобы враг знал, где их искать. В этом случае засада на тропе будет действительно неожиданной.

Бритунец потянулся и зевнул. В этот момент по направлению из поселка к ним снова двинулись люди с факелами. Риго сообщил об этом Конану и с удивлением заметил выражение удовлетворения на лице своего товарища.

— Что им опять нужно? — вздохнул бритунец.

— Сейчас узнаешь, — отозвался Конан.

Азамат, шедший впереди всех с факелом в руке, поклонился им. Оба компаньона поднялись и ответили тем же. Четверо пришедших с Азаматом были молоды, нервны и исполнены мрачной решимости.

— Не будем желать друг другу мира, ибо настало время войны, — проговорил староста. — Пойдемте с нами, чужаки с оружием. Будем говорить в доме, как уважающие себя люди.



— О чем? — поинтересовался северянин.

— К завтрашнему полудню в Джизак сойдутся люди из окрестных селений. Их будет больше трехсот. Они придут, чтобы ты повел их на Нуурлак-бека.

— Видишь, — Конан усмехнулся, обращаясь к Ригу, — их все-таки проняло.

Сорок два человека из Джизака стояли перед домишком Дадабая. Это были люди, знавшие друг друга всю жизнь, — соседи, родственники, братья. Лучшая армия, какая возможна на свете. Увидев их гневные, пылающие глаза, Конан довольно рассмеялся.

— Стойте! — выкрикнул чернобородый декхан. Его лохмотья подпоясывал нарядный, почти новый кушак, и это придавало ему уверенности в себе. — Стойте! Прежде мы должны решить, что делать с дочкой Дадабая!

— Верно! — поддержали его в толпе. — Правильно!

— Разве Дадабай не выкупил ее сегодня? — спросил Ригу.

— Дадабаю сказали, что Зулия останется в заложницах, пока не выяснят, какое селенье прячет заговорщиков, — пояснил Азамат. — Кто-то убил трех нукеров Нуурлака. А кто-то другой донес ему, что в Джизаке видели пришельцев с оружием. Дадабаю велели выдать вас. Если он не сделает этого, Зулия умрет.

— Пусть умрет, — странным голосом произнес сам Дадабай. — Она будет последней, больше никто...



Он замолчал и уставился в землю.

— Что скажешь на это? — Конан толкнул бритунца локтем. — Люди вспомнили, для чего живут, и теперь знают, за что будут погибать.

— Она не умрет! — громко сказал Риго. — Я пойду и заберу ее у Нуурлака.

— Я с тобой!

— И я!

— Я тоже! — слышались голоса, но бритунец покачал головой.

— Все вы нужны здесь, — отрезал он. — Все до единого. Моему другу без вас не справиться. Вам придется сражаться уже через несколько часов. А я сражаться не буду. Попроюсь как вор и похищу похищенное. Так что ваша доля более почтенна.

Теперь уже Конан поглядел на своего компаньона с удивлением и кивнул.

* * *

Семеро нукеров проскакали друг за другом по тропе между холмами. Риго притаился за толстым стволом карагача и хорошо их разглядел. В черных силуэтах было что-то неестественное, мертвящее, и бритунцу вспомнилась недавняя кобра. Он снова испытал страх.

Отряд действительно невеликий, но справится ли его компаньон с семерыми разом? На помощь воодушевленных землепашцев вряд ли стоит рассчитывать всерьез.

Бритунец уже не боролся с дремотой — кровь



стучала у него в висках, как если бы он перепил капы.

С холма стены Шахризабса были хорошо видны — на стенах горели костры, и в синеватом лунном отблеске город еще больше походил на призрак. Риго собрался с духом и пошел дальше.

Дорога была ему уже знакома. Меньше чем через час суглинок, поросший выгоревшей травой, сменился остывшим, тяжелым песком.

Часовой, сменивший убитого, был обеспокоен — тревога ощущалась в неподвижной, настороженной фигуре. Под выпкой, на стене костер освещал волнистый песок локтей на тридцать, а за чертой светового круга сразу начиналась мгла, и нукер ничего не разглядел бы там, даже обладая зрением совы. Риго прекрасно это понимал. Присев за барханом, бритунец сделал свои мысли ясными, заставил сердце стучать медленнее и даже улыбнулся. Потом он сложил кисти рук коробочкой, поднес их к губам и издал заунывный, протяжный звук.

Нукер на вышке даже подскочил. Риго укусил себя за рукав, чтобы не рассмеяться. Невозможно было представить себе, что черные воины без лиц, вернее — с одинаковыми лицами, замотанными кувшиной, нукеры-демоны, наводящие ужас на все живое, способны пугаться не хуже простых смертных.

— Повторим! — сказал себе бритунец, и вновь тоскливое завывание разнеслось в ночном воздухе.

Нукер прислушался, затем велел кому-то вни-



зу пойти и посмотреть, в чем там дело. Риго догадался об этом по интонации, не разобрав слов.

Из арки появился другой воин — с саблей наголо он двигался не прямо на Риго, а чуть в сторону. Он был в сложной ситуации: на свету глаза его не могли привыкнуть к темноте, а заходить за освещенную территорию ему было жутко. Однако он все еще был опасен, очень опасен — даже в схватке один на один Риго оказался бы побежден.

— Что там? — крикнул часовой с вышки. — Видишь что-нибудь?

— Никого и ничего, — отвечал выпедший.

Голоса у обоих напоминали крики птиц-трупоедов.

— Посмотри еще! — упорствовал первый. Второй издал змеиное шипенье, но послушаться, по видимому, не смел. Ему ничего не оставалось делать, кроме как двигаться в темноте, вслушиваясь в скрип песка под своими ногами.

Бритунец выжидал. Когда черная фигура оказалась перед ним, Риго бросил в сторону маленький камушек. Нукер молниеносно обернулся на звук падения, и тотчас бритунец рубанул его под затылок. Воин в черном не издал ни звука — голова его упала к ногам Риго, а тело повалилось вперед.

Не мешкая, лорд-без-земли сорвал с обезглавленного тела черную накидку, испачканную кровью. Куфия, снятая с головы, тоже была в крови, но сейчас бритунец меньше всего боялся испачкаться. Он замотал куфией собственное лицо,



одел накидку и вышел на свет, имитируя походку только что убитого им человека.

— Пусто! — крикнул он, подражая его же хрипло-визгливому голосу, и вошел под арку.

Под каменной лестницей, ведущей наверх, лежали подстилка, одеяло и медный чайник, полный холодной капы.

— Я хочу пить, принеси мне! — велел нукер сверху.

Риго звякнул чайником и понес его по лестнице. Четкого плана на этот случай у него не было, и лорд-без-земли полагался на вдохновение. Оно его не подвело.

Нукер на вышке не повернулся ему навстречу, только протянул руку, чтобы принять напиток. Риго замешкался было, но увидел пиалу, стоящую на небольшой табуретке. Он плеснул в нее капю и вложил пиалу в подставленную ладонь. А когда часовой поднес чашу к губам, бритунец выхватил саблю. Зингарский клинок зашуршал, освобождаясь от ножен. Часовой обернулся. Он проиграл долю мгновения — пиала в руке сковала его движения. Пока он отбросил ее, пока потянулся к своему оружию... Но пиала еще не успела разбиться, упав, а часовой был уже мертв.

«Интересно, долго ли мне будет сопутствовать удача?» — подумал Риго. Тут ему повезло еще раз — рядом с зарубленным лежал взведенный арбалет, а подле находился колчан, наполненный короткими толстыми стрелами с массивными наколочниками.



— Это знак, что прогулка выйдет славной, — сказал себе лорд-без-земли.

* * *

Ни один из семерых не ушел.

Конан встретил их прямо посреди тропы. Нукеры сначала даже остановились от неожиданности, но вскоре трое из них отделились от основного отряда и с гиканьем прищипорили своих коней. Варвар спокойно сидел в седле и ждал. Обойти его с трех сторон противники не могли — мешала садовая ограда. Двое взяли чуть правее, а третий продолжал скакать прямо на киммерийца, неистово размахивая саблей. Камень, вылетевший из-за ограды, ударил его в висок, и нукер не успел даже понять, что его убило. Те, что съехали с тропы, сразу оказались в западне — их лошади остановились, потому что земля там шла под уклон и осыпалась под копытами. Пятеро декхан, вооруженных вилами и лопатами, выскочили из овражка и бросились на врагов. Один из нападавших сразу погиб, рассеченный саблей до пояса, но убивший его нукер был пронзен вилами. Второй взвизгнул, поднял коня на дыбы и успел даже перерубить черенок лопаты, пока другая не раскроила ему череп.

Испустив страшный рев, Конан направил коня с места в галоп на оставшихся четверых. Тот, что был ближе к варвару, принял вызов, и их клинки встретились, разбросав искры. Нукер приподнялся в стремях и обрушил на северян-



нина град ударов. Если бы Конан парировал их, полагаясь на зрение и реакцию, он неминуемо бы погиб.

Но инстинкт воина, не раз выручавший его, помог и сейчас. Клинок его меча всегда оказывался на пути сабельного лезвия. Когда черный нукер сбился с дыхания, варвар перехватил инициативу и без особого труда достал врага колющим ударом в грудь.

Его снова попытались окружить, и снова съехавший с тропы всадник попал в западню. Он отсек руку одному из молодых декхан, получил по спине тяжелым цепом, упал с коня и был пригвожден к земле зубцом бороны, насаженным на палку.

Последние двое пытались бежать, но двадцать человек уже встречали их сзади. Дождь камней полетел им в лицо. Войны Нуурлак-бека, непобедимые черные нукеры, свалились на землю и ползали по ней, потеряв оружие и крича от ужаса. В считанные мгновения от них осталось только месиво.

— Теперь мы пойдем в Шахризабс и перебьем остальных, — сказал Азамат, размахивая окровавленной лопатой.

— Не так быстро, храбрец, староста храбрецов, — усмехнулся Конан. — Сначала мыждемся подмоги. Эта победа была легкой, но теперь враг будет настороже. Сейчас нужно переловить коней, иначе они вернутся в стойла без всадников, а нам лучше бы выиграть время.

Пока декхане пытались справиться с испуган-



ными лошадьми, варвар рассмотрел убитых нукеров.

— Сколько близнецов может выродить женщина за один раз? — спросил он себя. — Ни за что не поверил бы, если бы сам не увидел...

Черные воины были пугающе похожи друг на друга, словно их лица лепили с одной и той же гипсовой маски. Варвар погрузился в раздумья. Краем уха он услышал разговор двух парней, тянувших под уздцы вороного скакуна.

— Мне надоело самому тянуть плуг, — рассуждал один. — Пусть теперь на нас потрудится этот красавец. Ишь, бока какие гладкие!

— Дурень, это же конь воина! Неужели ты собрался пахать на нем? — возражал другой. — Он быстро околеет. Лучше продать его, он дорого стоит. На выручку можно купить не одну, а несколько лошадок, не таких красивых, но куда более привычных к труду.

Конан поскреб затылок и тихо сказал:

— А ведь верно. Воином становится тот, кто не смог бы пахать.

* * *

Аль-Зафар медленно сходил с ума от злости.

Нуурлак выпивал второй кувшин вина, а вино было отравлено аль-Зафаром лично. Яд обладал ужасной силой и действовал мгновенно на всякое живое существо... кроме Нуурлака.

Нуурлак же пил, стараясь заглушить тревогу. Может быть, яд сводил действие вина на нет —



он не пьянел и продолжал задавать своему военачальнику неприятные вопросы.

— Как вышло, что лазутчики выбрались из города незамеченными? Сколько их было, если они смогли умертвить трех воинов? Что этим лазутчикам понадобилось в руинах Шахризабса?

— На последний вопрос ответить легко, — произнес аль-Зафар. — Скорее всего, это воры, которые надеялись поживиться твоей казной. Нукеры не ожидали нападения, потому и погибли. Слишком много было легких удач. Клянусь, что в ближайшие сроки я возмещу потери.

— Хорошо бы набрать побольше головорезов, — мечтательно сказал Нуурлак. — Будь у меня сотня воинов, я давно бы правил Тураном.

«Если бы я мог обеспечить себе сотню бойцов, то обошелся бы без тебя», — подумал аль-Зафар, а вслух отвечал:

— Нелегко заполучить стоящего воина. Его нужно обучить, добиться от него собачьей преданности, лишить личных амбиций. Мы не можем взять первого попавшегося добровольца. По миру гуляет слишком много «свободных мечей», но это подонки, не признающие дисциплины. Одни слишком алчны и способны на предательство, другие мнят себя рыцарями, с ними морока — обо всем имеют личное мнение. Нам нужны другие. Нужны серые, уязвленные собственной слабостью людишки. Нужны пустые и жалкие. Обучи такого десятку сабельных ударов, наполни его пустоту своей волей и подогрей в нем давнюю обиду на весь род людской — вот тогда выйдет



черный нукер, непобедимый воин без уязвимого сердца и шаткого рассудка.

Нуурлак сам плеснул себе еще вина и осушил кубок.

— Меня мучает жажда, — пробурчал он.

Аль-Зафар прикусил губу.

Нуурлак обладал ярлыком на княжение и некоторой суммой в банках Султанапура. Он был полезен аль-Зафару первое время — потому что превращал предводителя разбойников в княжеского воеводу.

Но аль-Зафар слишком поздно понял, что связался с больным на голову мясником, дуреющим от крови. Вместо того чтобы укрепить княжество, Нуурлак занимался бессмысленным обдиранием декхан и еженедельно услаждал свой взор зрелищем пыток и казней.

Аль-Зафару было тесно. Ему хотелось громкой славы, блестящих походов, завоеванных крепостей... В этом случае он, конечно, собрал бы большую армию, а нукеров оставил в качестве личной охраны. Но Нуурлак только рассуждал о своем желании править Тураном и ничего не предпринимал для этого.

Несколько дней назад князек сам пригласил свою судьбу, поведав аль-Зафару слова султана. И воевода решил убрать глупца с княжеского трона. После этого, при помощи некоторых по블ажек, он заставит местных жителей признать его хакимом. А уж потом...

Но проклятый Нуурлак пьет и пьет отраву. Придется, скорее всего, зарезать его...



* * *

Увидев в дверном проеме фигуру, закутанную в черное, Зулия заплакала.

— Меня уже били по пяткам сегодня, теперь только послезавтра... — забормотала она, отползая в угол. Услышав это, нукер схватился за грудь, пошатнулся, а потом сделал то, чего никогда бы не сделал настоящий нукер, — раскрыл свое лицо. Зулия так изумилась, что перестала плакать.

Вошедший был светловолос, бледнокож и сероглаз. Глотнув воздуха, он заговорил с заметным акцентом:

— Я от твоего отца. Нам нужно бежать.

— Мне не встать на ноги, — сказала Зулия. — Все равно бежать некуда. Нас догонят или мы умрем в песках.

Светловолосый подошел к ней и сел рядом на пол.

— Я Риго, — назвался он. — Я из другой страны. Я помогу тебе, поверь. Все будет теперь по-другому.

— Разве Нуурлак больше не властен над нами? Разве ты — могучий воин, и у тебя есть свои нукеры? Уходи и оставь меня. Я уже привыкла ждать смерти.

Бритунец нерешительным движением коснулся ее головы. Он хотел погладить ей волосы, но ему стало неловко.

— Я вовсе не могучий воин, — признался он. — И вообще, я пришел сюда за чужим сокрови-



щем. Но уйти и оставить тебя я не могу. Мы выберемся. Ты совсем не можешь встать?

Зулия покачала головой.

Риго поднялся и посмотрел в окно. Со двора доносились возбужденные голоса. Уловив несколько слов, он нахмурился, снял с плеча арбалет и снова приблизился к девушке, простертой на камышовой подстилке.

— Значит, мы встретим смерть вместе, — сказал он и добавил нечто, Зулие не понятное. В переводе на туранский это звучало бы так: «Скорее всего, Конан опоздает. До полудня далеко. Я считай что погиб. Но все равно умереть рядом с красивой девушкой лучше, чем в доме призрения».

С этим он сел на пол, взвел арбалет, нащупал руку Зулии своей рукой и нежно сжал ее.

* * *

Вышло так, что штурм руин начался задолго до полудня. Рассвет еще не вспыхнул над кромкой горизонта, когда подозрительное зарево поднялось в небе с другой стороны. Оно было тревожным, переливалось всеми оттенками красного, и еще к нему примешивались черные столбы дыма.

— Горит селение Кибрай, — сказал Азамат. — Там живет семья моего брата.

Декхане сидели кругом большого кострища. Полусъеденная баранья туша на вертеле роняла в угли капли кипящего жира. Джизакцы поймали и зарезали трех баранов, и по небольшому



куску жареного мяса досталось каждому жителю селения.

— Если б у нас был рис, — чернобородый выразительно чмокнул, — я приготовил бы пилав, да такой вкусный, какого вы не едали никогда. Меня зовут Тюрек. Когда-то моей единственной работой была резка моркови для пилава. Меня приглашали на свадьбы, на уразу, на поминки во все окрестные селения. Я надевал свой дорогой кушак, брал свои ножи, очень острые, и шел делать людям праздник.

— Что же ты, Тюрек, не взял свои ножи резать нукеров? — со смехом спросил худой, рябой парень. — Что же ты дрался тяпкой-тешой? Отвык от ножа?

Глаза Тюрека вспыхнули желтым огнем.

— Мои ножи остры для того, чтобы люди вкусно ели, — проговорил он. — Я не буду пачкать их убийством. Иначе потом я не смогу резать ими морковь.

Один из декхан собрался отхватить себе добавки, но Конан остановил его.

— Сытый человек — добрый человек, — молвил варвар. — Сытому кажется, что он уже достиг всего. Ты успеешь поесть вволю, но не теперь.

— А если меня убьют? — предположил декхан. — Тогда я никогда не прощу себе, что отказался от добавки!

— Когда ты умрешь, тебя будут кормить прекрасные гурии, — вставил Азамат. — Там будет и мяса, и долма, и пилав, и вкусные лепешки...



Конан поднял руку, приказывая всем замолчать. Удивленные, все поглядывали друг на друга и пожимали плечами, пока не услышали гудящего приближающегося топота.

— Люди. Много людей — они бегут сюда, — сказал Азамат.

Конан встал.

— Это ваши братья пришли помогать вам, — громко произнес он. — Встречайте их!

Долина наполнилась людьми, и все они, изможденные, голодные, одетые в лохмотья, были готовы сражаться.

— Селенье Джам — пятьдесят!

— Селенье Урас — десять!

— Селенье Кукча — двадцать! — кричали они наперебой и все прибывали, прибывали...

— Всего — триста пятьдесят три человека, — подвел итог Азамат. — Хватит этого?

— Пора выходить. — Северянин вскочил на коня и потряс в воздухе мечом.

* * *

— Выпей со мною, — произнес Нуурлак и протянул собеседнику наполненный кубок. — Мне скучно пить одному.

— Не хочу, — отвечал аль-Зафар.

Нуурлак посмотрел ему в глаза и усмехнулся.

— Тебя, друг мой, угнетают тяжелые мысли, — продолжал он, показывая клык. — Вино — лучший лекарь от такой напасти. Я ведь хорошо знаю, что это такое. А вино хорошее, из Аквилонии.



нии. Знал ли глупый аквилонский декханин, растя виноград, куда попадет его детище? Пей, и тебе станет легче.

Аль-Зафар не слушал его слов. Он, как заколдованный, смотрел на искривленные клыки Нуурлак-бека. А тот вдруг надвинулся на воеводу, стал огромным и тяжелым, как средоточие чудовищной нечеловеческой силы.

— Пей, сын гисны! — загремел его голос. — Пей, или я вобью этот кубок тебе в глотку!

Аль-Зафар отскочил в сторону, сабля словно сама прыгнула ему в руку. Нуурлак расхохотался, и от его хохота кувшин, стоявший на столе, вдруг разлетелся в мелкие дребезги. Нуурлак преобразился окончательно — клыкастая его пасть вытянулась, лоб уполз назад, и вся голова мгновенно обросла зеленоватой, крупной чешуей. Раздирая на спине парчовый халат, показался шипастый гребень, растопыренные пальцы на руках обернулись черными когтями.

— Глупец, сын глупца! — грохотало чудовище. — Кого ты задумал извести своей грошовой отравой? Перед кем ты машешь саблей? Ничтожество! Ты — только прах, вышел из праха и уйдешь в него, очень скоро!

Аль-Зафар выхватил из рукава бурнуса маленькую коробочку, открыл ее ногтем и высыпал содержимое — маленькие зеленоватые горошины — прямо перед собою. Горошины, стуча и подпрыгивая, вдруг поднялись над полом и завертелись смерчем.

— Ии-ир-ага! — вскричал аль-Зафар и выбро-



сил правую руку, указывая на Нуурлака. С невероятной скоростью горошины полетели в сторону адского создания, оставляя в воздухе струйки дыма.

Те, что облетели Нуурлака стороной, попали в стену и пробили ее насквозь, оставив в толстом камне маленькие отверстия. Остальные отскочили назад, столкнувшись с неведомой преградой. Одна из них оцарапала аль-Зафару мочку уха, вторая пронзила левое плечо, а третья застряла в правой ноге под коленом.

— Где ты купил это барахло? — издеваясь, спросило чудовище. — В лавке алхимика в Султанпуре? Они все — страшные жулики.

От ярости и болезненного унижения аль-Зафар зарычал. Преображенный Нуурлак засмеялся еще громче — потолок, украшенный алебастровой резьбой, весь пошел трещинами.

— Твои хваленые нукеры — тоже алхимический продукт, не так ли? Ты пичкаешь их снадобрём, от которого они двигаются быстрее мух и становятся похожи друг на дружку, как мушиные погадки... Как смешно наблюдать, когда смертные, и без того убогие, принимаются извращать свою жалкую природу!

Нукер, выросший на пороге, остолбенел.

— Чего тебе? — рявкнул Нуурлак.

Воин повалился на колени.

— О великий господин, — выдавил он трясущимся голосом, — грязные собаки-декхане идут на штурм. С ними чужак на коне. Посланные в Джизак не вернулись.



— Доигрался! — воскликнул аль-Зафар. — Этого ты хотел?

— Ты еще и трус! — Чудовище искривило морду в презрительной усмешке. — Иди и сражайся с мужичьем. Мне весело глядеть, как люди убивают людей. Но прежде приведите ко мне заложницу из Джизака. Ее мучения тоже позабавят меня.

* * *

— Там, на стене, стоит десяток лучников, — заговорил варвар, поднимаясь на стременах. Его звучный голос достигал ушей всякого, кто пришел к руинам Шахризабса. — У ног каждого лучника — большая корзина со стрелами. Стрел — по двести на корзину. И прежде чем мы добежим до ворот, нукеры успеют выпустить их все. Я говорю это, чтобы вы знали: в город войдут не сотни, а десятки.

Над декханской толпой пронесся ропот волнения и сразу стих.

— Ваша сила в том, что вы — родная кровь и выросли на одной земле. Если каждый будет собою прикрывать каждого, погибнет меньше народа.

— Но ведь в кучу стрелять легче, — высказался Тюрек.

— Если мы рассеемся, то не успеем собраться у ворот. Нас будут убивать по одиночке, — возразил Азамат. — Надо навалиться всей массой, и мы их сомнем.



— Все ли готовы? — спросил Конан. Восходящее солнце озаряло его лицо. — Вперед!

И он пришпорил коня.

Стрелы посыпались, и только когда первые убитые рухнули на песок, войско декхан подтянулось и двинулось по-настоящему. Они бежали молча, только вскрикивали раненые и умирающие испускали хрип. Одна из стрел вонзилась Конану в плечо, и варвар яростно заскрежетал зубами.

Когда атакующие подошли совсем близко, рябой юноша, бежавший рядом с лошадью северянина, с криком метнул остро отточенный серп. Он блеснул на солнце, и один из лучников завизжал и рухнул со стены.

Не останавливаясь, декхане принялись бросать камни и палки. Стрелы теперь летели реже — нукеры пришли в замешательство.

Пятеро воинов, стоявших в арке, дрались неистово и убили многих, прежде чем их размазали по земле. Двое, чуть поодаль, выстрелили из арбалетов, и конь под варваром пал, кувыркнувшись через голову. Конан успел освободить ноги из стремян и соскользнуть со спины животного. Меч описывал над его головой пламенные круги.

Нукеры не могли предположить в массивной, тяжелой фигуре северянина столько ловкости и быстроты.

Извернувшись, словно в танце, Конан рассек голову одному из них. Второй успел вскользь задеть варвара по спине, но длинный широкий меч уже погрузился в его живот.



— Ха-аа-яй! — кричал Азамат. — Мы пришли! Веди нас дальше, чужак!

И остатки декханского воинства, поднимая белую пыль, двинулись к летнему дворцу.

Аль-Зафар заметил их издали. Хромая и ругаясь, он метался по галерее. Из нижних комнат доносился неистовый хохот Нуурлака, от которого содрогались стены полуразрушенного дворца.

— Мало того, что он — чудовище, — шипел аль-Зафар, — он еще и полоумный.

Судя по всему, нукеры были истреблены. Не вернулся даже посланный за пленницей. Пора было позаботиться о собственной безопасности.

— Да, у нас же есть заложница! — вспомнил воевода и, припадая на раненую ногу, устремился вниз по лестнице, в бывшую спальню Ферузы, любимой жены первого владыки Шахризабса.

У входа в опочивальню лежал нукер с арбалетной стрелой во лбу. Аль-Зафар остановился.

Из-за пояса он вынул футлярчик, извлек из него небольшой шарик, скатанный из серебряной бумаги. Подбросив его на ладони, воевода прошептал:

— Капатак! Рипур! — и кинул шарик через порог.

От внезапной вспышки Риге ослеп на мгновение. Стрела, выпущенная из арбалета, пробила штукатурку стены, не причинив аль-Зафару никакого вреда. Бритунец вскочил на ноги, протирая глаза.

— Мне нужна пленница, — сказал аль-Зафар.

Бритунец молча рассматривал вошедшего.



Если бы не жесткая складка у губ и не холодное выражение глаз, аль-Зафара можно было даже назвать красивым — он был статен и обладал породистыми чертами лица.

— Это твой сообщник верховодит бунтовщиками? — спросил воевода.

— Плохи ваши дела, — ухмыльнулся Риго.

— Сейчас я убью тебя, а Зулия послужит мне живым щитом, — произнес аль-Зафар. — Меня не тронут, пока она в моих руках.

— Сначала возьми ее, — Риго обнажил клинок. Зулия, забившаяся в угол, смотрела на бритунца расширенными глазами.

Аль-Зафар был ранен, поэтому схватка вышла на равных. Воеводе нукеров тяжело было двигаться, и бритунцу удавалось уворачиваться от его ударов. Но даже при этом Риго получил тяжелую рану в бедро и глубокий порез на груди.

— Очень скоро ты изойдешь кровью, — объявил аль-Зафар. — Смотри, твоя сабля стала тяжелой!..

С этими словами он молниеносно выбил оружие из руки Риго. Бритунец отступил на шаг.

— Я не буду гоняться за тобой. — Аль-Зафар отбросил свой клинок. — Ты умрешь там, где стоишь, а я не сделаю ни шага.

И он медленно потянулся к метательному ножу, висевшему на поясе. Риго повторил его движение и уже коснулся было пальцами рукоятки, но замер. Он смотрел аль-Зафару в глаза.

Время остановило свое движение, и весь мир для бритунца померк — оставалось только над-



менное лицо разбойника, его обжигающий взгляд, и больше ничего.

Неожиданно глаза разбойника сузились, он метнул взор в сторону от Риго, а рука его выхватила нож. Сразу после этого аль-Зафар покачнулся, выронил оружие, испустил вопль и рухнул. Своим ножом бритунец пронзил ему сердце.

— Вот и все, — сказал он Зулие. — Видишь, я защитил тебя.

* * *

Нуурлак стоял, опираясь спиной о колонну. Прямо над его головой застыла в танце каменная Феруза.

Чудовище ухмылялось и поигрывало страшной булавой. Ступени перед ним были усеяны трупами.

— Сколько вас еще осталось? — проревел Нуурлак. — Сотня? Полторы сотни? Дзе-дзе, я убью вас всех.

Декхане перед ступенями крепче стиснули свое оружие, но идти вперед не решались.

Конан поднялся и вытер кровь с лица.

— Я знаю, кто ты, — сказал он. — Ты — изгнанный дэв по имени Зулаксар. Пора оборвать твой земной путь.

— Он был длинным, — ухмыльнулся дэв. — Очень длинным. Что ж, ты знаешь про меня, а я знаю про тебя. Эй, грязноногие! Вы полагаете, что смелый чужеземец пришел освободить вас? Плевать он на вас хотел, как плюю я. Ему нужна



Жемчужина Песков. А вы лишь помогли ему расчистить к ней дорогу.

— Это правда! — отвечал варвар. — Я пришел за жемчужиной, и я знаю, где она лежит. В нескольких шагах от тебя!

— Скажи мне! — От громкого голоса Зулаксара поднялся сквозняк и пронесся, обдирая штукатурку со стен домов. — Скажи мне, и я заберу ее. Тогда мне позволят вернуться. Мне надоело жить среди смертных насекомых! Молчишь? Все еще надеешься заполучить ее?

— Вовсе нет. — Конан скрестил на груди окровавленные руки. — Я думаю, будет несправедливо дать тебе уйти после стольких бед, которые ты причинил.

Дэв щелкнул когтями, и вдруг один из декхан, стоявших рядом с варваром, взлетел в воздух и со страшной высоты рухнул на плиты мостовой.

— Скажешь? — спросил Зулаксар. — Нет?

— Твоя взяла. — Конан опустил глаза. — Жемчужина замурована в одной из этих колонн. Все это время она была здесь.

— В этой? Или в этой? — рявкнуло чудовище, и две колонны, на которые он указал, рассыпались в пыль.

— Очевидно, что нет, — сухо ответил северянин. — Я не знаю точно, в какой.

Дэв затрясся, и вокруг поднялся грохот. Колонны по одной стали взрываться, осыпая все вокруг каменной крошкой. Когда распалась двенадцатая, Зулаксар испустил ликующий крик.



— Вот она! — возопил он. — Я прощен! Я прощен!

Конан молчал. Пораженные красотой огромной жемчужины, блестящей в лапах мерзкого создания, повстанцы опустили свои лопаты и дубины.

— Я не зря ждал, — произнес Зулаксар. — Мне казалось, что какой-нибудь охотник за кладрами придет и укажет мне, где ее искать. Так и случилось. Дэвам дано заглядывать в будущее.

— Ты серьезно? — насмешливо спросил Конан. — Тогда посмотри наверх.

Зулаксар задрал чешуйчатую морду и открыл пасть от изумления. Закричать он уже не успел.

Многотонный портик и часть крыши обрушились на него. Оставшихся колонн не хватило, чтобы выдержать их тяжесть. Удар был так силен, что двухэтажный дом, стоявший через площадь, рассыпался на кирпичи.

Когда пыль улеглась, все увидели когтистую лапу, торчавшую из завала. Лапа сжимала Жемчужину Песков, блестящую в полуденном солнце...

Потом лапа обмякла, разжалась, и, словно тяжелый черный мяч, жемчужина скатилась к ногам Конана.

* * *

Стоял прохладный вечер, когда варвар собрался в путь. Во дворе Дадабая Тюрек сосредоточенно резал морковь для свадебного пилава.



Он ни на что не обращал внимания и был совершенно счастлив.

Рито, все еще слабый, но уже стоящий на ногах, вышел проводить северянина.

— Жемчужина твоя по праву, — сказал он. — Забирай ее.

— А как же ты? — спросил варвар.

— Свое сокровище я уже нашел, — улыбнулся бритунец. — Посмотри на меня, я больше не лорд-без-земли. Теперь я хаким этих мест, владелец Шахризабса. У меня есть невеста и куча денег — вся казна Нуурлака. Я отстрою город, почию водопровод, помогу декханам наладить хозяйство. Сюда вернутся люди, чтобы жить и работать. Через десять лет ты найдешь здесь настоящую Жемчужину Песков — богатый, щедрый край и прекрасный Шахризабс — неповторимый, великолепный...

— У бритунцев так часто бывает, — заметил Конан. — Не живет им в Бритунии. Они влюбляются в отдаленные чужие земли и не могут дышать без них. А мне тяжело на одном месте. Но через десять лет я непременно заеду к тебе в гости.

Варвар уселся верхом на верблюда и рысью тронулся в путь, не оборачиваясь. Закатное солнце освещало его дорогу. Рито хотел окликнуть его и помахать на прощание рукой, но он промолчал.



Мертвое сокровище



Кезанкийских гор спустился всадник. Был он молод и силен; меч за спиной, потертая одежда и в кошельке пара медных монет — ничего более при нем не имелось. Молодой человек находился в том возрасте, когда ему довольно целого мира. Это потом станет такое время, когда всей Хайбории будет недостаточно и потребуется собственный дом, пусть небольшой, где всегда горит очаг и ждет женщина — не случайная, а своя собственная, та, что будет любить до смерти.

А сейчас всадник даже не задумывался о подобной возможности. Он был совершенно свободен. А что такое свобода? Возможность ехать куда угодно и силы, чтобы дать отпор любому, кто встанет на пути.

Горы громоздились у него за спиной. Небо постепенно темнело, затягивалось тучами, а впере-



ди уже видна была равнина — там лежала Бритуния с ее городами, где жили цивилизованные люди. Молодой бродяга не слишком жаловал цивилизованных людей. По его мнению, они чересчур заносились. Конечно, многие из них умели читать и писать; зато во всем остальном сильно уступали тому, кого заносчиво именовали варваром.

Конан — так звали всадника — намеревался миновать Бритунию и перебраться в Гиперборею, где в Халогге, по слухам, набирают наемников для очередной пограничной войны с Асгардом. Он рассчитывал неплохо заработать, а заодно и получить удовольствие.

Упали первые капли дождя. Равнодушный к физическим лишениям, Конан поначалу не обратил внимания на начинающийся дождь. Но сырость не понравилась его лошади. Копыта начали скользить по камням, и лошадка жалобно заржала.

— Этого только не хватало, — пробормотал Конан. — Если она сломает ногу, придется тащиться пешком.

Дождь усиливался. Конан уже предполагал остановиться на ранний ночлег под прикрытием какой-нибудь нависшей скалы, как вдруг впереди заметил мелькание огонька. Казалось невероятным, чтобы поблизости находилось какое-нибудь жилище, и тем не менее огонек горел ровно, ясно, так что становилось очевидным: его разожгли не под открытым небом, где он, предоставленный во власть ветра, трепетал бы и вздраги-



вал, словно испуганный человек; нет, он пылает в очаге или лампе, поставленной на окно, и стихия не может коснуться его.

— Дом, — фыркнул Конан. — Веселые, должно быть, обитают там люди. Поселиться на отшибе, загромоздить себе окна горами — это не всякий такое придумает.

Он спешился и повел лошадь за собой, выбирая дорогу осторожно. Торониться некуда. Время от времени он взглядывал вперед, туда, где горел огонек. Свет становился все ближе. Нет, это не было видением. Там, впереди, действительно жили какие-то люди. Что ж, тем лучше.

Конан остановился, принюхался — совсем, как животное, тщательно оберегающее свою шкуру. Кое-что показалось ему странным. Обычно человеческое жилье он чуял издали. Запахи — дыма, готовящейся пищи, домашнего скота — доносились до его по-звериному чутких ноздрей задолго до того, как показывалась крыша здания. А здесь никаких запахов не было. Возможно, ветер дует в другую сторону, подумал Конан, упрямо шагая в сторону дома.

Это была большая, приземистая каменная усадьба, расположенная у самых отрогов Кезанкийских гор. Одним богам ведомо, какие причины заставили обитателей усадьбы прийти на эту негостеприимную землю и поставить здесь дом. Но строили, судя по тому, как выглядели каменные стены, сложенные из крупного серого булыжника, на века.

Четырехскатная крыша, крытая черепицей,



также выглядела надежной. Ни ветры, ни снега не были ей страшны. Несколько окон, затянутых бычьим пузырем, подслеповато глядели — одни на горы, другие на равнину. В одном окне действительно горела лампа — спокойным, уверенным светом.

И тем не менее — вот странное дело! — от этого жилья не исходило ощущение уюта. Будь Конан более чувствительным, более «цивилизованным» человеком, он сразу обратил бы на это внимание. Но поскольку молодой варвар относил подобные чувства к области «поэзии для городских слабаков», то он отнесся к этой странности с полным равнодушием. Перед ним был дом — это раз. Там находились какие-то люди — это два. В том случае, если эти люди окажутся более чем негостеприимны, — он, Конан, всегда в состоянии поговорить с ними на языке доброго холодного железа. Это три.

Не раздумывая больше, он приблизился к двери и постучал в нее кулаком.

Дверь тотчас распахнулась, как будто тот, кто за нею находился, уже ожидал гостя. На пороге стояла девушка лет восемнадцати. Она была настоящая бритунийка — крупного сложения, с крепкими прямыми плечами, широким лицом, густыми белокурыми волосами. Ее светлые глаза глядели на незнакомца безмятежно и ясно.

— Здравствуй, — проговорила она, чуть отступая, чтобы он мог войти.

Конан быстро глянул в полумрак дома и, не заметив ничего подозрительного, вошел.



— Только позаботься о своей лошади, — сказала девушка. — А потом располагайся. Скоро ночь, да? Скоро ведь ночь?

Конан неопределенно пожал плечами, полагая глупым говорить о столь очевидном предмете. Разумеется, скоро ночь. А еще начинается дождь. Не хватало еще беседы о погоде.

— И дождь? — продолжала допытываться девушка. — Да? Там, за порогом, начинается дождь?

— Да, — сказал наконец Конан, не желая быть совсем уж невежливым. Тем более что девушка показалась ему милой. Ему нравились северянки. Впрочем, и южанки, и красавицы с Востока, и чернокожие амазонки с гибкими тонкими телами — тоже... Счастливый возраст, счастливое время в жизни молодого мужчины.

— Ну так привяжи ее под навесом. Там ведь есть навес? — говорила девушка, все так же неподвижно глядя в лицо своему гостю. — В таком случае, привяжи ее под этим навесом. И еще ее надо кормить. Да? Лошадь надо накормить? Ее кормят сеном? Там должно быть сено. Или трава?

— Трава еще есть, — сказал Конан. Возможно, бедняжка не вполне здорова. Кто знает, может быть, она пережила потрясение. Или упала откуда-нибудь и ударилась головой. Конану доводилось и падать, и ударяться головой. Выпадали в его жизни такие дни, когда он просыпался и не мог вспомнить: кто он такой, как здесь оказался и куда ему теперь идти. Память потом возвраща-



лась. Возможно, и к этой девчонке вернется. В любом случае, она хороша собой и приветлива — это чего-нибудь да стоит.

— Сделаю, как ты говоришь, — заверил ее Конан. — Лето еще не кончилось, травы довольно, да и навес найдется. А веревка у меня есть.

Лицо бритунийки озарилось медленной улыбкой.

— О, да! — произнесла она, удовлетворенно кивая. — Конечно! Лошадь привязывают веревкой!

Она повернулась и нырнула в глубину дома, оставив дверь приоткрытой.

Вскоре Конан последовал за ней, неся седло на плече.

— Я оставляю его в прихожей, — сказал он. От седла распространялся острый запах мокрой кожи и конского пота.

— Сделай так, как положено, — отозвалась девушка.

— Меня зовут Конан, — молвил варвар, оглядываясь по сторонам.

Внутри дом казался еще больше, чем снаружи. Везде были кладовки, где стояли бочонки с различными заготовками. По стенам висели связки лука и чеснока.

Конан был не великий знаток кулинарных дел, однако в полумраке ему показалось, что лук не то сгнил, не то вовсе высох. Во всяком случае, он выглядел совсем не так, как на тех постоянных дворах, где ему случалось ночевать и трапезничать. Впрочем, кто знает! Слышал он от собрать-



ев-наемников о таких странах, где деликатесами считаются тухлые яйца.

В других кладовках, как показалось Конану, хранились разные вещи: украшения, связанные пучками, как редиска; перстни на веревочках; медные кувшины, наваленные, словно дрова, горой; слежавшиеся платья, перевязанные бечевой, подобно пачкам вяленой рыбы; имелась даже мебель, но вся она громоздилась как попало, и пользоваться ею было нельзя. Мебель была частью старая, поломанная, а частью — дорогая. Имелась даже с инкрустированными ножками — Конан разглядел перламутровые и костяные пластинки, тускло поблескивающие в темноте.

Этих кладовок было с десятков по всем углам дома. Они стояли открыто, никак не отгороженные от большой залы, которая, судя по всему, оставалась единственным жилым помещением.

Впрочем, нет — Конан заметил один угол, занавешенный бычьей шкурой.

— Там спят мои родители, — объяснила девушка. — Это спальня. Да? Они лежат там на постели. Отец и мать. Их укрыли покрывалом. Они не проснутся, если мы только не будем шуметь.

— Понятно, — проговорил Конан. — Как твоё имя?

— Имя... — Девушка задумалась. — Оризия. Да? Меня зовут Оризия?

— Очень красивое имя, — согласился Конан. — Оризия.

— Оризия! — Она засмеялась, кивая.

— А где твоя спальня? — спросил Конан.



Девушка прикусила губу, задумавшись над этим простым вопросом.

— Я лежу на ложе, — сказала она наконец. — Оно стоит там, — девушка показала в противоположный угол залы. — Без занавески. На него я ложусь и лежу.

— Понятно. Скажи, Оризия, если ты будешь так добра и предоставишь мне ночлег, — то где лежать мне?

— Тебе?

— Ты хочешь, чтобы я лежал рядом с тобой? — продолжал Конан. — Или мне пужно лечь в каком-нибудь другом месте? Или мне вообще не следует ложиться? Скажи, как поступить правильно.

Он больше не сомневался в том, что девушка не в себе, и по обычаю своего народа отнесся к ней с добротой и терпением. Простаки и безумцы всегда могут оказаться избранниками и любимцами богов, которые нарочно приближают к себе таких людей, чтобы потом вещать их устами, открывая прочим свою волю. Разум простака всегда пуст и открыт любому голосу, в том числе и голосу божества, в то время как рассудок умника забит его собственными мыслями, которые представляются тому серьезными и важными, и потому умник слышит призывы судьбы куда реже.

— Ты Конан, — сказала девушка. — Ты хочешь здесь ночевать, да? Ведь там, за порогом, дождь и ночь?

— Да, — сказал Конан.

— О, ты должен ночевать на моем ложе, — об-



радованно произнесла Оризия. — Да, конечно, на моем ложе. Там можно лежать вдвоем. Оно широкое. Ты теплый?

— Полагаю, да, — кивнул Конан.

— Ты можешь меня согреть. — С этими словами девушка слегка прикоснулась к руке Конана. Ее пальцы были холодны, как лед, и на мгновение Конана окатило запахом свежей крови. Это было тем более странно, что за мгновение до этого он не ощущал никаких запахов вообще. Даже протухший лук не источал характерного аромата, а уж этого Конан объяснить себе не мог. Впрочем, следует отдать ему должное: разговаривая с полубезумной красавицей, он не утруждал себя размышлениями о каком-то тухлом луке.

«Судя по состоянию здешних припасов, вряд ли у нее найдется хороший сытный ужин, — подумал Конан. — Однако спросить не помешает».

— Скажи, Оризия, — заговорил он мягко, — а не найдется у тебя похлебки?

Оризия чуть сдвинула брови, мучительно раздумывая над услышанным.

— Похлебка... — вымолвила она.

— Это такая еда. Ее варят. Кладут в котелок мясо, коренья, немного крупы... — вкрадчиво стал напоминать ей Конан.

Лицо девушки опять озарила улыбка узнавания.

— Еда! — воскликнула она. — Ее черпают ложкой, да? И едят?

Она задвигала руками, показывая, как куски отправляются в рот.



— Вот так? — допытывалась Оризия у Конана. Он кивнул несколько раз.

— Именно так, Оризия. У тебя горит огонь. Возможно, найдется и котелок. Мы повесим его над огнем в очаге... Здесь есть очаг, правда?

Улыбка пропала с губ девушки. Она склонила голову, волосы повисли вдоль ее лица, совершенно скрывая его.

— Я огорчил тебя? — забеспокоился Конан.

— Нет, — выговорила она тихо, не поднимая головы. — У меня... да, кажется, здесь нет очага.

— Ну, нет так нет, — ободряюще произнес Конан. — Можем обойтись сухим хлебом. Здесь есть сухой хлеб?

— Да! — Оризия обрадованно вскинула голову. — Сухой! Даже с плесенью! Очень черствый! Это вкусно?

— Чрезвычайно вкусно, — подтвердил Конан, скрывая уныние. «Бедняжка, — подумал он. — Хорошо бы найти того негодяя, который сделал с ней это... А может быть, она такая с рождения? Странно, что ее родители спят и ничего не слышат. За этой девушкой нужен хороший пригляд. Красивая и не в своем уме. Легкая добыча для любого мерзавца».

Оризия принялась растерянню оглядывать полки, которые тянулись вдоль стен по стенам жилой комнаты. Маленькая медная лампа, горевшая на окне, почти не освещала помещение, однако Конану это почти не мешало: он, как кошка, хорошо видел в темноте. От него не укрылось, как тревожится девушка. Она явно не



понимала, как выглядит предмет, о котором ее спрашивают.

— Забудь, — сказал Конан. — Не нужно никакого хлеба.

Оризия с облегчением повернулась к нему.

— Знаешь что, — произнесла она, — я помню одну вещь...

— Какую?

— Ты должен умыться. Да. Это совершенно точно. Ты должен умыться.

— Хорошо, — согласился Конан, хотя сам он такой необходимости для себя не видел. Конечно, волосы и одежда у него пыльные, но не настолько, чтобы отталкивать от него людей. У горожан, конечно, могут быть свои взгляды на такие вещи. Некоторые дамы из «цивилизованных», которые не прочь были заполучить в свою постель варвара — просто для разнообразия — не только предварительно засовывали его в бочку с горячей водой и заставляли тереться жесткими мочалками, но и обмазывали разными благовонными маслами. Конан добродушно сносил и то, и другое. Он жалел женщин и признавал за ними право на небольшие капризы. И только иногда ворчал, что они играют с мужчинами так, словно не доиграли в детстве с куклами.

Однако Оризия, как ему показалось, не играла. Бедная сумасшедшая так искренне радовалась, когда ей удалось вспомнить о купании, что Конан также ощутил подобие ответной радости.

— Конечно, милая, — мягко проговорил он, — я сделаю, как ты хочешь.



Девушка убежала куда-то в глубь дома и скрылась в одной из кладовок. Недолгое время доносилось только приглушенное грохотание жести, а затем появилась Оризия с большим корытом и деревянным ведром.

— Иди туда, — она махнула в сторону кладовки, откуда только что вернулась сама. — Отнеси туда эти вещи. Там надо мыться.

— Зачем же ты забрала оттуда это корыто? — удивился Конан.

Оризия посмотрела на тяжелый предмет изумленно — так, словно сама увидела его впервые и теперь силится вспомнить, что же это такое.

— Я забрала это оттуда? — повторила она. — А что, этого не следовало делать?

— Ну, вероятно... раз ты так поступила, значит, в этом был смысл, — решил Конан, и девушка тотчас просветлела лицом. Она отвела с глаз длинную белокурую прядь и гордо сказала:

— Да, я знаю, как надо поступать. Ты возьмишь это и отнесешь туда, в кладовку. Там надо мыться. Только...

Она вдруг помрачнела и закусила прядь.

— Что? — спросил Конан.

— А? Не помню... Да, надо быть осторожным. И еще надо набрать воды. Вот ведро — это для того, чтобы набрать воду. Да? Правильно?

— Правильно, — кивнул Конан. — А где у вас вода?

— Сейчас ведь дождь? Это вода? — произнесла Оризия. — Или неправильно?



— Дождевой воды может оказаться мало, — сказал Конан. — Может быть, у вас тут есть колодец?

— Колодец? — Оризия вдруг закрыла лицо руками и пронзительно закричала. Звук ее голоса пробирал, казалось, до самых костей, таким жалобным, пронзительным и в то же время злобным он был. Как будто это кричала не безумная девушка, а неприкаянная душа, что бродит возле своей могилы, тщетно взывая к отмщению. — Разве в колодце может быть вода?

Конан вновь ощутил резкий запах только что пролитой крови.

— Не знаю, — пожал он плечами. — В засохшем колодце вообще ничего нет, кроме ломаных палок, листьев да песка... А в хорошем — да, там обязательно должна быть вода.

— Поищи, — предложила девушка неуверенно. Теперь ее голос звучал сипло — она сорвала его криком.

Конан взял ведро и выбрался наружу, под дождь. Прохлада ночи приятно студила лицо, ветер как будто окутывал плечи легким, влажным плащом. После тяжелого воздуха, застоявшегося в доме, так приятно было вдохнуть ароматы травы и мокрых листьев!

Поблизости от дома Конан действительно обнаружил колодец. Судя по всему, его выкопали кезанкийцы — суровые горцы, которые внимательно относятся к своей собственности. Колодец представлял собой небольшую крепостцу, сооруженную над глубокой ямой, уходящей далеко



под землю. Невысокие стены колодца были сложены из того же булыжника, что и усадьба; сверху имелась такая же четырехскатная крыша. Ни отверстия для ведра, ни дверцы с замком в крыше не имелось. Она была совершенно глухой. Конан, подумав, наклонился над ней и поудобнее обхватил руками. Крыша не поддавалась — она была намертво схвачена цементным раствором.

— Зачем выкапывать колодец и закрывать его крышей? — недоумевал варвар. — Странные здесь все-таки живут люди. И родители этой девушки... Почему они до сих пор не проснулись? Может быть, они мертвы? А она так и не понимает этого? Думает, что отец с матерью просто спят глубоким сном... Надо бы это выяснить.

Зачем ему потребовалось выяснять подобные вещи — этого Конан и сам бы себе сказать не мог. Просто он был любопытен. Просто девушка вызвала у него сочувствие. Просто он чуял близость какой-то тайны, быть может, зловещей — а что еще вероятней, сулящей новые приключения и, не исключено, наживу.

И намертво закрытый колодец — Конан мог бы поклясться в этом — был значительной частью этой тайны.

Он расставил ноги пошире, напрягся и одним мощным рывком сдвинул крышу с колодца. Трещая, посыпалась черепица. Несколько обломков упали Конану на ногу.

Наконец-то! Теперь он мог наклониться над бездной и заглянуть внутрь. Воды там, конечно, нет — в этом он почти не сомневался. А вот что



там таится — большой вопрос. И насколько оно опасно? На всякий случай Конан вынул меч из ножен.

Только сейчас он сообразил, что до сих пор не расстался с оружием. Как невежливо — все это время он находился в доме у девушки вооруженным! Оправдывало его только одно: хозяйка затерянной в предгорьях усадьбы оказалась слишком уж диковинной.

Поначалу колодец показался ему просто пустым. Но затем Конан уловил еле заметное шевеление глубоко на самом дне, и из мрака на миг блеснули две горящих красных точки — как будто там таилась огромная рептилия.

— Тьфу, — пробормотал Конан, водружая крышу на место. — Если там замуровали какого-нибудь демона, то я совершил большую ошибку... Теперь он может выбраться на волю. Лучше бы утихомирить его сразу.

Он уселся на землю, скрестив ноги и положив на колени меч, и начал ждать. Звезды над головой постепенно меняли положение. Ночь вошла в свои права и медленно гнала лунную колесницу, запряженную быками, с востока на запад. Терпеливый, как хищник в засаде, Конан сидел совершенно неподвижно.

Вскоре до его слуха донесся легкий шорох. Крыша над колодцем шевельнулась. Снова упало несколько черепиц, глухо звякнув о камень. Затем все сооружение сдвинулось на сторону, и над краем булыжной стены появилась плоская голова рептилии. Длинный раздвоенный язык нервно



трясся в воздухе, красные глаза горели адским огнем и все время блуждали, выискивая добычу.

— Я здесь, — негромко произнес Конан, продолжая оставаться неподвижным.

Ночной воздух разрезало тонкое, злое шипение. Змей все еще не видел противника, но чувал его близость. Затем низкий вибрирующий голос зазвучал прямо в голове у варвара:

— Кто здесь?

— Я, — вслух сказал Конан. — Твоя смерть.

— Я — смерть, — прошипел голос. — Я живу в этом колодце с тех пор, как Элиссия отдала мне свою жизнь...

— Кто такая Элиссия? — спросил Конан. Его начала раздражать эта игра в загадки. Он еле заметно сместил положение правой руки, постепенно подбираясь к оружию.

Голос засмеялся. Этот смех наполнил вибрацией воздух, и все существо варвара отозвалось на нее с отвращением.

— Ты не знаешь! — шипел змей. — Конечно, ты не знаешь! Ты влез в это дело, но ты не знаешь!

— И знать не хочу! — произнес Конан. Он догадался, что змей пытается уловить движение его губ и таким образом определить его местонахождение. И все же любопытство заставляло его задавать вопросы.

— Кто такая Элиссия? Ты ведь хочешь мне рассказать об этом, червяк!

— Червяк! — Змей снова засмеялся. — Будь по-твоему. Элиссия — старшая дочь. Оризия —



младшая. Элиссия много знала. Она выходила в ночь, пела. Она приносила жертвы. Она звала меня. Она приготовила для меня колодец. А когда я пришел, она почему-то была недовольна...

Теперь в голове Конана начала проявляться вся картина. Мысленно он уже посылал проклятия самоуверенной девице по имени Элиссия. Та наслушалась бредней о могуществе служителей Сета и выучилась заклинаниям у каких-нибудь бродячих шарлатанов. А потом принялась зазывать древнего бога, суля ему свою любовь, душу, кровь — неизвестно; во всяком случае, Древний Змей отозвался на эти призывы и прислал своего слугу. А уж слуга распорядился незадачливой заклинательницей так, как счел нужным.

А младшая сестра, Оризия, утратила после этого рассудок...

Одним молниеносным движением Конан вскочил на ноги и обрушил удар меча на голову змея. Послышался громкий хруст. Воздух на мгновение взорвался мириадами ослепительных разноцветных искр, а затем со звоном осыпались стекла. Несколько крупных осколков ранили руку Конана и поцарапали ему плечо. Змея больше не было. И только в воздухе еще некоторое время ощущалась неприятная вибрация, от которой противно сжималось в животе.

Конан собрал все осколки и побросал их в колодец, а потом водрузил на место крышу и плюнул. Пора было возвращаться в дом.

Оризия ждала его.



— Возьми ведро и иди туда, — сказала она. — Ты все правильно сделал?

— Надеюсь, — проворчал Конан, отправляясь в кладовку.

— Я буду тебя ждать здесь, — обещала девушка.

В кладовке было темно и тесно. Угадывались какие-то громоздкие предметы, но какие — этого Конан определить не мог. Он постоял, присматриваясь и размышляя над тем, что же ему теперь делать.

— Ты умрешь, — прозвучал тонкий голосок.

— Это еще кто? — удивился варвар. — Кто со мной говорит?

— Я! — важно проговорил голосок.

Конан наклонился пониже и увидел странное существо. Это была крупная крыса с мордочкой, напоминающей человеческое лицо. Во всяком случае, на своем не очень долгом веку Конану доводилось встречать людей, которые куда больше походили на крысу, чем этот говорящий грызун.

— Ты? — удивился Конан. — Ну и кто же ты такой?

— Меня зовут Мран, — важно объявила крыса. — Я царь здешних крыс. Их здесь много, но я — главный. У меня есть особый дух. Я умею видеть будущее. И я говорю тебе, что ты здесь умрешь.

— А я говорю тебе, что ты простая мышь и сдохнешь куда раньше моего, — возразил Конан. — Возможно, ты и дух, но можешь мне поверить:



в своей жизни я поубивал множество духов страшнее какой-то крысы.

— Ты мне не веришь? — разволновалась крыса.

— А почему я должен тебе верить?

— Ты стоишь в темной комнате и разговариваешь с крысой... и все-таки не веришь!

— Я знаю, что когда настанет мой час, ледяной бог Кром с окровавленным мечом в руке встретит меня на пороге вечности, — сказал Конан. — А твои бредни можешь оставить при себе, Мран, если таково твое настоящее имя.

Тихо пискнув, крыса внезапно повалилась на спину. Конан пошевелил ее сапогом. Крыса была мертва. Трупик быстро окоченел.

— Дрянь какая-то, — плюнул Конан. — Куда я попал? Надо бы увести отсюда девушку, пока она окончательно не погибла. Человек не должен жить в одном доме с духами и демонами. Если змей был прав, то эту Элиссию следовало кормить паршивым собакам, чтобы не баловалась с магией.

Тишину прервало шуршание. Конан резко обернулся на звук, почти не сомневаясь в том, что сейчас опять увидит перед собою змея. Но это был не змей. Из противоположной стены выпростались две руки и, медленно увеличиваясь в размерах, потянулись прямо к нему. Рядом набухали еще несколько кулачков, и Конан не сомневался, что спустя минуту-другую и из этих кулачков прорастут руки.

Первая пара уже схватила варвара за длинные



волосы. Взмахнув мечом, Конан обрубил кисти, и те, продолжая цепляться пальцами, повисли на прядях у висков, как репы. Морщась от отвращения, Конан принялся разгибать эти пальцы. Несколько пальцев сломались с отвратительным сухим треском. Наконец кисти упали на пол и заскреблись там.

Новая пара рук оказалась женской — с длинными острыми ногтями. Они полоснули Конана по щеке, оставив болезненные парapiны, а затем впились в горло. Конан принялся бить их мечом, нанося удар снизу под локти. Руки вздрагивали, но еще сильнее сжимали хватку. А третья пара, опять мужская, уже подбиралась к его глазам.

Наконец одна из женских рук слегка ослабла. Конан воспользовался этим, чтобы воцпить острие меча в самое основание плеча. Рука вскинулась к самому потолку и, извиваясь, как плеть, мгновенно скрылась в стене. От последней пары Конан увернулся, едва не опрокинул жестяное корыто — по счастью, пустое, — и выбежал из комнатки. Он успел еще увидеть, как одна из рук в бессильной ярости стучит по полу кулаком, но его это больше не интересовало.

Стоит ли ночевать в этом проклятом месте? В любом случае, следует поговорить с Оризией. Может быть, девушка расскажет что-нибудь интересное.

— Ты готов? — окликнула Конана хозяйка усадьбы. Она лежала на ложе, поверх узорного покрывала. Конан сел рядом, поскольку никакого сиденья поблизости не обнаружил, и коснулся



щеки девушки. Щека оказалась холодной, как лед. И в третий раз Конана охватило такое чувство, будто поблизости совсем недавно была пролита кровь.

— Расскажи мне о себе, Оризия, — попросил Конан. — Сколько тебе лет?

— Лет? Ты хочешь знать, ребенок ли я?

— Да.

— Я взрослая, — заверила девушка. — Я уже выросла, но больше не вырасту. Я останусь такой.

— Хорошо, — сказал Конан. — У тебя есть сестра?

Оризия задумалась.

— Это другая девушка? — спросила она наконец. — Такая же, как я, только другая?

— Вероятно, так. Может быть, ее звали Элиссия?

— Элиссия! Элиссия! — Снова пронзительный, отчаянный вопль. — Она искала сокровища...

— Сокровища? — Конан ощутил жгучий интерес к запутанной и неприятной истории. — Что ты имеешь в виду?

— Жрецы Сета. Они остановились на ночлег. Да, они здесь ночевали. Мы не знали, что они жрецы Сета. Отец, мать. Сестра Элиссия. Они попросили воды из нашего колодца. Долго пили. Они хорошо заплатили. А потом один из них что-то уронил в колодец. Ах, ах, как они кричали! Как сердились! Они хотели убить того, кто это сделал!

— А что это было? — уточнил Конан.



Девушка посмотрела на него недоумевающе. Ее светлые глаза выделялись в темноте, и Конан видел, что они не моргают.

— Что? — спросила она.

— То, что он уронил в ваш колодец, — пояснил Конан.

— Он уронил какой-то предмет. Наверное, это был волшебный предмет. Или очень дорогой. Они сказали, что колодец надо теперь замуровать, а отцу посоветовали выкопать новый. Отец очень сердился. А Элиссия подслушала, что говорили жрецы. Она узнала, что это был за предмет. Это был змей, посланник Сета. Только его надо уметь вызывать, и тогда он выполнит все твои приказания. Она подслушала заклинания и видела змея. Мы ведь бедные люди, господин, мы очень бедные люди, мы живем здесь, в предгорьях, и у нас ничего нет, кроме этого дома, колодца и клочка обработанной земли... Еще у нас были бараны. Кажется, да. Ведь у нас были бараны? Ты помнишь?

— Конечно, — сказал Конан. — Конечно, я помню ваших баранов.

Глаза Оризии радостно блеснули.

— А, значит, я не ошибаюсь! Слушай дальше. Они уехали. Отец хотел замуровать колодец, как советовали ему жрецы. Они ничего ему не объясняли, но отец-то уж смекнул, что это не простые путники. Мой отец всегда разбирался в таких вещах. Он не жрец, но очень умный человек. Он многое повидал, очень многое. Живя в предгорьях, можно повидать очень многое...



А сестра Элиссия — та не хотела, чтобы колодец замуровывали. Потихоньку пробралась она к колодцу и стала читать заклинания. Она вызвала змея. Я видела, потому что я подглядывала. Она думала, что я маленькая, но это не так.

Змей спросил, чего она хочет, и Элиссия — такая храбрая! — сказала, что желает много золота и драгоценных камней, чтобы мы могли уехать отсюда, и жить в большом городе, например, в Нумалии, и иметь большой дом, и много слуг, и много еды, и никогда не работать — в общем, все самое лучшее для всей нашей семьи. Змей плюнул, и на земле появилась гора сокровищ. Если бы ты видел эти сокровища!

Оризия приподнялась на своем ложе. Конан заметил, что она дрожит. Ее волосы подрагивали на подушке, как живые, а бледные губы шевелились, не произнося больше ни звука.

— Тише, тише, — произнес Конан. — Почему ты дрожишь?

— Я видела эти камни! Драгоценные камни! Целая гора! Они сверкали под луной, — зашептала Оризия. — Они до сих пор сверкают под луной.

— Где? — осторожно спросил Конан.

— А! — вскрикнула Оризия. — В одном тайном месте!

— Рассказывай дальше. Что случилось с твоей сестрой?

— Элиссия очень обрадовалась, когда змей преподнес ей всю эту груду драгоценностей. А он поднялся еще выше над оградой и сказал: «А те-



перь я голоден, женщина! Останови меня, если можешь...» Элиссия думала, что запомнила все заклинания, но оказалось, что это не так. Жрецы просто не упоминали в том разговоре о других чарах. Одно дело — заставить змея выполнить свое желание и совсем другое — вынудить его отказаться от собственных. И змей утащил ее под землю, в колодец...

— И тогда твой отец замуровал его, — заключил Конан.

— Да.

— Ты рассказала ему обо всем?

— Да... Я боялась, что сокровища исчезнут, когда закончится ночь, но этого не случилось. Они так и сверкали возле колодца, большая яркая куча. Они были так красивы, что казались настоящими. Но они настоящие, можешь мне поверить!

— Где же они находятся? — продолжал спрашивать варвар. — Мне почему-то кажется, что ни ты, ни твои родители не решаются выйти из дома. Это ведь так?

— Ты понял! — шепнула Оризия. — Как ты догадался?

— Просто мне показалось, — уклончиво ответил Конан.

— Да, ты прав, — нехотя признала девушка. — Мы живем здесь, в этой усадьбе. Нам здесь хорошо. Здесь очень тепло. И горит масляная лампа.

— Всегда?

— Да. Это неправильно? — удивилась Оризия.

— В других домах не так?



— В разных домах по-разному, Оризия. В некоторых — так, — успокоил ее Конан. — Если ты расскажешь мне, где лежат эти драгоценные камни, я принесу их тебе.

— Тот человек тоже так говорил, — вздрагивая, прошептала Оризия.

— Какой человек? — цапнется Конан.

— Ты разве его не знаешь? Его имя... Да, он называл мне свое имя. Все друзья знают друг друга по имени, верно?

— И враги — тоже, — проворчал Конан. — Как правило.

— Он ничего не говорил о врагах. Только о друзьях. Да, он сказал, что мы с ним друзья, и назвал свое имя. Берлис. Вот это имя. Ты знаешь такого человека?

— Как он выглядел?

Девушка задумалась. Помолчав некоторое время, она спросила неуверенно:

— Ты говоришь о том, какое у него было лицо, или о том, каким я его запомнила?

— А что, это разные вещи? — удивился в свою очередь Конан.

— Я запомнила его ласковым, веселым. Он говорил приятные вещи. И делал приятные вещи. Он гладил мои волосы, щекотал щеки. Он целовал мои пальцы. — Она подняла руку и недоуменно посмотрела на нее. — Вот эти пальцы. Отцу он подарил кинжал. Матери — голубые бусы. Ты не думай, он не забрал обратно свои подарки! Отец спит с кинжалом, а мать — с бусами. Я ничего не трогала!



— Можно, я загляну в спальню твоих родителей? — попросил Конан. — Я не стану им мешать. Только взгляну — и сразу же к тебе.

— Разве это можно? — смутилась Оризия. — Мне всегда говорили, что смотреть, как спят родители, непристойно. Так не поступают дети.

— Я не дитя, Оризия. Мне можно, — мягко проговорил Конан и крадучись направился к маленькому помещению, отгороженному от залы шкурой.

Его окатил сильный запах пыли. Так пахло в гробницах, которые Конану иной раз доводилось разворовывать. С запахом не было связано приятных воспоминаний. Обычно в таких местах, охраняя сокровища, находилось какое-нибудь отвратительное чудовище, у которого имелось свое представление о правильном поведении живых и мертвых. И хотя чаще всего этот страж бывал по существу прав, Конану приходилось настаивать на своем и вступать с ним в поединок.

Поэтому он заранее обнажил меч и ступал на цыпочках.

Но никакого чудовища за занавеской не оказалось. Там было еще одно ложе, а на нем рядом лежали мужчина и женщина. В полумраке Конан не мог разглядеть их лиц, но оба явно не были молоды.

На шее женщины лежали бусы. Слишком глубоко вдавливались они в тело, так что возникало ощущение, будто эту спящую задушили бирюзовой ниткой. Возможно, мрачно подумал Конан, именно так и обстояло дело.



Что касается мужчины, то тут сомнений не было, поскольку кинжал с богато украшенной рукоятью торчал у него из груди.

И тем не менее оба тела выглядели так, словно люди просто заснули. Тление не коснулось родителей Оризии. «Чары? — подумал Конан. — Но кто их наложил и для чего?» При мысли о том, что девушка живет в одном доме с мертвецами и, возможно, длится это уже не первый год, у Конана мороз прошел по коже. Он ненавидел волшебство и чародеев. И если этот Берлис не только убил, но и заколдовал обитателей усадьбы, — Конан его разыщет, и тогда проклятому магу не поздоровится.

Впрочем, ему в любом случае не поздоровится. Это киммериец себе обещал.

Он опустил занавеску и вернулся к Оризии. Та глядела на него тревожно.

— Ты не разбудил их?

— Нет. Спят себе и не дышат, — буркнул Конан.

— Это хорошо, — с облегчением произнесла Оризия. — Когда они дышат, я начинаю беспокоиться.

— А что, они иногда дышат? — изумился Конан.

— Не знаю, — призналась Оризия. — Я не решаюсь их трогать. Я просто знаю, что если они будут дышать, то у нас будут неприятности. Так сказал Берлис.

— Это его слова?

— Ну да! Он ласкал меня и говорил приятные



вещи. Я же тебе рассказывала! А родители могли это увидеть. Он сказал...

— Да, я понял, — перебил Конан, не желая повторения циничных и злых слов неведомого, но уже ненавистного Берлиса. — И он избавил себя от этих возможных неприятностей?

— Да. Наконец-то ты понял!

— Он не сказал тебе, как он это сделал?

— Он сказал, что теперь все будет в порядке.

— И ты рассказала ему, где сокровища? Ну, те самые, которые подарил змей из колодца?

— Да, — шепнула Оризия. — Я ему сказала, и он обещал принести их сюда. Мне. Он говорил о том, как я буду красива, когда драгоценные камни засверкают в моих волосах, когда нити с самоцветами обовьют мои руки, когда золотые браслеты украсят мои ноги, а наборные пояса украсят талию...

— Большой, должно быть, умник этот Берлис, — фыркнул Конан. — Ты хорошо описала его, Оризия, но расскажи мне теперь о том, как выглядит его лицо.

— Оно круглое, с большим носом и вот такими глазами. — Оризия показала на огонек лампы.

— С красными глазами?

— Ну, они не вполне такие. Они переливаются — вот что я хотела сказать.

— Переливаются оранжевым, красным, желтым?

— Да. Они почти как у волка, но переливаются. Это понятно?



Конан видел, что девушка очень старается угодить ему, и, наклонившись, поцеловал ее в щеку.

— Совершенно понятно, Оризия. Ты большая умница. Расскажи мне теперь о том месте, куда ты направила Берлиса.

— Я его не отправляла...

— Я хочу сказать — о том месте, где были спрятаны сокровища. Он ведь поехал именно туда после того, как... уговорил твоих родителей не дышать?

— Да. — Оризия принялась наматывать на палец длинную прядь. — В полудне пути отсюда, если ехать прочь от восходящего солнца, есть старый курган. Никто не знает, кто там похоронен. Просто груда камней. Очень большая груда камней, огромная! — Оризия взмахнула рукой, показывая — какая огромная. — Там никто не останавливается. Пустое место, нет ни колодца, ни тени, чтобы отдохнуть. Просто гора камней.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Камни под камнями.

Глаза Оризии радостно блеснули.

— Ты понял! Отец забрал все драгоценности и увез их. Он сказал, что все проклятое должно быть завалено камнями. А мне было обидно. Мне хотелось, чтобы они блеснули под солнцем, как в то утро, когда я впервые их увидела. Но отец велел даже не думать об этом. Он очень сердился.

— А как же твоя сестра? — осторожно спросил Конан. — Ведь эти драгоценности погубили ее!

— Если одна сестра погибла, другая должна



быть счастлива за двоих, — рассудительно произнесла Оризия.

Конану показалось, что это не ее слова, а чьи-то чужие, которые она слышала — возможно! — от Берлиса.

— Это Берлис тебе так говорил? — поинтересовался киммериец осторожно.

— Откуда ты знаешь? — вскинулась Оризия.

— Отвечай! — настаивал он.

— Да, он! Как ты догадался?

— Ты очень хорошо описала мне его, вот я и догадался, — ответил Конан, довольный собой. Портрет соблазнителя и убийцы постепенно начал вырисовываться. Теперь Конану не составит большого труда выследить его. Тем более, что путь у него один — через Бритунию в сторону Немедии. В Нумалии можно роскошно прожить, обладая горой сокровищ, пусть даже на этих сокровищах и лежит какое-то проклятие. Купцы не задают много вопросов, когда видят побрякушки высшего класса по цене весьма умеренной.

Для начала следует найти заброшенный курган. Следы, возможно, уже занесло, но... Если Берлис — такой негодяй, каким обрисовала его, сама того не ведая, простодушная Оризия, то он оставит следы другого рода. Насилие, обман, оскорбленные отцы и обесчещенные девушки.

«Он еще довольно молод и смазлив, — подумал Конан. — И крупный нос его не портит. Именно так будут описывать его женщины, у которых все в порядке с головой».



— Ладно, — произнес он вслух. — Давай-ка будем спать, Оризия. Утро вечера мудренее. А утром я заберу тебя с собой. Уедем отсюда подальше и не будем оборачиваться.

— А разве ты не будешь ласкать меня? — спросила девушка.

— Если тебе этого хочется, — проворчал Конан, проводя рукой по ее щеке.

* * *

Конана разбудили капли дождя, падавшие на лицо. Он заворочался, недовольно ворча, как медведь, которого потревожили в берлоге, и несколько раз отмахнулся, но дождь не переставал.

— Что за... — начал он в полусне и вдруг, рывком, пробудился.

Он лежал на голой земле. Лошадь паслась неподалеку, время от времени недовольно подергивая ушами. Седло, насквозь мокрое, лежало чуть в стороне.

Ни следа большой каменной усадьбы... Только мрачные горы, потемневшие от дождей, глядели на киммерийца свысока, как будто презирая человека за его глупость и необоснованность его претензий.

«Что ты потерял здесь, варвар? — казалось, говорили они. — Что ты думал здесь найти? Усадьбу, красавицу-девушку, которая нуждается в твоей защите, гору зачарованных сокровищ, которые так и ждут, пока ты явишься за ними и сделаешься богачом? Глупец-человек! Ничтожная



букашка у нашего подножья! Забавно глядеть на твои потуги!»

— Ну, нет! — сказал горам Конан. — Все это мне не приснилось. Я еще в своем уме. И если сокровища из колодца, где был сокрыт змей, действительно существуют, то клянусь Кромом — я отыщу их!

С этими словами он решительно поднялся на ноги и стал озираться по сторонам.

Колодец здесь действительно имелся. Заваленный камнями. Вокруг под ногами хрустело битое стекло. Значит, не все из случившегося нынешней ночью киммерийцу просто пригрезилось. Да и не видел он обычно таких снов, чтобы можно было перепутать их с явью. Запахи. В усадьбе пахло то кровью, то тленом, то вообще — ничем. А так не бывает даже во сне.

Нет, запахи были.

Было прикосновение Оризии — ледяное. Как будто она не живая девушка, а...

Содрогнувшись, Конан вдруг понял, что такое земляной холм, на котором он лежал. Это была могила. Он не стал нарушать покой мертвецов и раскапывать насыпь. Он был твердо уверен в том, что увидит, если предпримет подобное: три мертвеца, две женщины и мужчина. Мужчина заколот кинжалом, который до сих пор лежит в могиле, старшая из женщин задушена бусами, а младшая... Кто знает, как умерла младшая! Может быть, негодяй сбросил ее в могилу еще живой — вот она и бродит по ночам неприкаянно, вызывая из небытия дом, где пропали ее счастли-



вые детские годы, облекаясь плотью и разговаривая со случайными путниками, чтобы направить их по пути своего убийцы...

Конану доводилось слышать о подобных случаях. Это были печальные и страшные истории, которыми тешились долгими зимними ночами в тавернах случайные попутчики, застигнутые непогодой.

Как и в любой истории, передаваемой из уст в уста, в этой хранилась немалая доля правды. Нужно было только догадаться, как много этой правды сберегли рассказчики и чему можно верить, а что — отвергнуть как домысел.

Для начала Конан решил принять на веру все.

Итак, он беседовал с убитой девушкой. Несомненно, ее звали Оризия. Жаль, что он не догадался спросить об именах ее родителей. Вряд ли в городах слышали о малышке Оризии. Она, скорее всего, и не покидала порога родного дома. А вот ее отец вполне мог странствовать по свету, когда был молод. И позднее вряд ли он сиднем сидел дома. Чтобы жить, человек должен общаться с себе подобными. Разузнать о нем не составило бы труда в соседнем городишке.

Но разговаривая с Оризией Конан почему-то был уверен в том, что наутро посадит ее в седло и увезет из этого проклятого места. А там уж девушка подскажет ему, кого и где расспрашивать. Отец наверняка называл ей имена тех, с кем встречался в городе.

Итак, первая ошибка.

Ладно. Главная его задача — отыскать этого



Берлиса. Если он еще жив. Если только Оризия не погибла несколько столетий назад.

При этой мысли мороз прошел у Конана по коже. Несколько столетий призрак несчастной девушки останавливает путников, рассказывает им свою историю, говорит о сокровищах, называет имя убийцы — и никто не попытался отомстить? Никто не прельстился драгоценностями?

Нет, решил киммериец, такого просто не может быть. И Берлис еще бродит где-то по земле, в то время как его жертвы лежат здесь, под этой невысокой насыпью.

Элиссия, вероятно, закопана в колодце вместе со змеем. В том, что змей был абсолютно реален, Конан не сомневался. От заваленного камнями колодца тянуло смрадным духом колдовства. Ошибки быть не могло.

Конан обтер лицо ладонями, поднял с земли седло и направился к своей лошади.

* * *

Курган безымянного героя действительно находился там, где говорила Оризия, — в полудне пути от могилы, если ехать спиной к восходящему солнцу. Еще одна груда безмолвных камней.

Конан спешил, внимательно осматривая покрытые белым лишайником булыжники и землю вокруг кургана. Конечно, он не рассчитывал найти здесь следы, которые прямо укажут ему на Берлиса, но кое-что, возможно, сохранилось.

Не обращая внимания на дождь, который не



прекращался ни на час во все время этого пути, киммериец наклонился над камнями. Отбросил с лица длинную черную прядь, мокрую и слипшуюся, нетерпеливо передернул плечами. Вот здесь, кажется... Да! Сомнений не оставалось: один из камней перевернут, с другого содран лишайник. Совсем недавно покой кургана был потревожен. Кто-то карабкался по этим камням, скользя сапогами по неровной поверхности. Тут зацепился каблук — длинная царапина... наш герой, судя по всему, носит шпоры! Еще одна деталь, еще одна черта к образу Берлиса. Похоже, отыскать его будет проще, чем предполагал изначально Конан.

Но кто же он такой? Маг или просто жулик? Если Берлис — всего-навсего грабитель, то справиться с ним будет довольно легко. А если чародей? Если он — посланник жрецов Сета? Как бы прояснить для себя эту сторону его личности?

Конан махнул рукой, не желая задумываться над тем, что пока что остается недоступным. Лучше внимательно, не отвлекаясь, осмотреть курган.

Он повторял путь своего предшественника след в след. Забрался наверх, осмотрелся. Здесь Берлис простоял довольно долго. Лишайник содран дочи́ста. Наверное, сидел тут на куче камней, как стервятник на трупе, ковырял ногтями мох и думал о чем-то. Конану не хотелось даже представлять себе, какими были эти мысли. Он вообще не утруждал себя глубоким проникновением в душу противника, поскольку не предпо-



лагал обнаружить там ничего приятного. Берлиса он представлял себе лишь настолько, чтобы предугадывать его шаги и в конце концов вернее прижать к стене.

Итак, Берлис о чем-то долго думал, сидя на кургане. Потом встал и начал отбрасывать камни. Вывернул два, ничего не нашел, положил их обратно — вон они шатаются. Плохо положил. Наверное, бросил с досады как попало.

Хорошо. Затем он спустился. Плохо лазают по скалам, все время оступается. Человек с равнины. Вряд ли горожанин — горожанин сидит себе в городе и не таскается по пустой местности, где почти нет постоянных дворов.

Турапец. Скорее всего. А может быть, он откуда-нибудь из Кхитая...

Желтоватые глаза, сказала Оризия. Конану не доводилось встречать людей, у которых были бы такие глаза. Может быть, Берлис — наполовину демон? Но полудемон вряд ли оступался бы на каждом камне...

Все это предстояло выяснить. Теперь Конан уже не сомневался в том, что трагедия в доме Оризии разыгралась совсем недавно и что ее убийца побывал на кургане в поисках сокровищ самое раннее — седмицу назад. Так что встреча с Берлисом — дело почти решенное.

А еще, понял внезапно Конан, Берлис не умеет мыслить логически.

Отец девушек решил избавиться от опасного дара Сета. В этом старик был совершенно прав. Незачем держать в доме столь опасные вещи. К



тому же они могут попасться на глаза случайному человеку и навлечь на семью большие беды.

Поэтому он собрал все драгоценности в мешок и увез их к кургану, где спрятал под грудой безмолвных камней.

Конечно, такой умный человек прекрасно понимал, что и сам может оступиться на неровной поверхности, а след, попадись он на глаза мимоезжему человеку, привлечет к себе внимание. Потому что мимоезжие люди довольно часто обладают способностью читать следы. Для многих бродяг земля, испещренная отметинами, подобна раскрытой книге для книгочея. Тут уж, как говорится, кому что дано.

Поэтому отец Оризии не стал забираться на вершину кургана. Он спрятал драгоценности где-то внизу. Берлису потребовалось много времени, чтобы сообразить это. Вот о чем он думал, сидя на вершине и ковыряя мох.

Тугодум. Не маг, это точно. Маг отыскал бы сокровища Сета в считанные мгновения. Чародеи умеют вызывать из земли и сокрытых мест любые предметы, тем более заколдованные. Если уж к драгоценностям прикасался змей Сета, то в любом случае следы магического присутствия на них остались и могут быть обнаружены при наличии определенных умений.

Итак, у Берлиса этих умений нет. Он — грабитель, обладающий привлекательной в женских глазах внешностью. Такого человека легко будет обнаружить в ближайшей же таверне. Наверняка сыщется какая-нибудь местная красotka, кото-



рая с удовольствием примется вздыхать и перемывать кости заезжему соблазнителью.

А тайник Конан обнаружил, не в пример Берлису, очень быстро — у подножия кургана. Глубокая выемка. Грабитель не потрудился заложить ее камнем после того, как вытащил оттуда клад. Ну и ладно.

Конан снова сел в седло и двинулся на запад. Он почти вьязе видел теперь перед собою этого Берлиса.

Осталась непроясненной только одна вещь. Если усадьба, где жила семья Оризии, на самом деле была лишь могилой, то где же в действительности обитали эти несчастные люди? И насколько дом, созданный фантазией страдающего духа Оризии, похож на тот, где прошла короткая жизнь настоящей Оризии?

Возможно, это не имеет отношения к тому делу, которым сейчас занят киммериец. А возможно, что и имеет — и притом самое непосредственное.

Конан ударил пятками лошадь и погнал ее галопом.

* * *

Городок назывался Десинада. Конан достиг его на закате. Ничего примечательного — несколько кривых улочек, в центре — просторная, грязная торговая площадь, где по будним дням стоят несколько палаток, а в праздники бурлит шумная ярмарка, которую местные жители счи-



тают грандиозным событиям. Окраины городка представляли собой настоящие трущобы. Впрочем, для тех, кто побывал в Арэнджуне, эти трущобки представлялись смехотворными. Они были очень малы, тесны; их можно пройти из конца в конец за десять минут, даже при условии, что по дороге придется выдержать одну-две драки.

На окраинах люди ютились в хибарках, построенных из того мусора, который остается на площади после ярмарочных дней; обстановку их составляли предметы, найденные на караванных путях. Здесь наверняка велась торговля краденным; можно найти и одурманивающие порошки, и яды, и неплохое оружие с плохо отмытыми следами крови, и одежду, бывшую роскошной до того, как ее разрубили вместе с ее владельцем.

Конан умел отдавать должное подобным местам, однако соваться туда сразу не стал. Для начала он обошел «респектабельную» часть городка и обнаружил там гостиницу. Подслеповатые окна ее выходили, как и следовало ожидать, прямо на площадь. Здесь путешественник снял комнату и устроил в стойло свою лошадку. Затем он проглотил плотный обед и отправился на прогулку.

Трущобы сразу поглотили его. Как бы ни были они малы, но человек, оказавшись там, невольно чувствовал себя отрезанным от всего остального мира. Как будто в жизни не существует больше ничего, кроме покосившихся хибар, больных и уродливых физиономий, встречающихся на улицах, чавкающей грязи под ногами, нечистот, изливаемых из каждого окна, грубых голосов



— всего того, что составляет «неповторимую атмосферу» подобных мест. Наверняка существуют люди, которые здесь рождаются, проводят безотрадные дни и в конце концов умирают, оставаясь в полном неведении относительно того, что происходит за пределами этого замкнутого, отвлеченного мирка.

При одной мысли об этом Конан содрогнулся.

Мимо него несколько раз пробегали люди, которые явно преследовали друг друга. В первый раз это была девушка с растрепанными нечистыми волосами, полураздетая, за которой гнался мужчина приблизительно такого же вида. Конан посторонился, пропуская их мимо себя. Девушка скакала довольно резво и голосила на бегу, награждая своего преследователя различными неприглядными эпитетами. Тот отвечал столь же бойко. Вскоре их голоса стихли, поглощенные тучами.

Вторая пара была, если можно так выразиться, зеркальным отражением первой. В этом случае удирал во все лопатки мужчина, да так, что его лохмотья развевались, точно грива у скаковой лошади, а подошва одного из сапог отскочила и полетела прямо в Конана, который и на сей раз предпочел не вмешиваться и пережидал возле покосившегося забора. За мужчиной гналась женщина, жилистая и костлявая. В руке она держала увесистую дубину, которой явно намеревалась угостить бедолагу. Стоит ли упоминать о том, что оба ругались на чем свет стоит!

Конан счел обе сценки довольно забавными и



даже позволил себе ухмыльнуться в спину женщине.

Он искал то, что можно было бы назвать здешним «публичным местом». Вероятнее всего, это будет кабак, сочетающий в себе бордель, меняльную контору и клуб по интересам.

И таковое заведение в конце концов открылось его взору. То была очень маленькая и чрезвычайно грязная хибарка, снабженная, однако же, балконом. На балконе стояла полураздетая толстая женщина в розовом платье и курила кальян.

Конан поднял голову и встретился с ней глазами.

Во взгляде женщины он прочитал, как ему вдруг почудилось, все: мгновенно сменяя друг друга, мелькнули там чумазая тощая девочка, смазливая девица, исполненная решимости жить по возможности шикарно, предприимчивая особа средних лет, достигшая той высоты общественного положения, какая только возможна для дамы ее происхождения и места жительства... и еще — глубокое знание всех человеческих пороков. Эта толстуха умела оценивать человека по заложенной в том возможности ко греху. И уж эту-то возможность она в нем зацепит и позволит ей развиваться, а затем выложит счет. И он оплатит ей этот счет — будьте любезны!

Но и в синих глазах северянина толстая дама в розовом увидела нечто. И это нечто заставило ее стыдливо потупить, признавая его превосходство. Ибо перед ней был настоящий разбой-



ник. Не грязноватый тип из трущобы, не слабый бродяга, оказавшийся в Десинаде по воле судьбы, — нет, варвар представлялся ей крепким орешком, которого обычным приемом не пронять.

Женщина и пытаться не стала.

Она вынула чубук изо рта и произнесла:

— Привет тебе, мужчина! Ты стоишь перед заведением Хюльдран, а я сама и есть Хюльдран, так что все вопросы можешь задать мне!

— Не станем же мы кричать друг другу, как разлученные любовники через реку! — ответил ей Конан.

Хюльдран хихикнула. Розовый шелк на ее груди всколыхнулся.

— Забавный ты мужчина. Что ж, полезай ко мне на балкон.

Конан смерил взглядом хлипкую халупу.

— Как бы он не развалился, почтенная Хюльдран, — возразил киммериец. — Сдается мне, твое заведение столь же эфемерно, что и дым из твоего кальяна.

— Ты и прав, и ошибаешься, — хмыкнула хозяйка борделя. — Ну ладно. Сейчас я спущусь к тебе и отворю дверь. Что-то мне подсказывает, мужчина, что с тобою можно иметь дело. Только ответь, сколько заплатишь ты мне за услуги?

— У меня осталось немного серебряных монет, — сказал Конан. — Пару из них я отдам тебе.

Толстуха скрылась и вскоре появилась на пороге. Низенькая дверца покачнулась, и перед Конаном открылась темная прихожая. Там ничего



не было видно. Хюльдран не стала зажигать лампы.

— Мое розовое платье достаточно хорошо видно даже в такой темноте, — произнесла она не без гордости. — Иди за мной и не заблудишься.

Конан так и поступил. В Хюльдран чувствовалась коренная обительница преступного мира, воровка и скупщица краденого высокого класса — здесь не нужны были хитрость и коварство. В определенной мере Конан был здесь среди своих.

Низенький проход неожиданно вывел в просторное помещение. Невероятно, чтобы внутри той убогой хибары, которую Конан только что созерцал, стоя на улице, могла бы поместиться такая большая зала. Вероятно, верхнее здание служит только прикрытием, а настоящая жизнь кипит здесь под землей.

— Добро пожаловать в подземную Десинаду! — произнесла Хюльдран, подтверждая догадку Конана.

Подземный мир Десинады обладал совершенно иной географией улиц. Здесь все выглядело по-другому. Повсюду горели факелы и лампы, люди одевались куда приличнее — многие, впрочем, предпочитали живописные лохмотья шелков и парчи обычной добротной одежде. Женщины казались доступными и одновременно с тем сварливыми, но они не выглядели ни голодными, ни забитыми. Мужчины красовались с оружием, но редко пускали его в ход.

Эта игра в тайную жизнь развеселила Конана, и здешние «негодяи» показались ему забавными



и безобидными, как малые дети с деревянными сабелями.

Впрочем, и среди них наверняка есть настоящие. Их-то и следовало отыскать.

Но для начала Конан решил как следует поговорить с Хюльдран. Уж эта-то женщина наверняка запомнила бы Берлиса, если только он побывал в Десинаде.

— Хочешь порошка или выпивки? — осведомилась хозяйка.

— Я бы предпочел выпить, — сказал Конан. — Мне надо голову держать ясной.

Хюльдран расхохоталась.

— Разумное решение. Ладно, я велю Цессии...

— Не надо никаких Цессий, почтенная Хюльдран, — перебил Конан. — Пусть она даже распрекрасна, как цветок, я предпочту сегодня беседу с женщиной умудренной опытом пустой возне с девчонкой.

— Ух как ты умеешь разговаривать! — восхитилась Хюльдран. — А я-то думала, что ты простак-варвар, которому требуется глоток вина и крепкогрудая девчонка под бок.

— Это мне тоже требуется, но не сегодня.

— Как скажешь. — Хюльдран подозвала полуобнаженную девицу и велела ей принести кувшин и две больших кружки.

Поначалу они пили и болтали о разной ерунде. Хюльдран поведала жалостливую историю о том, как сделалась проституткой. Наверняка эту историю она рассказывала всем своим клиентам, кто обладал хоть малейшим признаком сенти-



ментальности, и те платили ей больше — из сострадания к чувствительной душе, погруженной в трущобы волею злой судьбы. Конан выслушал не без интереса. Он понимал, что перед ним профессионалка, и поневоле восхищался ее умением. Даже сейчас, утратив большую часть своей природной привлекательности, Хюльдран обладала несомненным обаянием.

— Ты меня поистине растрогала, — сказал Конан, когда она замолчала. — Великолепно! Редко встретишь женщину с таким развитым и изощренным умом.

— Ты дурного мнения о женщинах, — нахмурилась Хюльдран. — Среди них много умных. Прикидываясь дурочками, мы ловко обманываем вас, мужчин. Ты нравишься мне, варвар, потому я тебе скажу вот что: не попадайся на эту ловушку! Если тебе кажется, что красавица глупа, это означает только одно: у тебя на груди мирно спит коварная змея.

— Ты судишь по себе? — спросил Конан.

— Я-то не коварна, — фыркнула Хюльдран. — Ты видишь меня насквозь, и я позволяю тебе делать это. Нет, я о других...

— Коварны бывают и мужчины, — сказал Конан. — И я как раз ищу одного. Возможно, он побывал здесь.

— Возможно, — согласилась Хюльдран. — Сначала ты расскажешь мне, что он натворил, этот твой коварный мужчина. Судя по твоему виду, ты собираешься лишить его жизни. Я должна знать, стоит ли это делать.



— Стало быть, ты будешь судить, жить ему или умереть? — нахмурился и Конан.

— Да, — кивнула Хюльдран. — Ведь я могу выдать его тебе, если он до сих пор здесь, или навести тебя на его след, если его здесь уже нет. Получается так, что его жизнь в моих руках. А у кого сокровище — тот и властелин, не так ли?

— Ты права, конечно... Ладно. Начнем с рассказа о том, что он сделал. Он убил двух женщин и мужчину ради клада, который случайно был найден этой семьей.

— Поступок дурной, но вполне объяснимый. Ты не убедил меня, варвар.

— Он попросился на ночлег, и его пустили. Тогда он соблазнил дочь хозяина, маленькую глупышку, которую никогда не ласкал мужчина. Опьяненная первой страстью, она открыла ему семейную тайну, и он, воспользовавшись полным доверием девушки, убил ее и ее семью, завладел сокровищем и бежал...

Хюльдран долго молчала. Потом спросила:

— Он соблазнил девчонку и убил ее?

— Да.

— А та была настолько доверчива, что открыла ему все свои секреты?

— Выходит, что так, — подтвердил Конан.

— Дрянное дело, — согласилась Хюльдран. — Хуже, чем убить собаку или ребенка... Ты знаешь, варвар, я легко смотрю на убийство человека, потому что все люди погрязли в пороках и преступлениях; но судьба животных и детей меня трогает... Дети — почти животные, они еще невинны.



Она вздохнула.

— Тяжело смотреть, как юное существо искажается и превращается в такую же дрянь, как и все прочие взрослые люди...

— Да ты сейчас заплачешь, почтенная Хюльдран! — сказал Конан. — Неужели ты настолько добра?

Она кивнула. Конан видел, что она не притворяется. Эта женщина прожила и повидала достаточно, чтобы позволить себе плакать над судьбой неизвестной девушки, которая едва лишь познала первую любовь и тотчас была ею так горько обманута.

— С другой стороны, — всхлипнув, произнесла Хюльдран, — она умерла, не успев стать такой же отвратительной порочной дурой, что и остальные...

— Пусть это послужит нам утешением, — согласился Конан. — Однако мне почему-то кажется, что судьба этой девушки, останься она в живых, была бы иной. Она могла бы найти себе хорошего мужа и провести вполне добропорядочную жизнь.

— Ну да! — недоверчиво вскинула брови толстуха. — Никогда я о таком не слыхала!

— Поверь мне, — проговорил Конан. — Я тоже, впрочем, не встречал женщин, в которых совсем не было бы порока, но та девушка... она могла бы.

— Ладно. — Хюльдран поджала губы. — Так и быть, поверю тебе на слово. Что-то в тебе есть, мужчина, эдакое... располагающее к себе.



— Благодарю на добром слове, почтенная Хюльдран.

— Ладно, ладно, — она махнула пухлой рукой, — хватит льстить. Я и сама знаю, насколько я почтенная. Продолжай свою историю.

— Да я уже закончил. Ты поможешь мне найти того, кто убил Оризию?

— Оризия — так ее звали? Красивое имя. Но скажи мне вот что, варвар, чтобы я поверила тебе до конца: кто рассказал тебе всю эту историю?

— Сама Оризия... Точнее, ее призрак.

Хюльдран вздрогнула.

— Ты разговаривал с призраком?

— Выходит так. Когда я встретил девушку, почти не было примет, указывающих на то, что ее уже нет в живых. Разве что она была холодная... Но люди часто мерзнут. А мы с ней говорили ночью, в доме, где не горел очаг. Ничего удивительного я не нашел в том, что девушка замерзла.

— А запахи? Там были какие-то запахи? — допытывалась Хюльдран, одновременно испуганная и заинтригованная.

Конан задумался.

— Ты права, почтенная Хюльдран. Поначалу мне показалось странным, что в том доме вообще нет никаких запахов, а потом несколько раз до меня доносился запах свежей, только что пролитой крови.

— Да, — после недолгого молчания уронила хозяйка заведения, — сомнений нет. Ты разговаривал с призраком. Ответь еще на один вопрос: ты занимался с нею любовью?



— Не помню, — признался Конан. — Кажется, я сразу заснул. А проснулся и увидел, что лежу на могильном холме. Ни дома, ни девушки. Одна только земляная насыпь.

— И ты не проходил ритуалов очищения?

— Нет. Зачем? — фыркнул варвар. — Дождь и ветер — вот и все очищение. Я поклоняюсь богу Кром, почтенная хозяйка, а этот бог не страшится мертвых. И мне незачем бояться покойников. Духи, призраки, нежить — ничто не может осквернить меня, пока я сам не осквернил себя трусостью.

— Приятно это слышать, — вздохнула Хюльдран. — А мы тут очень боимся призраков...

— Скажи мне наконец, знаешь ли ты человека, который сотворил призрак Оризии, или я напрасно потратил время, пытаюсь растопить твое уставшее сердце?

— Опиши его, — потребовала Хюльдран.

— Думаю, он туранец...

— Мне неинтересно, что ты думаешь. Опиши его внешность — этого будет довольно. Что рассказывал тебе о нем призрак Оризии?

Произнеся имя умершей девушки, Хюльдран незаметно плюнула себе на ладонь, отводя несчастье.

— У него крупный нос, но это его не портит, — так она сказала. Я думаю, он нравится женщинам, этот Берлис.

— Его имя Берлис?

— Да.

— Продолжай. Возможно, на свете существует



несколько Берлисов. Как бы нам не ошибиться и не сотворить невзначай еще одну неупокоенную душу, которая потом до конца наших дней будет взывать к отмщению.

— У него странные глаза. Желтоватые, и в них переливается... она говорила о них в непонятных выражениях. Как будто там горит огонь — что-то в этом роде. Я не вполне понял.

— Да, — с тяжелым вздохом проговорила Хюльдран. — Есть такой человек, и он сейчас находится здесь. Желтоглазый Берлис, носатый и неотразимый. Уверяет, будто его матерью была змея. Возможно, кстати, он и не врет. Мои девочки готовы обслуживать его бесплатно, такой он лапушка. Я сразу заподозрила неладное, как только он появился и подарил мне рубин. Не может человек быть таким хорошим. И побрякушки дарит, и девушкам нравится, и в разговоре любезен. Нет, так не бывает.

Конан ощерился.

— Где он, этот «лапушка»?

— погоди. У меня в доме резни не устраивай. Его нужно выманить наружу. Там делай что хочешь, но пока он в Розовых Покоях госпожи Хюльдран — он в безопасности. Это одно из главных правил моего заведения.

— Не знал, — буркнул Конан.

— Ну так знай. Можешь поселиться в доме напротив. Я дам тебе знак, бросив с балкона розовый лоскут. Не перепутаешь. Здесь никто, кроме меня, такого не носит.



* * *

Жить в засаде показалось Конану занятием нудным и неприятным. Домик, выстроенный напротив Розовых Покоев, судя по всему, как раз для того и предназначался, чтобы выслеживать некоторых клиентов госпожи Хюльдран. Владелец этой лачуги, беззубый старик по имени Сирет, хорошо был осведомлен о делах хозяйки увеселительного заведения, а также о делах ее посетителей. Наверняка он получал долю от сделок, заключавшихся в пахучем полумраке Розовых Покоев.

Сирет оглядел внушительного киммерийца и прошамкал:

— От кого?

— От госпожи Хюльдран, — ответил Конан.

— Проходи. — Старикишк посторонился и впустил гостя в дом. — Можешь не платить. Я свое получаю, — добавил он, подтверждая первоначальную догадку Конана. — Кого ждешь?

— Одного франта, — буркнул Конан.

— Вот твоё окно, — старик показал на маленькое отверстие в стене. Снаружи нельзя было даже заподозрить существование этой смотровой щели, так ловко она была замаскирована рухлядью, наваленной, на первый взгляд, кое-как. — Наблюдай. А потом делай своё дело. Останешься доволен. Впрочем, — добавил он, — ты можешь подарить мне что-нибудь от себя... Просто из симпатии к старику. Я ведь был когда-то молод, как и ты, и красив.



— Не сомневаюсь, — пробормотал Конан. На самом деле он был уверен в том, что все старики так и появились на свет дряхлыми и немощными. Человек, который в молодости был могучим воином, с годами превращается в крепкого ветерана, но не дряхлеет. Дряхлость — удел безделья и пороков. Кром в такого даже не плюнет — погнушается. Но этого мнения он вслух не высказывал.

Он прожил у Сирета несколько дней, питаясь жуткой похлебкой из капусты и крупы и почти неотрывно поглядывая в смотровую щель. Спать приходилось урывками, ведь Берлис мог покинуть дом госпожи Хюльдран в любую минуту. У того, за кем следят, всегда есть небольшое преимущество.

Впрочем, Конан позаботился о том, чтобы свести эту фору к минимуму. На его стороне — сама госпожа Хюльдран и ее розовые лоскутки. Если Конан и пропустит тот миг, когда негодяй выберется из безопасного убежища и пустится в дальнейший путь, то розовый лоскут сообщит о случившемся.

А пока ему оставалось сидеть на продавленном тюфяке и слушать рассказы старого плута. Тот, по его словам, повидал немало красавиц былого и у всех пользовался искренним расположением.

— Однажды я встретил женщину с поразительными глазами, — шамкал старикашка беззубым ртом. — Ты бы видел ее, киммериец!

— Я повидал немало женщин, — сказал Конан



скучающим тоном. Старик успел надоесть ему хуже горькой редьки.

Сирет, казалось, понял это. Сухонькая ручка, похожая на птичью лапку, сморщенная и дряблая, на миг коснулась руки варвара.

— Нет, нет, ты не понял! — зашептал Сирет горячо. — Она была гибкой и полной. Когда она извивалась в моих объятиях, ее тело было одновременно сильным и как бы бескостным, словно у змеи. Мышцы, однако, не бугрились на ее спине и руках — не так, как у тебя. Они были скрыты слоем жира. Но клянусь тебе всеми богами, я не видел ничего подобного! А глаза у нее были желтыми, и в них то и дело вспыхивал огонь...

Конан вдруг ощутил прилив интереса.

— Расскажи-ка мне подробнее об этой женщине, Сирет, — попросил киммериец. — Сдается мне, ты знаешь нечто такое, что полезно было бы узнать и мне.

— Как хочешь. — Старик незаметно вытер слюну, скопившуюся в углу его рта. — Ее звали Рьенадрэ. Так она сказала. Она много смеялась. Не надо мной, нет, — ведь я был тогда очень красив и полон сил. Нет, она была веселой и хранила какую-то тайну. Эта тайна, казалось, наполняла ее жизненной силой и дарила непревзойденную радость. Я пользовался лишь брызгами этой радости, лишь тем, что вырывалось наружу, не в силах таиться в душе Рьенадрэ.

Однажды я отправился на рынок и встретил там старуху, которую звали так же, как и меня, — Сирет. Нас обоих это сместило. Не поверишь,



как ничтожно мало нужно бедным людям, чтобы на душе у них полегчало!

Я уверял, что Сирет — мужское имя, а она твердила, что оно женское... Кроме того, мы оба не были уверены в том, что старая Сирет — не моя мать. Ведь я никогда не знал своей матери, а Сирет не могла припомнить, скольких младенцев произвела на свет и подбросила на ступени добрым людям...

— Забавно, — согласился Конан, который на самом деле не представлял себе, как низко нужно пасть, чтобы отказаться от собственного дитяти или не знать своих предков до десятого, двенадцатого, а то и двадцатого колена.

— Итак, я встретил Сирет, — продолжал болтать старик, — и та сказала мне: «Что-то скверно ты стал выглядеть. Должно быть, мальчик мой, ты счастлив. Расскажи-ка мне, кто эта женщина, в чьих объятиях ты забываешь сон и пищу?» Я рассмеялся и начал рассказывать о Рьенадрэ, а старуха вдруг нахмурилась и предложила мне подсыпать женщине в питье порошок правды. «Сдается мне, что-то неладное в этой твоей красавице и ее тайнах. Узнал бы ты, какой секрет она хранит, мой мальчик. Боюсь, что этот секрет может тебе навредить. Возьми, а деньги отдашь потом». — И она вручила мне сверточек, а там был белый порошок.

В тот же вечер я насыпал моей Рьенадрэ этот порошок в бокал вина, а та выпила и даже не заметила, что я подмешал ей зелья. Наступила ночь, и мы вновь легли в одну постель, и снова я



погрузился в неземное блаженство, обнимая гибкое и полное тело моей возлюбленной.

И вдруг я поцарапал ладонь. Я открыл глаза и не поверил тому, что увидел. Все тело моей красавицы покрыла жесткая змеиная чешуя! Лицо ее оставалось по-прежнему прекрасным, но тело превратилось в удавье. И знаешь, киммериец, она все еще оставалась красивой. Я хочу сказать, что никогда прежде не встречал такой роскошной змеи...

Она обвивала меня сонными кольцами, и пестрый узор украшал ее шкуру. Чешуйки блестели в полумраке, свет единственной масляной лампы, горевшей в помещении, играл на них, так что Рьенадрэ казалась одетой в платье, сплошь затканное драгоценными камнями.

Я любовался ею и не мог отвести взгляда. А ее губы шевелились, веки трепетали, щеки жаждали моих прикосновений, волосы извивались, точно живые змейки, на голове. А потом она открыла глаза, свои удивительные желтые глаза, в которых переливался огонь, и при виде моего лица все поняла.

— Ты открыл мою тайну, Сирет, — прошептала она, и мне показалось, что я слышу угрожающее змеиное шипение.

— Прости, — прошептал я в ответ. — Я не знал... Ты прекрасна! Клянусь всеми богами, я люблю тебя — я люблю тебя так, как не любил ни одну женщину на земле!

— Я не женщина, — сказала Рьенадрэ. — Ты мог бы догадаться об этом и раньше, но страсть



сделала тебя слепым, и только какое-то колдовское снадобье сумело открыть твой взор. Несчастный! Еще до рассвета превращение будет завершено, и я уползу прочь, чтобы никогда больше не превратиться в человека. В своем стремлении к правде — для чего она только нужна вам, людям? — ты погубил нашу любовь! Глупец! Зачем тебе было знать, какую тайну я скрываю от тебя? Разве плохо тебе было в моих объятиях? Разве тебе мешало то, что ты подозревал во мне нечто иное, нежели обычная женщина? Ах, глупый Сирет! Однако давай же используем оставшиеся нам часы и предадимся любви в последний раз!

Наутро все случилось точь-в-точь так, как предсказывала Рьенадрэ. Превращение закончилось. Огромный, прекрасный удав спустился с моего ложа и быстро заскользил прочь. Она поползла по улицам нашего города, скрываясь в канавах. Те немногие, кто встречал ее, в ужасе шарахались в сторону, и никто не попытался остановить ее или, не дай боги, причинить ей вред. Рьенадрэ уползла, и больше никогда я не встречал ее.

Старик всхлипнул. Конан смотрел на него удивленно. Только теперь, выслушав удивительную историю о несчастной любви, он внутренне поверил в то, что этот жалкий обломок человека когда-то был мужчиной, молодым, красивым и полным сил.

- Продолжай, — попросил киммериец.
- История закончена, — молвил Сирет.
- Не верю! — воскликнул Конан. — Ты был



убедителен, когда говорил о своей страсти к Рьенадрэ. Неужели ты не попытался отыскать ее, вернуть ей прежнее обличье?

— Ты переоцениваешь жителей Десинады, — произнес старик. — Мы способны любить и страдать, но немногие из нас в силах оторваться от насиженного места, каким бы скверным оно ни было, и отправиться в путь.

— И все же что-то подсказывает мне, что ты это сделал, — настаивал киммериец. — Когда ты расскажешь мне все, я, так и быть, поведаю тебе о своем интересе ко всей этой повести.

— Будь по-твоему. Да, на несколько лет я покидал Десинаду, и это едва не стоило мне жизни. Повсюду я разыскивал мою змею. Я потратил большие деньги, выкупив удава из зверинца в Арэнджуне, однако оказалось, что это самая обыкновенная змея, и мне пришлось продать ее обратно в тот же зверинец — но за полцены. Однажды я чуть не погиб, пытаясь заглянуть в глаза змее, встреченной в пустыне. Ах, киммериец, сколько глупостей способен натворить влюбленный человек, особенно если он в отчаянии!

И вот однажды — это было в туранских степях — я повстречал человека, который назвался шаманом, колдуном. Этот человек действительно много знал. Мы разговорились с ним за чашей кислого молока, которое воняло еще отвратительнее, чем войлочные сапоги, пропитанные потом. Шаман выслушал мою историю и вдруг нахмурился.

— Я слышал о людях-змеях, — сказал он. —



Это небольшое племя. Обычно они служат силам зла, ведь повелителем змей считается Сет — страшное божество Луксура.

— Никогда не поверю, что моя Рьенадрэ служила злу или была рабыней Сета, — возразил я.

— Возможно, я и ошибаюсь. Вот что рассказывали мне о людях-змеях. Послушай, не перебивая и не возражая. Кто знает, может быть, мой рассказ поможет тебе в поисках твоей возлюбленной, — произнес шаман. Он был мудрым человеком, этот туранец! Я стал слушать. Вот что он рассказал мне.

Племя людей-змей невелико. Много веков они подчинялись Сету, который умело управлял их змеиной природой и склонял их ко злу. Часто они творили его волю, вызывая любовь смертных, а затем приводя их к гибели или заставляя совершать преступления во имя Сета. Но имелось одно исключение. Это исключение из общего правила приверженности всей змеиной породы Сету выиграл в кости один из владык людей-змей.

Этот владыка — его имя Вьендрэ — как-то раз вызвал самого Сета на поединок. Сет явился и уселся за стол, установленный в подземном чертоге в Луксуре. На кону была судьба всего племени, но владыка Вьендрэ хорошо знал, что делает. Он принес стаканчик с костями, которые купил у рыночного жулика. Одна сторона этих костяшек была тяжелее остальных, так что знающий этот нехитрый секрет всегда мог выиграть у простофили. Сет ожидал, что его соперник применит



магию, и проверил кости несколько раз, но никакого волшебного вмешательства, естественно, не обнаружил. Великому богу зла, отцу лжи, не пришло в голову, что его противник воспользуется таким обыкновенным, пошлым приемом, каким рыночный жулик обманывает обывателей.

И вот владыка Сет попался! Владыка Вьендрэ выиграл у него в кости.

— Чего ты хочешь? — пророкотал Сет. — Мы ставили на кон исключение, которое я должен сделать для твоего змеиного племени! Говори же, чего ты добивался!

— Я хочу, чтобы каждый из людей-змей мог превращаться в человека и быть свободным от необходимости подчиняться тебе, отец зла и лжи, в том случае, если его настигает настоящая любовь.

— Это случается крайне редко, — сказал Сет. — Хорошо, я буду выпускать из своей власти тех из твоих соплеменников, кто полюбит по-настоящему. Это все?

— Да.

— Но если эта любовь будет предана, твои соплеменники, ставшие исключением из общего правила, превратятся в настоящих змей и никогда уже не сделаются людьми!

— Согласен, — кивнул владыка Вьендрэ. Он боялся прогневать владыку Сета.

Я думаю, продолжал шаман, что Рьенадрэ была из этого племени. Желтые глаза указывали на ее принадлежность к народу людей-змей, а тот факт, что она оставалась человеком и была к те-



бе добра, говорит об истинности вашей любви. Но ты предал вашу любовь, и ее постигло проклятие... Ты никогда не встретишь ее. Не трать времени на поиски, тебе не вернуть Рьенадрэ, разве что ты сразишься с самим владыкой Сетом. Но думаю, что тебе это не под силу.

Итак, я вернулся домой, в Десинаду, и вот живу здесь — опозоренный и несчастный. Не было дня, чтобы я не вспомнил о том, что предал единственную любовь своей жизни...

Так закончил повествование старый Сирет.

— А теперь я скажу тебе, для чего расспрашивал тебя так подробно, — проговорил Конан, прерывая его горестное молчание. — Дело в том, что тот человек, которого я отслеживаю, принадлежит к племени людей-змей. У него желтые глаза, переливающиеся как пламя, и он творит зло по воле Сета — в чем я теперь не сомневаюсь.

— Выследи его, — зашептал Сирет, — и перед тем, как убить, спроси, не встречал ли он Рьенадрэ.

— Но ведь ты уже глубокий старик, — возразил Конан. — Даже если твоя возлюбленная еще жива, даже если она сможет превратиться обратно в человека — что ты будешь делать с нею? Плакать на ее груди? Клянусь Кромом, ни одна женщина не заслужила этого, старикашка!

Сирет всхлипнул в темноте.

* * *

Берлис выбрался из Розовых Чертогов только на пятый день. Лоскуток упал из окна почти сра-



зу же после того, как за человеком-змеем закрылась дверь.

Впрочем, Конану не потребовался этот знак — он сам увидел, как гибкий стройный мужчина выходит в переулок и спокойно пускается в путь. Он шел не торопясь, уверенно и весело, как человек, у которого легко на душе.

Покинув лачугу старика Сирета, Конан двинулся следом за убийцей. Лошади у того не было. Он покинул Десинаду пешком и зашагал на запад. Как и предполагал киммериец, Берлис держал путь в Нумалию. Что ж, с большими деньгами там можно прожить припеваючи. Только человеку-змею это не удастся. Киммериец позаботится об этом.

Убедившись в правильности всех своих первоначальных догадок, Конан вернулся в respectable часть Десинады и забрал лошадку из конюшни.

— Мы уж думали, господин, ты сгинул в трущобах, — сказал ему конюх, явно недовольный появлением хозяина лошадки.

— Я неплохо провел там время, что правда, то правда, — согласился Конан, — однако теперь я здесь. Оседлай мою лошадь, да поживей! За все заплачено, если ты еще помнишь такие мелочи.

— Ну... — протянул конюх.

Конан невзначай шевельнул плечом так, что рукоять меча глянула прямо на конюха. Тот понял намек и подчинился так поспешно, словно его подогнали кнутом. Конан отдал ему медяк, чтобы утешить, — еще бы! бедняга уже вообра-



жал себя хозяином лошади, чей владелец пропал без вести! — и вскочил в седло.

Он нагнал Берлиса в нескольких милях к западу от Десинады. Местность была пустынной. Человек-змея, заслышав за спиной стук копыт, остановился, обнажил меч и приготовился к схватке. Он ни на мгновение не сомневался в том, что настигают его отнюдь не с добрыми намерениями.

На всем скаку Конан нанес ему удар мечом, целя в правую руку. Берлис оказался на удивление быстр. Впрочем, чему тут удивляться — ведь вся их змеиная порода такова. Конан понял, что встретил достойного противника. Однако спешиваться и уравнивать шансы он не намеревался. Берлис не заботился о поединке чести, когда убивал беззащитную девушку, чтобы завладеть сокровищем ее семьи.

Новая атака киммерийца оказалась более успешной. Меч противника был выбит. Берлис отпрыгнул в сторону и крикнул:

— Кто ты?

Конан не ответил, разворачивая коня и готовясь к третьему удару, который должен был стать для его врага смертельным.

— За что ты преследуешь меня? — снова крикнул Берлис. — Я не сделал тебе худого!

Конан молча погнал лошадь прямо на него. Берлис отскочил и метнулся в сторону. Конан настигал его.

Лошадь, обученная боевым приемам, поднялась на дыбы и занесла тяжелые, подкованные



копыта над головой жертвы. Берлис снова увернулся.

— За что ты хочешь убить меня? — опять закричал Берлис.

Конан наконец наехал на него лошадью и сбил с ног. Берлис оказался на земле. Быстро отталкиваясь от каменистой почвы руками и ногами, он отполз в сторону — «совсем как паук», — подумал Конан брезгливо, — и избежал смертельного удара по голове.

Конан наклонился с седла и ударил его мечом по плечу. Брызнула кровь. Поверженный противник взвыл от боли и повалился ничком, лицом вниз.

Конан спрыгнул с лошади и навалился коленом на шею Берлиса. Легко же оказалось одолеть его, как только он лишился оружия! Только теперь киммериец заговорил с ним:

— Меня зовут Конан. А тебя зовут Берлис.

— Да, — хрипло выдавил человек-змея. — Ты делаешь мне больно... За что ты хотел меня убить?

— Я не хотел тебя убить, — сказал Конан. — Я тебя убью.

— Кто ты?

— Я же тебе сказал — я Конан из Киммерии. Несколько дней назад я разговаривал с девушкой по имени Оризия. Это имя говорит тебе о чем-нибудь?

— Оризия? — Конан ощутил, как содрогнулось тело, прижатое его коленом к земле. Кровь продолжала вытекать на землю и пачкала одеж-



ду варвара, но он не обращал на это внимания. — Оризия? — повторил Берлис. — Но это невозможно... Она ведь...

— Мертва? — перебил Конан. — Ты думаешь, что убил ее?

— Я знаю! — горячо произнес Берлис. — Ты не мог ее видеть! Я сам положил в могилу ее остывшее тело!

— А я был в этой могиле и касался ее застывшего тела! Клянусь Кромом, негодяй, ты задушил девушку, которая виновата лишь в том, что полюбила первого встречного!

— Меня невозможно не полюбить, — самодовольно произнес Берлис. Странная самонадеянность, если учесть, в каком положении оказался человек-змея!

— Не для меня, — лаконично отозвался Конан. — Ненавижу подлецов, которые используют женщин, а потом, ограбив их, убивают.

— Ну да? А разве ты сам не таков? — осведомился Берлис.

Конан чуть ослабил хватку и перевернул побежденного на спину. Глаза у него оказались в точности такими, как описывала Оризия. В их глубине то вспыхивал, то угасал огонь.

— Где сокровища? — спросил Конан негромко, но угрожающе.

— А ты освободишь меня?

— Освобожу, — сказал Конан. — Освобожу землю от ползучей гадины — вот что я сделаю!

— Будь ты проклят! — выкрикнул Берлис, теряя силы, и Конан с силой пронзил его мечом.



Глаза умирающего распахнулись и загорелись адским красным огнем, а затем будто подернулись пеплом и погасли.

Конан быстро сунул руку за пазуху человеку-змею и, вытащив оттуда сверток, бросил на землю. Ткань развернулась сама собой, и взору изумленного варвара предстала целая гора самоцветов.

Они горели в солнечных лучах, как живые, они переливались и сверкали. Здесь были красные, синие, зеленые камни, превосходно ограненные и отшлифованные. Никогда в жизни Конан не видел такой красоты. Он ощутил прилив восторга, и горло у него перехватило.

— Успел... — шептали мертвые уста Берлиса. Конан повернулся к телу, готовясь нанести еще несколько ударов, если потребуется. Киммериец был уверен в том, что нет такого существа, демона ли, человека ли, которого нельзя утихомирить ударом доброго холодного железа.

Но убивать Берлиса вторично не потребовалось. Прямо на глазах он превращался в змею. Одежда его сморщилась, превращаясь в чешуйки. Конан понял, что имел в виду угасающий дух Берлиса: еще несколько мгновений — и Конан ничего не смог бы достать из-за пазухи убитого, поскольку не стало бы одежды, и драгоценности оказались бы погребены внутри змеиного тела.

Конан плюнул на змею и оттолкнул ее ногой.

Но необратимая метаморфоза начала происходить и с сокровищами. Они потускнели, затем как бы сморщились — и вот уже перед кимме-



рийцем оказалась гора глиняных черепков. Еще миг — и они рассыпались прахом.

— Мертвечина! — с отвращением проговорил Конан, вытирая свой меч о землю. Он снова сел в седло и двинулся дальше на запад, не оборачиваясь туда, где осталась лежать горстка глины и дохлая змея.



Мешок золота



Врубив голову очередному противнику, Конан почувствовал усталость. Все-таки не так-то просто целый день сдерживать атаки вражеских орд. Воюя на стороне благополучной Немедии с Офиром, киммериец часто задумывался над тем, зачем он здесь. Ведь наемникам платили не так уж много. Для чего ему это надо?

«Мина», — подумалось ему. Это из-за нее Конан ввязался в эту дурно пахнущую историю. Девушка убеждала его в том, что если им удастся остановить войну, то оба они неплохо на этом заработают. Но киммериец ей не верил. Он считал, что имеется какая-то иная причина. Красавица явно от него что-то скрывала.

А впрочем, у девушек всегда найдутся какие-то тайны от своих мужчин. Так что вскоре он вообще перестал думать об ее секретах. Зачем



забивать себе голову глупостями, когда, в сущности, он уже получил то, о чем всегда мечтал. Целыми днями Конан сражался, а по ночам тепшил плоть, занимаясь любовью с восхитительной красавицей Миной.

— Кром! — выкрикнул Конан, бросаясь в гущу врагов. Он не щадил противников, зная, что, если он не уничтожит их, они разделаются с ним. — Великий бог, сегодня, как и вчера, я принес тебе в жертву славных воинов!

Враги пятились от варвара. Они отступали, страшась связываться с залитым с ног до головы чужой кровью полуголым дикарем с гигантским клинком в руках, чей внешний вид внушал им невообразимый ужас. Киммериец казался им демоном, явившимся в мир живых из царства смерти.

— Убью! — воскликнул он, атакуя офирцев. Вонзая клинок в грудь одному из противников, Конана торжествующе расхохотался, празднуя победу. Он веселился, он был счастлив. Никому не удавалось устоять против него. К сожалению или к счастью, за всю свою жизнь Конану довелось встретить лишь несколько достойных соперников, победить которых ему было нелегко.

— Иди сюда, дикарь, — неожиданно услышал он чей-то голос.

Осмотревшись, киммериец увидел огромное чешуйчатое крылатое чудовище, отдаленно напоминающее драконов, с которыми ему уже приходилось сражаться.

«Что это еще за страшилище? — нахмурился



Конан. — И откуда, хотелось бы мне знать, оно здесь взялось?»

— За то, что ты мешаешь нашим планам, варвар, я тебя уничтожу! — проскрежетало оно.

Конан не отозвался. Он предпочитал биться с недругом, а не вести с ним светские беседы. «Мы еще посмотрим, кто кого отправит бродить по Серым Равнинам», — на губах чудовища появилась не сулящая ничего хорошего усмешка.

— Умри! — торжественно произнесло оно, попытавшись схватить варвара своими когтистыми лапами, но киммериец оказался быстрее. Увернувшись, он расхохотался и со всей силы обрушил меч на хвост чудовища. Клинок, чиркнув по плоти страшилища, сломался, не причинив никакого вреда.

— Что? — недоуменно пробормотал киммериец. Оставшись без оружия, он стал искать пути к отступлению.

— Не уйдешь! — выкрикнул монстр. Чудовище было уверено в своей победе.

— И не собирался, — отозвался Конан. Отбросив в сторону ставший бесполезным обломок меч, он подобрал с земли новый клинок, который выронил один из ныне погибших офирцев. — Не радуйся раньше времени, наш поединок еще не подошел к своему завершению!

— Тебе так кажется?! — поинтересовалось чудовище. — Лично я считаю иначе!

— Прощай, — буркнул Конан, нанося один единственный удар точно в основание шеи чудовища. Раздался хруст, и вот уже огромное безды-



ханное тело лежит у его ног. — Победа, Кром! Благодаря мне, в мире стало на еще одно страшилище меньше!

— Неплохо, киммериец, — произнес Роэл, командир их отряда. — Но ты победил всего лишь одно чудовище! А что бы ты делал, если бы их были десятки или даже сотни? Боюсь, нам бы не удалось одолеть их всех! До сегодняшнего дня мы сражались только с людьми, но вот, как ты видишь, на стороне Офира начали выступать и создания Мрака. Похоже, правителю Немедии придется просить помощи у Аквилонии или Аргоса. Самостоятельно нам вряд ли удастся одержать победу.

Киммериец недовольно поглядел на командира. Роэл был под стать Конану, такой же широкий в плечах и могучий. «Но кое-чего тебе, командир, все-таки не хватает. Ты не веришь в победу! Тебе мнится, что офирцы уже одолели нас. А меж тем, это совсем не так. Им, как мне поведала Мина, тоже приходится несладко!»

Конан покачал головой. Ему никак не удавалось понять, почему начались эти странные сражения. Что заставило Офир биться с Немедией? И почему разгоревшаяся неизвестно из-за чего война никак не может завершиться! Ведь кому-то же должно быть обязательно выгодно происходящее!

Но кому? Темным силам? Неужели опять виноват во всем Сет, Отец Ажи? Или же здесь дело в чем-то другом? Возможно, сами правители пытаются чего-то добиться друг от друга, как обыч-



но это и случается в большинстве стран. Быть может, все обстоит гораздо проще, чем они с Миной предполагают.

Хотя, как бы там ни было, если они на самом деле хотят остановить бойню, то девушка обязана как можно быстрее выработать план дальнейших действий, найти виноватого, которого киммериец с присущей ему решимостью отправил бы к праотцам на покой.

— Все так, — улыбнулся Конан. Склонившись над телом чудовища, он не без труда вырезал еще теплую печень и съел ее сырой. Облизнувшись, варвар хохотнул: — Сила этого создания передалась мне. Ныне я стал еще могущественнее!

— Рад за тебя, — поджав губы, произнес Роэл. — Жаль, что ты в одиночку не сможешь защитить границы моего государства.

— О чем это ты? — недоуменно поинтересовался он. — Что-то я тебя не понимаю. Ты что, собрался отступить и предать все, во что веришь? Предать своих людей? Смешно, я, наемник, пытаюсь убедить тебя в том, что уходить вглубь страны глупо. Мы ведь одерживаем победу за победой!

— Мне не хочется тебя разочаровывать, но я вынужден сделать это, — произнес командир. — Киммериец, разве ты не видишь, что все кончено? Правитель уже давно готов отступить, сдаться. Пойми, наши войска разбиты, остались несколько жалких отрядов, командиром одного из которых я являюсь. И нам никогда не удержать обороны!



— Чушь! И десяток храбрых бойцов может победить сотню, а то и тысячу, — гордо заявил Конан. — Я неоднократно был свидетелем подобного.

— Да, если это такие воины, как ты, — не стал спорить Роэл. — Но ситуация, в которой мы оказались, слишком опасна. Сегодня я дам людям отдохнуть, а завтра утром мы отступаем. Мы уходим!

— Нет! — взвыл Конан. — Как же так?

— Я умею здраво оценивать сложившееся положение, — мягко заметил Роэл. — Ты же — мечтатель. Ты живешь настоящим, не задумываясь о будущем и стараясь не вспоминать о прошлом. В этом твоя, киммериец, сила, но в этом же и твоя слабость.

— Не позволю! Я не допущу бегства! Мы будем сражаться! И, если нам суждено умереть, то примем смерть, как и подобает настоящим мужчинам, с высоко поднятой головой! Я уверен, люди поддержат меня. Они, как и я, предпочтут погибнуть достойно, нежели стать рабами офирцев.

— Если ты так думаешь, то тебя ждет жестокое разочарование! — возразил ему командир. — Погляди на воинов. Они устали! Им надоело сражаться. Это ты — герой, ты жаждешь битв! Но пойми же, что не все такие, как ты.

— Как я, — эхом отозвался киммериец. Ему не верилось в то, что Роэл прав.

— Смирись, — произнес командир отряда перед тем, как уйти, оставив варвара наедине с его горькими мыслями.



Конан недовольно поморщился. Он не привык отступать перед трудностями. Но, увы, не может же он, на самом деле, в одиночку бороться с Офиром? Да и потом, Конан вовсе не был уверен в том, что поступает правильно.

Недоуменно покачав головой, киммериец вложил клинок в ножны и направился в немедийский лагерь, разбитый рядом с границей. Там он надеялся найти Мину. Если даже девушка не даст ответы на мучающие Конана вопросы, то, по крайней мере, сможет успокоить, подарив любовь. А одно это значило для киммерийца невероятно много.

Конечно, и раньше у него были женщины, но с такой девушкой ему еще не приходилось встречаться. От Мины буквально веяло опасностью, и она не просила у Конана защиты — она могла сама постоять за себя.

— Вижу, сегодня ты убил немало врагов, — сказала Мина, заметив приближение своего возлюбленного.

— Да, это так, — подтвердил Конан.

— Молодец, — улыбнулась красавица. — А знаешь, у меня есть хорошие вести. Теперь мне известно, что мы должны предпринять, чтобы битва завершилась. Немалого труда стоило это выяснить, но, в конце концов, у меня все получилось!

— Умница, — довольно произнес киммериец, заключая ее в объятия.

— Не здесь и не сейчас, — строго сказала Мина, отстраняясь. — У нас найдутся дела важнее!



Все было ясно. Пока Офир громит Немедию, он вместе с девушкой отправится на поиски золотишка, которое обязано достаться ему по праву сильного. «Но не слишком ли велик риск?» — неожиданно подумалось ему. Он не был уверен в том, что стоит связываться с этими загадочными противниками. Может, лучше обчистить чью-нибудь сокровищницу? Это будет гораздо безопаснее.

«Да, — признал он, — но ведь в таком случае войну не остановишь!» Ему почему-то очень хотелось, чтобы бессмысленное кровопролитие прекратилось. Более того, он считал, что бойцы в первую очередь должны сражаться не с себе подобными, а с чудовищными порождениями Тьмы. К такому мнению он пришел за долгие годы скитаний по Хайбории.

— Когда мы отправляемся? — поинтересовался Конан.

— Немедленно, — ответила девушка. — Я уже приготовила нам коней. Надеюсь, ты не слишком вымотался во время схватки с офирцами?

— Я полон сил! — соврал Конан. На самом деле он очень устал, но не желал признаваться в своей слабости никому. — Я готов немедленно сразиться с любым противником!

— Я рада, — подмигнула ему красавица. — Тогда — в путь! Тем более, что правитель Немедии отдал распоряжение об отступлении. Войска отходят с границы.

— Замечательно, — буркнул Конан. — А я, между прочим, так и не получил причитающуюся



мне, как наемнику, плату — мои законные пять золотых.

— Не стоит говорить о таких пустяках, когда впереди нас ждет богатство! — заявила Мина.

— Хотелось бы верить, — вздохнул Конан.

Запрыгнув на лошадку, которую к нему подвела девушка, киммериец с горечью подумал, что так и не успел перекусить. Конечно, в пылу боя он съел печень чудовища, но этого ему было мало. Он все еще был голоден. Но он счел неразумным упоминать об этом сейчас, тем более весь лагерь, подобно большому муравейнику, пришел в движение, снимаясь со стоянки. Бойцы, дорожа своими жизнями, спешили исполнить распоряжение правителя.

— Кром! — воскликнул Конан.

И они поскакали. Девушка ехала чуть впереди, указывая путь. На ветру ее длинные светлые волосы развевались, завораживая киммерийца. «Плутовка очень красива, — признавал он. — И смертоносна, как скорпион. Находясь рядом с ней, надо быть всегда настороже, ведь она в любой миг может вонзить нож мне в спину!»

— Скорее! — кричала Мина, заставляя лошадь скакать быстрее.

— В чем дело? — поинтересовался Конан. Ему показалось, что она боится. — Если ты кого-то страшишься, скажи мне об этом! От чего или от кого ты пытаешься убегать? Неужели ты считаешь, что немедийцы вышлют за нами погоню? Но зачем им это? Ведь я сражался на их стороне и даже не потребовал обещанной платы!



Она не ответила.

Киммериец покачал головой. Нет, все-таки никогда ему не понять женщин. Они так и останутся для него тайной. Впрочем, как он считал, это было не столь плохо, как могло бы показаться на первый взгляд!

— О небо, — оглянувшись, пробормотала девушка.

— Что случилось? — полюбопытствовал варвар. Обернувшись, он увидел догоняющего их всадника, в котором Конан с легкостью распознал Роэла. Но что командиру отряда потребовалось от его бывшего подчиненного и Мины? О том, что тому захотелось вернуть долг, киммериец даже думать не хотел.

— Сейчас узнаем, — поджав губы, произнесла она. Ей явно очень не нравилось происходящее. Что-то не давало ей покоя. Как видно, далеко не все она рассказала Конану об этой истории с заветным мешком, доверху наполненным золотом.

— Приветствую! — воскликнул Роэл, приблизившись к ним. Внимательно оглядев киммерийца, он произнес: — Я хочу отправиться странствовать с вами! Я желаю получить мою долю, когда будет наконец-то добыто золотишко.

Киммериец недобро посмотрел на него.

— А с чего ты взял, что прямо сейчас мы не убьем тебя, а? Для нас это был бы наилучший выход! Нам с Миной легко удастся обойтись и без твоей помощи. Мы сами справимся со звероподобными людьми! Или ты считаешь, что мне не хватит мощи?



— Нет-нет, что ты! — воскликнул Роэл, непроизвольно схватившись за рукоять клинка. — Просто я не открыл девушке всей правды. Без моей помощи, вы не выпутаетесь из этой истории живыми и богатыми. Вас убьют!

— Почему ты так уверен в этом? — нахмурилась Мина.

— Просто знаю. Так что либо вы примете меня, либо... — он недоговорил, все было ясно и так.

«Ну что ж, — размышлял киммериец, — мне не станет помехой еще один спутник, тем более, если он умеет неплохо владеть мечом. А Роэл, как мне доподлинно известно, настоящий мастер клинка. Естественно, он не сравнится со мною, но нельзя забывать о том, что на сегодняшний день я еще не встретил того, кто смог бы одолеть меня!»

— Ладно, поехали с нами, — буркнул Конан.

— Я против! — заявила девушка. И, многообещающе улыбнувшись киммерийцу, добавила: — Он нам помешает!

— Все уже решено, — холодно произнес киммериец.

— Посмотрим, что ты скажешь ночью, — прошипела Мина.

— И как только тебе удастся находить общий язык с этой девушкой? — ухмыльнувшись, поинтересовался Роэл. — Я бы ни за что не стал ложиться с ней в одну постель.

— А я люблю риск! — расхохотался Конан. — Но как она сумела все у тебя вызнать?



— Неважно, — отмахнулся бывший командир отряда.

Киммериец недовольно сощурился. «Любопытно, как Мина заставила Роэла, который вовсе непохож на болтуна, поведать ей обо всем?» — мрачные подозрения зародились у Конана. Ему даже захотелось немножко попытать этих двоих, чтобы им расхотелось в дальнейшем иметь от него какие-либо тайны.

— Есть хочется, — произнес Конан, пытаюсь отвлечься от дурных мыслей. — Я бы сейчас остановился и перекусил. Тем более что перед тем, как мы покинули немедийский лагерь, Мина предусмотрительно положила в седельные мешки немного вяленого мяса, сыра и вина.

— Я согласен! — тут же отозвался Роэл. Он, как и киммериец, с самого утра, когда произошла битва с офирцами, ничего не ел. — Эй, Мина! Мы останавливаемся, чтобы передохнуть!

— Нет! — отозвалась девушка, придерживая лошадку. — Это слишком опасно! Мы еще недостаточно далеко ускакали. В любой момент на нас могут напасть враги.

— Ну и что? — пожал плечами Конан. — Я никого не боюсь!

— И я, — поддержал его Роэл.

— Разве мы втроем сможем остановить дюжину летающих чудовищ, с одним из которых киммерийцу уже довелось встретиться сегодня утром? А между тем, они преследует нас. С каждым мгновением они приближаются к нам, — заявила Мина.

— Но откуда это тебе известно?



Она ничего не ответила.

— Чушь, — презрительно бросил Роэл, соскакивая с лошадки. — Давайте поедем!

— Правильно, — кивнул киммериец, последовав его примеру.

Достав еду, варвар принялся ее с жадностью поглощать. Он пил вино и и с жадностью пожирал мясо. «Еда! — радовался киммериец. — Как же я счастлив, что могу утолить голод!»

— Быстрее! — поторапливала мужчин девушка. Она с неодобрением смотрела на них. Мина не принимала участия в трапезе.

— Отстань, — отмахнулся Конан. — Тебе не устроить меня глупыми выдумками о страшных существах, которых скорее всего и на свете-то нет!

— И это говорит человек, который неоднократно сражался с детьми Мрака, — буркнула Мина. — Вы бы лучше поменьше говорили и как можно быстрее насыщались! Не забудьте, впереди нас ждет долгая и опасная дорога. Кстати, раз вы не боитесь чудовищ, то вспомните о мешке золота, который с каждым мгновением зверолоды уносят все дальше и дальше!

— С чего ты взяла? — зевнул Конан. — Да и потом, война началась две недели назад... Так неужели несколько часов хоть что-то изменят?

— Все может быть, — хмуро отозвалась Мина.

После еды киммерийцу захотелось спать, но он решил, что сейчас не время расслабляться. Так что он, вновь забравшись на коня, поспешил навстречу приключениям, которые уже поджидали его в грядущем.



Что-то недовольно бормоча, Роэл последовал за ним. Немедиец был недоволен. Ему тоже хотелось подольше отдохнуть. Впрочем, спорить с Миной и Конаном он не стал.

— Скоро мы достигнем злополучного места, где произошла схватка, — заметила девушка, когда они продолжили путь. — Я рассчитываю, что зверолюди оставили после себя какие-нибудь следы, по которым мы сможем их разыскать.

— А потом еще и обворовать, — хохотнув, добавил киммериец. Он не собирался вступать в смертельный поединок со всем племенем, которое, как он предполагал, многочисленно. Уж лучше ночью прокрасться в их лагерь и выкрасть золотишко. «Пока враги спят, можно будет даже постараться перерезать им глотки», — хищно улыбнулся он своим мыслям.

— Истинно так, — подтвердила Мина. Уж в воровстве-то она, как и Конан, знала толк.

— Это все хорошо, — нервно произнес Роэл, — но мы должны учитывать, что...

— Что же ты замолчал? — недовольно поинтересовалась девушка. — Продолжай, коли начал. Не бойся, теперь уже мы тебя не убьем. По крайней мере, сейчас.

— Да, это так, — важно подтвердил киммериец. — Я даю тебе слово, что ни я, ни Мина не тронем тебя, если только ты, конечно, сам первым не нападешь или не предашь нас.

— С моей стороны было бы очень глупо бросаться на тебя с мечом, — заметил Роэл. — Я же видел тебя, Конан, в деле! Я знаю, что ты легко



справишься со мною. А мне, между прочим, еще хочется пожить на этом свете.

— И все же?..

— Ладно, один из них владеет магией! Я сам видел, как он использовал волшебство, метая в противников молнии! Но, признаюсь, чародейство не может повредить мне, так как меня защищает вот этот амулет, — Роэл порывлся в складках своей грязной измятой одежды и достал небольшую статуэтку Митры. — Я получил ее в дар от одного старика, которого отряд под моим предводительством спас от разбойников. С тех пор я никогда не расстаюсь с ней, и она всегда оберегает меня!

— Воин не должен полагаться на колдовство! — важно заметил киммериец, посылая свою лопатку в галоп.

Ему, как и Мине, хотелось как можно быстрее достигнуть места, где произошла стычка со звероподобными людьми. «Интересно, — задумался он, — как они выглядят? И действительно ли являются чудовищами, как о том рассказывает Роэл? Или же все это не более чем глупые выдумки? Быть может, мне придется сражаться не со страшилищами, а с обычными людьми?»

— Мы уже прибыли, — заметил Роэл через некоторое время.

— Это так, — согласилась девушка. — А ты не боишься новой встречи с ними?

— Нет, ведь на этот раз рядом со мной легендарный Конан!

— Бойцу стоит полагаться лишь на свои силы!



— наставительно произнес киммериец. — Ну, что, пора нам уже разобраться в том, что здесь, собственно, произошло, а?

Соскочив с кобылы, он принялся разглядывать вытоптанную землю, ища следы, которые помогли бы ему понять, что следует предпринять дальше и куда направиться. И ему повезло: практически сразу он нашел четкие отпечатки копыт, ведущие куда-то на север. «Что-то здесь не то», — нахмурился варвар.

Конан, как и все киммерийцы, был неплохим следопытом. «Так-так», — размышлял он, разглядывая сваленные рядом груды костей, которые, как он определил, принадлежали людям, а отнюдь не звероподобным монстрам. Выходит, ему, как он и предполагал, придется сражаться вовсе не с чудовищами? Или же страшилища поступили так же, как положено и во многих диких племенах, и предпочли забрать с собой тела павших сродников?

— Ну что, ты выяснил, куда они унесли золото? — торопила его девушка.

— Да, — отозвался Конан. — Они отправились на север. И их, кто бы они ни были, как мне кажется, больше трех дюжин!

— Мы найдем их логово!

«Да, если только они не кочевой народ, за которым нам придется гоняться очень долго! Впрочем, не стоит сразу думать о грустном. Быть может, они действительно осели где-нибудь в Немедии, ведь именно туда и ведут их следы, — размышлял Конан. — Но очень странно, что я ниче-



го не слышал на этот счет. Ведь вести о вторжении неприятеля, будь то дикое племя или войска Офира, разлетаются невероятно быстро!»

— А что, если их уже давно истребили? — пробормотал Конан. — Что, если кто-то, уже уничтожив дикарей, забрал себе золото?

— Ладно, здесь нам больше нечего делать! — воскликнула Мина. — Пускажи!

— Поздно уже, — спокойно произнес Роэл, — скоро солнце скроется за горизонтом, и тогда во тьме наши кони могут, оступившись, переломать себе ноги. Нет уж, я предлагаю переночевать здесь, а уже утром продолжить путь. На мой взгляд, это будет правильно!

— Нет, — ужаснулась Мина, — мы должны торопиться! Чудовища...

— Хватит! — рявкнул киммериец, ему надоело слушать перепалку своих спутников. — Здесь мы и переночуем. Но перед тем, как разжечь костер и отдохнуть после утомительного дня, мы похороним останки погибших людей. И почему только, желал бы я узнать, их кости не растащили дикие звери?

— Колдовство, — вздрогнув, произнес Роэл. Он, как и все воины, страшился того, что понять был не в состоянии.

— Наверняка, — согласился Конан. — А посему мы остановимся на ночлег чуть в стороне от этого, как мне мнится, проклятого места.

— Проклятого места, — пренебрежительно фыркнула Мина.

— Тебе что, известно о происходящем больше,



чем нам? Если так, то Расскажи! — потребовал киммериец.

Так и не дождавшись от нее ответа, он, осмотревшись, отправился копать могилу для погибших. Покончив с этим делом, Конан пошел собирать хворост. Роэл всюду следовал за ним и старался помогать. Ему не хотелось оставаться наедине с девушкой, которая казалась ему по-настоящему опасной. Он даже не удивился бы, если бы она напала на него и отобрала амулет. «Митра, — вздрогнул Роэл, — что произошло с миром, если я, боец, страшусь слабой на вид девушки?»

* * *

Когда стемнело, Конан, Роэл и Мина уже сидели около костра и неспешно беседовали. Они обсуждали то, что сейчас происходит в Немедии и Офире. Киммерийцу почему-то казалось, что виноват в начавшейся войне Вилер, нынешний король Аквилонии. Это из-за его золота разгорелась вражда между странами.

— Вилер сраживает своих соперников между собой, опасаясь их силы! — говорил он. — Аквилония за последние годы ослабла. Она уже не представляет собой такой опасности для противников, как раньше. Теперь ее может завоевать любой!

— Ты не прав! — заявил Роэл. — В отличие от Немедии, Аквилония вынуждена постоянно отражать набеги никтов. Так что, на мой взгляд, кровопролитие начали силы Тьмы. Тем более, что я



же своими глазами видел зверолодей и их магию. Одно это служит доказательством того, что в дело замешаны приспешники Мрака.

— Опять происки злого колдуна Тот-Амона? — нахмурился Конан. — Или на этот раз действует сам Сет?

— Лично мне все равно, с кем мы должны скрестить клинки, чтобы заполучить золото! — заявила девушка.

Окинув ее придирчивым взглядом, киммериец собирался что-то сказать, но потом промолчал. Что-то не было у него сегодня желания пререкаться. Он очень устал, ему хотелось спать, а еще — любви.

— Ладно, — вздохнув, произнес Роэл. — Пусть боги ниспошлют всем нам сегодня добрых сновидений!

— Да, это было бы здорово, — согласился Конан. — Кстати, полночи я буду дежурить, а потом разбужу тебя!

— А как же я? — возмутилась Мина.

— А ты будешь отдыхать! — твердо произнес киммериец. И, не желая ничего более говорить, попытался прижать ее к себе и поцеловать, но девушка выскользнула из его объятий. «В чем дело?» — разозлился он.

— Нет, — хмуро сказала она, вновь отстраняясь от него. — Этой ночью ты обойдешься без моих ласк!

— Но почему я стал тебе вдруг противен? — возмутился Конан.

— Так надо! — заявила девушка. И добавила:



— Я поклялась именем Митры, что сегодня буду одна!

Злобно поглядев на нее, Конан хмыкнул. Вообще-то, он мог бы взять ее и силой, но не желал, чтобы она нарушала свое слово.

— Хорошо, — холодно произнес варвар. — Но завтра ты будешь моей! И уже тогда я не стану слушать никаких отговорок!

— Посмотрим, — обольстительно улыбнувшись ему, отозвалась красавица.

Стоящему на страже киммерийцу даже хотелось, чтобы на них напали зверолюди. Ему не очень-то улыбалось гоняться за этим необычным племенем, пытаясь заполучить мешок золота. Душа варвара жаждала немедленной наживы и кровавых поединков. Он мечтал о том чудесном миге, когда вновь сможет вонзить клинок в плоть недруга. Правда, совсем недавно он уже бился с вражескими воинами и с чудовищем, но Конан уже успел позабыть об этой схватке.

— Идите же ко мне, страшилища, — прошептал он, поглаживая рукоять меча.

* * *

Монстры не появились этой ночью. Так что наутро, когда первые лучики солнца разбудили его, киммериец был зол. «Неужели придется долго гоняться за этими проклятыми чудищами, похитившими мешок золота?» — гневался он, поглядывая на Мину и Роэла, которые были спокойны.



— Я умру от скуки, если сегодня же мы не встретимся с противниками! — заявил киммериец.

— О, — грустно улыбнулась девушка, — на этот счет можешь не переживать! Они уже близко, я чувствую их приближение. Скоро на нас набросятся крылатые страшилища. Они попытаются остановить нас и не дадут нам добраться до племени зверолюдей!

— Отлично! — улыбнулся варвар. Поглядев на побледневшего Роэла, он презрительно заметил: — Если ты страшишься, то можешь покинуть нас. Что-то подсказывает мне, что нам удастся достигнуть цели и без твоего хваленного амулета!

— Нет, я остаюсь с вами, — пересилив страх, произнес бывший командир отряда. — Хотя, конечно, одно дело биться с людьми, а другое — с жуткими чудовищами, один внешний вид которых заставляет трепетать от ужаса...

— Молодец, — похвалила его Мина.

— Кром! — воскликнул киммериец. Затушив костер, он вскочил на лошадку.

— Конан, — окликнул его Роэл. — У меня дурные новости!

— Что произошло? — поинтересовался варвар, вытаскивая меч из ножен.

— Посмотри вверх, — дрожащим голосом произнес Роэл.

Последовав его совету, киммериец поглядел на небо и в ярости зарычал. Над ними летали несколько десятков чудовищ, которые почему-то все еще не решались на них напасть. «Почему



они медлят? — недоуменно подумал Конан. — Что их сдерживает?»

— Мы должны как можно быстрее убираться отсюда, — пробормотала Мина.

— Нет, — широко улыбнулся Конан. — Мы не станем убегать от них! Мы с ними сразимся! И, если фортуна будет на нашей стороне, мы победим!

— Безумец! — воскликнула она. — Нам никогда не перебить их всех! Так что ты поступай, как хочешь, а я постараюсь удрать от них!

— И я, — поддакнул Роэл.

Оставшись в одиночестве, киммериец зловеще ощерился. Он был готов к бою. Безусловно, врагов очень много, но что-то подсказывало Конану, что он сейчас не погибнет. «Схватка», — облизав внезапно пересохшие губы шершавым языком, подумал он.

— Либо я убью вас всех, страшилища, либо погибну сам! — закричал он. — Клянусь в этом именем Крома!

Киммериец с нетерпением ждал, когда противники набросятся на него. Но чудовища почему-то не спешили нападать. Они просто летали над его головой и что-то кричали. «Что происходит?! — злился варвар. — Эх, жалко у меня нет при себе лука, тогда бы я смог подстрелить их всех!»

Несколько часов он безрезультатно прождал атаки, которой так и не последовало. Недовольно нахмурившись, он отправился следом за Миной и Роэлом. «Все равно я убью этих страшилищ! Я



обязательно убью их, ведь я поклялся в этом!» — скрипнув зубами, Конан направил свою лошадь на север.

— Зверолюди, — хмыкнул он. Все-таки в Хайбории, на взгляд киммерийца, слишком много волшебства и чудовищ. Хотя, если бы не было их, ему бы пришлось сражаться только с обычными людьми, и тогда он бы не смог хвалиться в тавернах тем, что уничтожил не меньше дюжины колдунов и несколько десятков различных страшилищ. — Это было бы печально, ведь тогда легенды, которые сочиняют обо мне, стали бы совсем другими!

Тряхнув головой, киммериец постарался подумать о чем-нибудь более приятном. К примеру, о врагах, с которыми, как он надеялся, ему скоро предстоит встретиться.

— Убью! — внезапно донесся до него резкий противный голос.

— Началось! — с удовольствием отметил Конан, выхватывая меч из ножен. Страшилища наконец-то рискнули напасть на него. Их зубастые пасти щелкали каждый раз в опасной близости от него, но не причиняли ему вреда, Конан успевал уклоняться. Все-таки не зря его называли самым сильным и умелым воином во всей Хайбории.

Сражаясь с чудовищами, он ликовал и счастливо смеялся. Теперь он исполнит слово, которое дал Крому! Он зарубит всех противников! «Я сделаю это!» — подумал Конан, размахивая клинком.



Он сражался с ужасными страшилищами, с трудом отражая их нападения. Но, несмотря на численное превосходство созданий Тьмы, они проигрывали.

— Я побеждаю! — выкрикнул Конан.

Но тут кобыла под ним споткнулась и повалилась замертво на землю, придавив своей тушей киммерийца. Ее убило одно из чудовищ.

— Нет! — яростно воскликнул варвар. Отпихнув от себя труп, он поднялся на ноги. — Вам не одолеть меня!

— Ты в этом уверен? — расхохоталась одно из существ, отлетев от него на безопасное расстояние. — Конечно, ты многих из нас убьешь, но в итоге все равно погибнешь. Ты, как и все люди, устанешь сражаться. Собственный клинок покажется тебе тяжелым, а мы будем набрасываться на тебя вновь и вновь. И рано или поздно мы добьемся своей цели и отправим тебя на Серые Равнины, где тебя уже поджидают многие твои друзья!

— Вам этого не удастся! — произнес Конан с уверенностью, которой в действительности не испытывал. — Это я уничтожу всех вас! И никто, включая самого бога Тьмы, не сможет помешать мне выполнить то, в чем я поклялся!

— Сегодня до полуночи выяснится, кто из нас сильнее! — объявило создание. Оно, как и другие чудовища, зависло в небесах прямо над головой Конана.

— Выяснится, — хмыкнул киммериец. Он был уверен в своей победе. И не имело никакого зна-



чения, что он один вынужден был сражаться с целой толпой чудовищ. Что это для него, воина, который привык смело смотреть опасности в лицо и не бояться смерти? Он, как всегда, размахнется своим клинком и начнет бой, в котором — он был уверен в этом — ему не суждено потерпеть поражение.

— Когда ты устанешь, мы убьем тебя! — проскрежетало существо.

Конан пожал плечами. Он был готов к долгому противоборству. «Посмотрим, — ухмылялся он, — кто из нас сильнее и на чьей стороне не только сила, но и сами боги! Лично я верю, что Кром, в жертву которому я принес столько храбрых воинов, не оставит меня в этот тяжелый час!»

— Смерть! — страшно взревел киммериец, отмахиваясь от неуверенных атак страшилищ, которые в первую очередь стремились измотать противника, а не убить его. Чудовища, дорожа своими жизнями, боялись подлетать к Конану слишком близко.

— Ты погибнешь! — верещали адские создания сверху.

— Порождения Сета, — злобно буркнул киммериец, — и зачем вам только потребовалось убивать мою лошадку?

Хотя, надо признать, даже в гибели кобылы Конан сумел усмотреть для себя немалую пользу, ведь сегодня он мог пополнить свои запасы продуктов кониной. «Здорово!» — ухмыльнулся он, разделявая лошадь. Печень и сердце он съел сразу сырыми, а все остальное решил поджарить



на костре, разжечь который для него не составило труда.

— Вкусно? — наперебой интересовались чудовища.

— Да, — подтвердил Конан, чуя одуряющий запах жареного мяса. Конечно, конина была жестковата и не так вкусна, как говядина или свинина, но сегодня у киммерийца не было выбора. Так что он, насыщаясь, предпочитал не ругать богов за жадность, а благодарить их за щедрость.

— А можно и нам? — поинтересовалось одно из страшилищ, приближаясь к нему.

— Нет, — покачал головой варвар. — Мы же с вами враги. Так что нам не позволено вкушать пищу вместе.

— Но как же так? — сглотнув, поинтересовался монстр. — Ты можешь себе позволить есть, а нам, что же, прикажешь голодать? Мы вынуждены питаться жалкими животными, которых тут очень сложно поймать! Здесь практически не на кого охотиться.

— Так уходите отсюда, — предложил Конан, чавкая от удовольствия.

— Не можем, — вздохнуло чудовище, — мы поклялись, что уничтожим тебя, киммериец! А мы всегда держим свое слово. Так что кому-то из нас суждено здесь умереть. И, вероятно, это будешь ты, потому что нас больше!

— Ну да, — фыркнул Конан, — зато я сильнее! И я могу не спать и идти вперед целую неделю днем и ночью, а вы, между прочим, как мне кажется, должны отдыхать чаще.



— Да, — не стало отпираться чудище. — Но мы посменно будем следить за тобой и периодически нападать!

Хмыкнув, киммериец неожиданно набросился на него, схватив его за горло. Страшилище попыталось вырваться из его хватки, но Конан держал крепко. «Вот так-то, — улыбувшись, подумал он, — теперь летаем!»

— Если ослушаешься меня, я сверну тебе шею, — пообещал киммериец.

— Лучше я погибну, чем стану служить врагу! — гордо заявило чудовище. Однако оно более не пыталось сопротивляться, зная, что варвар в любой миг может исполнить свою угрозу.

— Шутить? — расхохотался он, ударив побежденного врага по голове. Страшилище вздрогнуло от боли — рука у Конана была тяжелая. — Ты сделаешь все, что я тебе скажу, иначе обещаю: ты умрешь в страшных муках. Я не дарю тебе быструю, легкую и безболезненную смерть!

— Все равно, я убью тебя, киммериец, — еле слышно прошипело чудище, уже смирившись со своей участью.

Конан забравшись на спину чудовищу, приказал тому взлететь. Киммериец не боялся, что существо попытается скинуть его — он был уверен в своих силах. «Все будет в порядке», — ухмыльнувшись, подумал он, держа в правой руке клинок.

И в самом деле, все произошло так, как киммериец и ожидал. Он беспощадно разил ополоумевших от страха крылатых существ. Они пада-



ли, сраженные его мечом, не в силах оказать ему достойное сопротивление.

— Вот так-то! — радовался Конан. Он был счастлив, что чудовища оказались вовсе не такими могучими и храбрыми, какими казались на первый взгляд. Как выяснилось, только первое страшилище, с которым он встретился, было тяжело победить, с остальными же удалось справиться гораздо легче.

— Братья и сестры мои! — кричало в бессильной ярости чудовище, которое покорил киммериец. — Ну почему мне не хватает духу сложить крылья и упасть на землю? Тогда бы я погубил вместе с собой и подлого дикаря!

— Потому что ты — создание Ночи! — гордо объявил Конан, отбиваясь сразу от трех существ, которые, между прочим, нападали не только на него, но и на покоренное им создание. — И для тебя главная ценность — сама жизнь! Пытаясь выжить, ты способен предать даже своего хозяина и свой род!

— Как бы то ни было, тебе все равно не спастись!

— Кром, — пробормотал киммериец, внезапно поняв, что страшилище, которое он подчинил своей воле, повержено своими же сородичами.

— Свершилось! Теперь для тебя, как и для меня, все кончено! Ты мертв! — успело торжественно произнести оно перед тем, как умолкнуть навсегда. Чудище погибло, а вместе с ним должен был умереть и Конан.

— Не бывать этому! — выкрикнул варвар,



спрыгнув со спины поверженного существа, когда до земли оставалось совсем чуть-чуть.

Киммериец больно ударился, но все-таки не погиб.

— Спасибо тебе, Кром, за то, что уберег меня, — пробормотал он, когда понял, что кости у него целы. — Так что, чудища вам не стоит рассчитывать на то, что я обессилел. Нет, я все еще полон сил!

И вот, когда страшилища уже собирались добить своего врага, пришла помощь, на которую Конан и не рассчитывал. Прискакали на своих лошадах Мина и Роэл.

— Конан, с тобой все в порядке? — спросил девушка. — Мы так спешили к тебе! Мы боялись, что, когда придем, будет уже слишком поздно!

— Да, — подтвердил Роэл, — мы переживали за тебя!

— Но почему? — прохрипел Конан. — Вы же бросили меня! Вы оставили меня наедине с чудовищами! Что заставило вас изменить свое решение?

— Все очень просто, — ласково произнесла Мина. — Мы поняли, что нам без тебя не обойтись.

— А еще, когда мы посмотрели на небо, нам стало известно, что опасность миновала. Так как мы с девушкой сможем отбиться от двух крылатых созданий, которых ты не успел одолеть.

— Понятно, — пробормотал киммериец, пошатнувшись, — в таком случае, я хочу попросить вас о том, чтобы вы не вмешивались в наш с ни-



ми поединок! Я должен убить их самостоятельно! И я сделаю это! Я уничтожу их! Вы увидите это!

Розл поддерживал киммерийца, не давая тому упасть.

— Ты ослаб, — заметила Мина. — Тебе надо отдохнуть, а потом ты уже сможешь продолжить свой бой с ними.

— Нет! — прорычал варвар, метнув свой тяжелый меч в одно из чудовищ, которое рискнуло опуститься на землю неподалеку от людей, чтобы подслушать, о чем они говорят. Клинок достиг цели, и страшилище, вскрикнув, умерло. — Осталось последнее порождение Тьмы.

Создание Ночи, неожиданно решившись, напало на безоружного Конана. Но киммериец даже без меча в руках сумел одолеть его. Позволив чудовищу приблизиться к себе, он схватил того за горло и спросил:

— Кто приказал тебе уничтожить меня? Ответь!

— Илуриус, повелитель зверолов, — проскрежетало оно.

— Но зачем? — хрипло поинтересовался варвар. — Для чего ему потребовалась моя смерть?

— Было предсказано, что он познает позор поражения, когда его противником станешь ты, — прошептало страшилище.

Кивнув, киммериец свернул побежденному врагу шею. «Так вот почему вернулась Мина, — понял Конан. — Ей наверняка известно это предсказание! Как видно, в этом и заключалась ее тайна! А посему, выходит, что без меня они не



смогут добыть мешок золота! Без моей силы и ловкости они самостоятельно не справятся!»

— Ты победил, — пробормотал Розл. — Ты — великий воин!

— Да, — прошептал Конан и, потеряв сознание, повалился на траву.

— Мы не можем терять здесь время! — резко произнесла девушка, застаскивая тяжелого киммерийца к себе на лошадь. — Мы должны немедленно продолжить путь.

* * *

Киммериец пришел в себя, когда на небе уже сияли звезды и месяц. Осмотревшись, он с удивлением понял, что сидит в седле, а чьи-то тонкие изящные сильные руки удерживают его и не дают свалиться. «Что происходит?» — нахмурился он, заерзав, устраиваясь поудобнее.

— Я рада, что ты очнулся, — ласково произнесла Мина. Это она сидела позади него, умело управляя лошадкой. — Кстати, если я не ошибаюсь, то к утру мы доберемся до деревни зверолов. Это было бы великолепно!

— Новый бой — это хорошо, — согласно кивнул Конан. Его живот недовольно забурчал, требуя еды. — Покушать бы.

Розл с уважением посмотрел на варвара. Еще несколько часов назад на теле киммерийца не было живого места, а сейчас он уже практически выздоровел. Да, воистину на победителях раны заживают на удивление быстро.



— Скоро мы сделаем привал, — произнесла Мина. — Мы хотели немного передохнуть перед решающей битвой, когда наконец-то заполучим сокровище!

— Золото будет нашим, — довольно улыбнулся Конан.

— Вы так самоуверенны, — неодобрительно заметил Роэл. — Вы забываете, что зверолюди очень сильны. Они с легкостью могут убить нас!

— Да? Ха, летающие чудовища тоже казались страшными и могущественными, когда мы встретились с ними впервые, но я доказал, что с ними не так-то уж тяжело справиться! — гордо заявил киммериец.

— Ты забываешь, что наших противников возглавляет маг, — тихо напомнил Роэл.

Кивнув, Конан слез с лошади.

— Ладно, здесь отдохнем, а утром, наконец-то, встретимся с таинственным Илуриусом, похитителем сокровищ.

Взяв девушку на руки, киммериец распорядился:

— Роэл, собери хвороста и разожги костер, а мы с Миной займемся другим делом...

Хихикнув, девушка прижалась к нему.

Дождавшись, когда Роэл уйдет, они отдались на волю безумия, которое многие называют любовью. Они целовали разгоряченные тела друг друга, чувствуя близость и единение, как будто бы они, Мина и Конан, были не двумя разными существа, а одним единым. «Как жаль, что все хорошее когда-нибудь заканчивается», — вздох-



нул киммериец, когда они с девушкой лежали, утомленные, возле горящего костра и смотрели на звездное небо.

— Милый, — ласково произнесла Мина, укусив Конана за ухо.

— Спите, — хмуро произнес Роэл, — я посторожу ваш покой.

Киммериец закрыл глаза и забылся.

Из сладостного сна его выдернули чьи-то крики, ругань и лязг оружия. «Что-то случилось!» — осознал он. Нащупав правой рукой рукоять меча, Конан, стараясь не шевелиться, чтобы не привлечь к себе внимания, открыл глаза.

«Зверолюди напали на лагерь», — догадался он, вскакивая на ноги и ища взглядом девушку. Ему нигде не удавалось обнаружить Мину. Что касается Роэла, то тот храбро сражался сразу с пятью противниками.

— Конан, нам не справиться с ними! Их слишком много!

— Хотелось бы мне знать, как им удалось подкрасться к нам так, что даже я ничего не услышал! — отозвался Конан. Обычно он спал очень чутко. — Впрочем, ныне это уже не имеет никакого значения.

— Это так, — отозвался Роэл, вонзая клинок в грудь одному из врагов. В это время четверо зверолодей одновременно напали на него и зарубили.

— Нет! — в ярости воскликнул Конан. Им овладело боевое безумие, и он сам набросился на несколько дюжин противников. Его клинок сеял



среди них смерть. Врагам никак не удавалось убить его, они гибли под его ударами.

Рыча от злости, Конан размахивал мечом.

— Месть! — кричал он. Каждый его удар уносил жизнь одного из противников. — Я уничтожу вас так же, как и крылатых страшилищ!

— Не думаю, — оскалившись, произнес самой большой и сильный из зверолов, — ведь если ты немедленно не сдашься нам, Мина умрет! Я обещаю тебе это!

— Что? — вздрогнув, как от удара, произнес киммериец.

«Он хочет, чтобы я вложил меч в ножны», — подумал Конан. Он не желал подчиняться воле врага, но как он мог поступить иначе, когда на кону — жизнь девушки, которая стала ему дорога? Что ему предпринять? Следует ли киммерийцу сдаться? Или же он должен продолжить бой и умереть достойно, убив немало врагов?

— Я, — он, сглотнув, бросил клинок на землю, — сдаюсь.

— Отлично! — хлопнул в ладоши зверочеловек. — Запомни, киммериец, мое имя! Я — Илуриус. Это я буду решать твою дальнейшую судьбу.

Конан внимательно посмотрел на него. «Врага следует знать в лицо», — горько улыбнувшись, размышлял он, запоминая, как выглядит его недруг, чтобы всегда можно было отличить зловещего мага от прочих зверолов.

— Отдай золото и отпусти Мину, и тогда я не стану убивать тебя, — спокойно произнес кимме-



риец. — Ну как, принимаешь мои условия? Подумай хорошенько перед тем, как ответить! Ведь нам обоим известно о том, что тебе не одолеть меня. Таково пророчество!

— Будущее можно изменить, — ухмыльнулся в ответ чародей. — Так что я могу приказать убить тебя немедленно, и тогда победа будет за мной!

— С чего ты взял? — поинтересовался Конан. — Возможно, именно об этом и говорит предсказание. Отправив меня на Серые Равнины, ты заведомо проиграешь.

— Как так? — изумился Илириус, наблюдая за тем, как его подчиненные связывают киммерийцу руки.

— Очень просто. Дело в том, что за меня могут отомстить... — Конан и сам не верил в то, что говорил.

— Глупец! — расхохотался Илуриус. — Тебе неизвестно, что я, способный повелевать не только своими собратьями, но и крылатыми чудовищами, никого не боюсь!

— Никого? — нахмурился киммериец. — А меня?

— Стража, уведите его! — разгневался маг.

Конана схватили за руки и куда-то потащили. Он не пытался сопротивляться, сочтя это излишней тратой сил. Конечно, ему бы хотелось раскидать противников, взять в плен Илуриуса и выпытать у него, куда он дел Мину, но врожденное чутье подсказывало, что этого, по крайней мере, сейчас делать не следует.



— Увели, — проследив за тем, как киммерийца утаскивают подальше от места битвы, довольным тоном произнес Илириус. — Что ж, Роэл, можешь вставать! Я благодарен тебе за то, что ты помог схватить не только дикаря, но и девушку. С этими двумя у меня могли возникнуть большие проблемы, если бы ты заранее не предупредил нас!

— Спасибо, великий, за то, что позволил мне устроить это маленькое представление! Мне бы не хотелось, чтобы Конан знал о том, что я — предатель — жив, — поднявшись на ноги, благодарно произнес Роэл. — А кстати, где обещанные тридцать золотых, которые ты сулил заплатить мне за труды? Или же ты решил обмануть меня и нарушить собственное слово?

— Как мог такое подумать ты, трус, страшщийся мести киммерийца? — возмутился Илириус. Подозвав к себе одного из подчиненных, он распорядился: — Заплати этому человеку! Я всегда исполняю обещания!

— О, ты так щедр, милостивый господин, — забормотал Роэл, пересчитывая монетки. — Я буду молиться Сету, богу Тьмы, чтобы он был благосклонен к тебе!

— Довольно, — поморщился маг. — Перестань упоминать имя Отца Ажи и убирайся! Уходи, я больше не хочу тебя видеть!

— Слушаюсь, владыка, — поклонился бывший командир отряда наемников. Но тем не менее он не спешил покидать повелителя звероловцев. — Разреши задать вопрос?



— Что тебе еще, человек? — устало поинтересовался Илуриус. — Чего тебе от меня надо? Ты же уже получил свои деньги! Не испытывай мое терпение, ведь оно недолговечно! В любой миг я могу прогневаться на тебя и приказать, чтобы тебя четвертовали!

— Да-да, — закивал Роэл, — ты все это можешь! Но позволь поинтересоваться, что ты собираешься сделать с Миной, с той девушкой, которая была с киммерийцем. Убьешь ли ты ее? Или же у тебя на ее счет иные планы, а? Прошу, ответь мне на этот вопрос!

— Ничтожество! — грозно вскричал маг-зверочеловек. — Ты посмел чего-то требовать у меня? Какая тебе разница, что с ней станет? Или же ты, презренный червь, жаждешь обладать ей? Я прав?

— Да, — просипел Роэл. Его голос сел от страха. — Мина необычайно красива, и мне бы очень хотелось, чтобы ты отдал ее мне. Зачем она тебе нужна?

— Ты уже получил плату, раб, — процедил Илуриус. Что-то прошептав, маг взмахнул руками. Его намерением было превратить человека, который стоял перед ним, в крылатое страшилище, подобное тем, каких истребил Конан. Но у него ничего не получилось.

— Я пойду? — почувствовав опасность, пробормотал Роэл.

— Нет, теперь уже постой! — рывкнул владыка звероловцев. — Почему моя магия не подействовала на тебя, а? У тебя, что, есть какой-то аму-



лет, который защищает тебя от любого воздействия колдовства? Это так?

— Ничего такого нет, — затряс головой командир наемников. — Ты заблуждаешься, великий!

Розл понял, что для него уже все кончено. Сейчас раскроется его тайна, и тогда ему точно не жить. Все-таки зря он остался среди врагов и рискнул расспрашивать Илуриуса о судьбе девушки. «Надо было сразу уходить», — вздохнул он. К сожалению, теперь уже ничего нельзя было изменить.

— У тебя с собой крохотная статуэтка, изображающая Митру, наделенная немалой магической силой! — воскликнул Илуриус, отбирая у незадачливого предателя амулет. — Ныне это принадлежит мне, а ты, человек, должен ползать передо мной на коленях, прося прощение за то, что позволил себе принести в логово слуг Тьмы талисман, созданный добрым волшебником!

— Прости и пощади, господин!

— Хорошо, я не убью тебя, — медленно произнес Илириус. — Я даже буду настолько великодушен, что дарю тебе крошечный шанс, воспользовавшись которым, ты искупишь свою вину. И тогда я не только прощу тебя, но и награжу. Ты получишь девушку, о которой гредишь!

— Что я должен сделать? — радостно воскликнул Розл. — Я исполню любое твое повеление!

— Слушай меня внимательно, — прошипел маг.



* * *

Киммериец очнулся в каком-то маленьком, темном и сыром помещении. «Похоже, я в подвале какого-то дома», — решил он, пытаясь разорвать путы. Увы, зная о легендарной силе Конана не понаслышке, зверолоды позаботились о том, чтобы ему это не удалось. Они зачаровали веревки.

— Рано или поздно вы допустите ошибку, и я вырвусь на свободу! — прошептал Конан. — И тогда вы поплатитесь за все то зло, что совершили. Ты, Илуриус, погибнешь вместе со своими подчиненными!

— Ты угрожаешь мне? Это забавно, — расхохотался Илуриус, который, как выяснилось, находился рядом.

Конан попытался рассмотреть мага, но в темноте это оказалось невозможно.

— Что тебе надо от меня? — осведомился киммериец.

— Ничего, — отозвался повелитель зверолодей. — Просто я не хочу, чтобы ты вмешивался в происходящее. Видишь ли, мне очень хорошо платят за мою работу! И я, исполняя приказ моего господина, развязал войну между Немедией и Офиром. Ах, это так забавно наблюдать, как гибнут их бойцы! А ведь мне известно, чем все закончится.

— Чем же? — непроизвольно заинтересовался киммериец. — Скажи мне! Или же ты опасаясь, что я высвобожусь из плена и остановлю кро-



вопролито, поведав всем о том, кто в действительности похитил этот проклятый мешок с золотом?

— Опасаюсь, — кивнул Илириус, — от тебя можно ждать чего угодно. Я не могу быть ни в чем уверен!

— Хорошо, — холодно произнес Конан. — Кстати, почему я все еще жив?

— Тебя любят боги! — отозвался Илуриус. — А мне бы не хотелось с ними сориться. Это слишком опасно для жизни! Они для чего-то берегут тебя, киммериец! Они покровительствуют тебе!

— Лестно такое слышать, — вздохнул Конан. «Как жаль, что я не могу сейчас наброситься на него и перегрызть ему горло! Это было бы так восхитительно!» — печалился он. А вслух спросил:

— Любопытно, долго ли ты собрался держать меня в этом подвале?

— О нет, — отозвался маг. — Всего лишь пару лет! А потом я отпущу тебя на свободу. Ведь тогда ты больше не будешь представлять угрозы для моих планов.

— Для твоих планов, — эхом отозвался Конан. — Ты не боишься, что, оказавшись на свободе, я сразу же убью тебя?

— У тебя не хватит сил, — заметил повелитель звероловцев. — Что ж, киммериец, нам пора прощаться. Сейчас я уйду, и ты останешься один! Ты будешь сидеть здесь и размышлять!

— Постой! — окликнул его киммериец. — Если не сложно, поведай мне о том, как вы отбили мешок с золотом!



— Так тебе же и так все известно! — возмутился Илириус. — Ты же следопыт! А если тебя заинтересовало то, почему кости обычных мертвых людей не растащили звери, то дело в том, что я сжег их с помощью колдовства. Как тебе, наверное, известно, животные предпочитают держаться подальше от любой магии.

— Не знал, не знал. А куда делись трупы звероловцев?

— О чем ты? — отозвался Илуриус. — Никто из моих людей не погиб!

— Гм, ясно, — хмуро произнес Конан. Задумчиво покачав головой, он поинтересовался: — А когда здесь кормят? А то я проголодался. И еще, может быть, все-таки распорядишься, чтобы у меня сняли путы с рук?

— Неудобно? — расхохотавшись, осведомился злобный маг. — Ладно, я отдам соответствующее распоряжение.

Хмыкнув, Илуриус ушел, оставив Конана одного. «И когда же меня развяжут?» — раздраженно подумал он. Ему очень не нравилось то, что здесь происходило. Но, увы, ничего изменить он пока был не в состоянии.

Скрипя зубами от злости, киммериец ждал того чудесного мига, когда придет надсмотрщик и принесет еду.

— Когда же я освобожусь? — прошептал он, разрабатывая план побега. Конан так увлекся, что не сразу заметил, как прямо перед ним из воздуха появилась миска с какой-то отвратно пахнущей жижей. Что касается пут, то они исчез-



ли. «Колдовство, — вздрогнув, подумал варвар, крутя головой. — Илуриус не рискнул присылать ко мне своих слуг. Нет, он предпочел использовать магию, сочтя ее более безопасной. Что ж, как бы там ни было, я выберусь отсюда! Ему не удержать меня!»

Поднявшись на ноги, Конан принялся прощупывать стены, пытаясь обнаружить дверь. «Везде камень», — понял он. Но он не собирался сдаваться. Нет, он придумает способ, как вырваться из темницы.

— А если... — хмыкнув, киммериец посмотрел вверх. Подпрыгнув, он постарался достать кончиками пальцев до потолка, чтобы понять, из какого материала тот сделал. Оказалось, из дерева.

«О Кром, помоги!» — взмолился киммериец. Вновь подпрыгнув, он изо всех сил ударил руками по деревянному потолку. Доски хрустнули и сломались. «Замечательно! Илуриус далеко не такой уж мудрец, каким хочет казаться. Он, как любой обыкновенный человек, тоже может допускать ошибки, и одна из которых, как видно, станет для него роковой!»

Выбравшись из подвала, киммериец огляделся. Комната, в которой он очутился, оказалась огромна. И, что удивительно, она была абсолютно пуста, если не считать гигантского украшенного сапфирами и рубинами зеркала, стоящего в самом центре помещения.

— Странно, — зачарованно прошептал Конан. — Здесь наверняка замешана магия!

Подойдя к зеркалу, он посмотрелся в него и с



удивлением увидел отнюдь не свое отражение, а чьи-то роскошные покои, которые сейчас были пусты. «Интересно, кому они принадлежат? — задумался он, разглядывая роскошные ковры, золотые статуэтки и серебряные подсвечники. — Эх, как было бы чудесно, если бы все это мне удалось украсть! Продав эти сокровища, я смог бы безбедно прожить несколько месяцев. Да, я бы поехал либо Аквилонию, либо в Немедию, и там хорошенько бы развлекся в самых дорогих питейных заведениях!»

— Драгоценности, — пробормотал Конан, осторожно прикасаясь к поверхности зеркала.

— Да, — заговорило оно. — Вообще-то я могу показывать что угодно, а не только эти покои, принадлежащие королю Вилеру Первому! Тебе достаточно просто пожелать, и я покажу тебе Киммерию!

Киммериец не удивился. За свою жизнь ему случалось видеть и более странные и таинственные артефакты.

— Нет, — неуверенно пробормотал варвар. — По крайней мере, сейчас я не хочу видеть свою родину! А ты можешь показать мне одного человека?

— Могу! — гордо произнесло зеркало. — Кого ты хочешь узреть?

— Мину, — отозвался Конан.

— Вот она! — воскликнуло волшебное зеркало. На мгновение оно затуманилось, так что Конан ничего не смог в нем разглядеть, а потом увидел девушку. Хотя на ней и были кандалы, но она на-



ходила не в темной мрачной темнице, а в прекрасно обставленной комнате, которая мало чем уступала покоям короля Аквилонии.

— Где она? — спросил киммериец. — И почему она там?

— Извини, — отозвалось зеркало. — Но я не способен отвечать на какие-либо вопросы. Я могу всего лишь показывать. И все. На этом мои возможности исчерпываются!

— Жаль, — искренне сказал

Конан, разглядывая Мину. Она выглядела несчастной. «Негодяи, — подумал он, — что они с ней собираются сделать?»

Неожиданно девушка вскрикнула, и тогда Конан увидел рядом с ней большое волосатое крылатое страшилище. «Как же так, неужели кому-то все-таки удалось спастись? — Конан поджал губы. — Или же просто во власти Илуриуса находится не одно племя таких чудовищ? Впрочем, неважно; ведь очень скоро мне придется сразиться с повелителем зверолов и всеми его приспешниками. И уж тогда я обязан буду победить, чтобы спасти Мину из их мерзких лап!»

— А где сейчас Илуриус? — поинтересовался Конан.

— Какое это имеет значение? — отозвалось зеркало. — Ведь тебе с ним не справиться. Я даже больше скажу, ты ничто по сравнению с ним. И вот еще что. Наверное, тебе будет любопытно узнать, что ему известно о твоём побеге. Более того, он сам его и подстроил.

— Илуриус? — недоверчиво переспросил вар-



вар. — Но зачем ему это потребовалось? Чего он хочет этим добиться? И откуда ты, артефакт, обо всем этом знаешь, а? Признавайся!

— Если я отвечу на последний из заданных тобой вопросов, ты разобьешь меня, — нервно отозвалось зеркало. — И не смей возражать. Я хорошо знаю, чего можно от тебя ждать, киммериец!

— Я поклянусь именем Крома, что не трону тебя, если ты мне ответишь! — торжественно произнес варвар. — Ну так как?

— Дело в том, что я — Роэл, — глупо хихикнув, произнесло стекло.

— Да как ты смеешь осквернять светлую память великого воина? — рявкнул Конан, действительно намереваясь разбить зеркало.

— Если ты уничтожишь меня, то нарушишь клятву! — воскликнуло оно. — Клянусь, я на самом деле Роэл. А в этот артефакт меня превратил Илуриус, мой милостивый господин, с которым ты уже неоднократно встречался.

— Но почему? — только и спросил киммериец. Он не понимал, что здесь происходит. «Выходит, — размышлял он, — Роэл предатель? Или же повелитель зверолов, заколдовав его, заставил подчиняться своей воле?». Но Роэл развеял сомнения киммерийца:

— Ха, я всегда поклонялся Тьме, которая гораздо сильнее Света! А еще я всегда дорожил своей драгоценной жизнью! Быть может, для тебя станет откровением, но во время всех боев, в которых мне пришлось участвовать, я прятался за спины своих собратьев!



— Что? — растерялся Конан. — Но я же видел, как ты мужественно сражался с ужасными зверолодьми! И они, между прочим, тебя убили! Так что ты не можешь быть зеркалом. Я отказываюсь в это верить! Нет, даже могущественное волшебство не способно на это! Уж скорее я поверю в то, что Илуриус пытается обмануть меня!

— Зачем ему это? — засмеялся Розл. — Что касается моей последней схватки со зверолодьми, то она была ненастоящей. Никто меня не убивал, и я никого не калечил! Видишь ли, сначала я надеялся уйти от моего хозяина, так что ты никогда и не узнал бы о моем предательстве. Ведь это я заманил вас с Миной в ловушку. Но, поговорив с повелителем, я изменил свое решение.

— И стал артефактом, — хмуро произнес Конан. Он уже жалел о своей клятве. «Эх, как бы мне хотелось уничтожить его! Но я не могу нарушить свое слово, так что пускай он живет!» — Так ты все время всего лишь притворялся моим другом? — все же спросил варвар.

— Это так, — гордо произнес бывший командир наемников. — Но я не вижу в этом ничего ужасного!

Скрипнув зубами, киммериец хмуро кивнул:

— Ладно, я все понял. Но для чего Илуриус подстроил нашу встречу? Что он хотел этим доказать? Для чего ему это потребовалось? Он что, хочет убедить меня в том, что мне следует не противостоять ему, а содействовать его грязным планам?



— Не знаю. Я выполняю лишь ту миссию, которую он на меня возложил. Лучше всего тебе было бы спросить у него самого.

— Я так и сделаю, — злоеце ухмыльнулся Конан. «Но для начала я спасу Мину, а уже потом можно будет подумать и обо всем остальном!»

Конан уже собрался уходить, когда Розл, ставший зеркалом, ехидно заметил:

— Если ты отправился на выручку девушки, то знай — ничего у тебя не получится! Хоть она и находится в этом же доме, но тебе ее никогда не отыскать. Хозяин все здесь заколдовал, так что в любом случае тебе суждено погибнуть.

— Да-да, все мы умрем, — отозвался Конан, оглянувшись. — Забыл спросить о твоём амулете, оберегающем от магии. Был ли он у тебя на самом деле?

— Да, но Илуриус забрал его себе.

— Кого он боится? — возмутился киммериец. — Не думает же он, что я буду биться с ним с помощью магии? Нет, я предпочту обычный клинок!

— А с чего ты взял, что он опасается именно тебя? Кто знает, чего или кого страшится мой господин?

Задумчиво качая головой, Конан отправился на поиски девушки. Она, как случайно проговорился Розл, должна была находиться где-то рядом. «Мина близко, — знал киммериец, — но как ее найти? Да, мне известно, что она находится в роскошных покоях, но таких комнат здесь может



быть очень много. Все-таки нельзя забывать, что поскольку Илуриус — колдун, его дом просто обязан быть гораздо больше внутри, чем может показаться снаружи. Так что для того, чтобы здесь все обыскать, у меня могут уйти годы!»

— Годы, — неожиданно он понял задумку повелителя звероловцев. — А ведь злодей этого и добивается! Он же сам признался, что хочет запереть меня в темнице на несколько лет, а потом выпустить на свободу!

Конан ходил по зданию и постоянно видел одно и то же: пустые переходы, комнаты и больше ничего. «Мрачноватое местечко», — подумалось ему. Он размышлял о том, что ждет Хайборию, если в ней будут властвовать существа, подобные Илириусу. И как он, киммериец, может это изменить?

Понятно, что с его исчезновением у Немедии и Офира пропал последний шанс остановить войну. Так что скорее всего уже через несколько месяцев их захватит Аквилония, которую, в свою очередь, поработят пикты.

В конце концов, равновесие сил в мире нарушено окончательно, и теперь, вероятно, Злу наконец-то удастся осуществить свой древний план и заставить поклоняться Сету жителей всей Хайбории.

— Нет, — вздрогнул Конан. Он понимал, что у жрецов Мрака хватит мощи, чтобы его жуткие домыслы превратить в реальность. «Кром, — ужаснулся он, — а ведь все началось из-за какого-то мешка золота! Так неужели этим все и за-



кончится? И вечная Тьма опустится на мир, и змеелюди захватят власть?»

— Нет, не бывать этому! Я не позволю!

Конан еще сам не знал, как воспротивиться злобному чародейству Илуриуса, но ему было известно, что он сделает все от него зависящее, чтобы остановить то, что кажется Сету и его прихвостням неизбежным.

Устав бродить по пустым покоям, в которых он так ничего и никого не нашел, Конан вернулся в комнату с зеркалом.

— Как же мне быть, Розл? — пробормотал киммериец. — Как же мне поступить, чтобы не допустить того, что задумал повелитель звероловцев и его хозяин, Великий Змей? Они ведь уничтожат все, что мы знаем и любим. Мир изменится, станет другим. Он перестанет быть нашим домом! В нем буду хозяйничать слуги Мрака, а всему доброму, светлому, чистому в нем не останется места. И людям нечего будет там делать.

— Ну почему же? Те люди, кто захотят жить, станут рабами, а остальные — умрут. Мне кажется, это справедливо. Во всяком случае, таково мое мнение! — откликнулось зеркало.

— И ты еще защищаешь их? — хмуро поинтересовался Конан. — Илуриус же превратил тебя в зеркало!

— Ну и что? Это же не навсегда! Я просто служу ему за определенную плату! Вот и все. А потом я сам превращусь в богатого и влиятельного господина, чьи желания будут мгновенно исполняться.



— С чего ты это взял? — осведомился Конан.
— Тебе что, это обещали? Разве ты забыл, что Сет, кроме всего прочего, — Отец Ажи? Так что ни ему, ни его слугам доверять нельзя!

— Нельзя. Впрочем, я прошу не так уж много, так что думаю, что хозяин удовлетворит мои желания.

— Роэл, ты глуп, — беззлобно бросил киммериец. — Тебя убьют в ту самую минуту, как только ты станешь им не нужен. Пойми же, что ни ты, ни я не сможем жить в этом их обновленном мире Зла!

— Говори за себя.

Конан о чем-то еще ему рассказывал, убеждал, настаивал. Он не надеялся, что Роэл поможет ему выбраться. Нет, ему всего лишь хотелось выговориться.

— И знаешь, я не хочу жить в том будущем, которое для нас приготовил Великий Змей, — заключил киммериец.

— Это твой выбор, — философски заметило зеркало.

— Мой выбор, — скрипнув зубами, согласился Конан. И, разозлившись, напомнил: — Кстати, Илуриус обещал, что меня будут кормить! А я, между прочим, уже проголодался!

— Твоя еда — в твоей темнице!

— Ясно, — злобно посмотрел на зеркало Конан. Ему так хотелось разбить проклятое стекло, но клятва сдерживала этот естественный порыв варвара. «Как же мне быть?» — переживал он, пытаясь найти выход из создавшегося положе-



ния. Ему не верилось в то, что зверолоды победили его, и теперь уже ничего нельзя изменить. Нет, киммериец был уверен, что справиться с любыми трудностями и все-таки одолеет Илуриуса.

— Есть ли у тебя ко мне еще какие-нибудь вопросы? — любезно осведомилось зеркало.

— Роэл, — неожиданно Конана осенило. Он придумал, как ему выбраться из этого зачарованного дома, — покажи мне сначала дорогу к той комнате, где находится Мина, а потом путь к выходу. Исполни мое желание, ты ведь можешь это!

— Могу! Но не хочу! Ведь тогда получится, что ты обманул моего господина. Ты вырвешься на волю и нарушишь его план, а это недопустимо!

— Ты обязан показывать мне то, что я захочу! — напомнил киммериец. — Разве не для этого Илуриус оставил тебя в этом здании? Похоже, он преднамеренно дал мне шанс не только самому спастись, но уберечь еще и весь мир от Сета.

— Но зачем ему это? Он же служит Тьме!

— Не знаю, — буркнул Конан. — При встрече обязательно поинтересуюсь. А сейчас, Роэл, показывай!

И он увидел путь к свободе.

— Спасибо, — поблагодарил Конан, — я пошел! Так что прощай! Как мне кажется, мы с тобой больше никогда не свидимся.

— Ошибаешься!

Киммериец вновь отправился бродить по заколдованному дому. Но теперь ему было извест-



но куда идти, так что довольно быстро ему удалось обнаружить комнату, в которой сторожило закованную в кандалы Мину летающее чудовище.

— Ты пришел, — радостно воскликнула девушка, увидев его. — Я верила в то, что это произойдет! Я знала, что ты явишься и спасешь меня!

— Варвар, ты умрешь, — грозно прошипело страшилище.

Только сейчас киммериец обнаружил, что Илуриус, посадив его в темницу, предусмотрительно отобрал оружие.

— Мне не нужен меч, чтобы одолеть такое жалкое создание, как ты! — гордо воскликнуло он.

Чудовище, зашипев, напало на него. Оно попыталось перегрызть ему глотку, но Конан не позволил ему этого.

— Я неоднократно встречался с такими же, как ты существами, и знаю, чего от вас можно ждать! — воскликнул варвар, отрывая страшилищу голову. — Удивительно! И почему только Илуриус оставил всего лишь одно крылатое создание, а не дюжину или даже сотню?

— Это неважно, милый! — воскликнула девушка.

— Да, — устало произнес Конан. — И, надо сказать, все получилось слишком просто! Повелитель зверолодей снял с меня зачарованные веревки, которые бы я никогда в жизни не смог разорвать, а потом явно подстроил нашу встречу!



— О, Конан, ты такой храбрый! — томно прошептала Мина. — Освободи же меня!

— Сейчас, — кивнул он, подходя к ней. — Хотелось бы мне знать, на чьей все-таки стороне воюет Илуриус. Кто он? Светлый или Темный маг? Все слишком сложно!

Качая головой, киммериец напряг мышцы и разорвал цепи, которыми была скована девушка. «Хорошо хоть ее нашел, — решил он. — Но теперь пора уносить отсюда ноги! Ни мне, ни Мине здесь больше нечего делать!»

— Пошли, — произнес киммериец, беря девушку за руку.

Никто не пытался помешать им покинуть зачарованный дом. «Подозрительно все это», — переживал Конан, опасаясь того, что в любой миг на них может наброситься какое-нибудь чудовище. Впрочем, им повезло. Они спокойно выбрались наружу, и киммериец наконец-то смог увидеть над головой солнце и синее небо, которое всегда олицетворяло для него свободу.

— Я рад, что вы освободились из устроенной мною ловушки, — приветствовал их Илуриус. — Признаться, я очень боялся того, что ты, Конан, будешь там плутать вечно. Но, как видно, не стоило волноваться, ведь все получилось так, как я и задумал. Ты с Миной спасся! И теперь у тебя все еще есть время для того, чтобы остановить кровопролитие. Все произошло так, как ты и хотел! Я отдаю вам с девушкой злополучный мешок с золотом, и вы берете на себя обязательство поведать обо всем, что узнали правителям Офи-



ра и Немедии. Можете уходить прочь. Я отпускаю вас.

— Но зачем тебе это? — нахмурился киммериец. — Почему, захватив нас в плен, ты вдруг нас отпускаешь? Твой повелитель наверняка жаждет, чтобы я вечно был заперт в зачарованном доме, больше похожем на лабиринт. Для чего ты построил наш с Миной побег?

— Ничего подобного я не делал! — деланно возмутился маг. — И, если уж вам так хочется, я даже попытаюсь вас задержать. Я отдам соответствующее распоряжение своим подчиненным! Ну, ныне ты доволен?

— Нет, — растерялся Конан. — Дело в том, что я ничего не понимаю!

— А тебе это надо? — ухмыльнулся Илуриус. — Ты богат! А еще, рядом с тобой красивая девушка... Любой человек, оказавшись на твоём месте, уже был бы счастлив! Так чего же тебе еще надо?

— Ответов! — потребовал Конан. — Я желаю знать!

— Хорошо, я тебе обо всем поведаю! Видишь ли, дело в том, что я не служу силам Тьмы. Посему не Сет мой господин! Более того, ни мне, ни моему подлинному владыке не выгодно, чтобы Великий Змей захватил власть в Хйбории. Нет, нам бы этого совсем не хотелось! Но также мы не могли отказываться и от больших денег, которые нам предложили змеелюди. Жрецы Отца Ажи очень уж настаивали, чтобы мы натравили Офир на Немедию. И мы согласились, даже не подозре-



вая о том, чем это может закончиться. Впрочем, теперь уже все улажено. Ведь я могу рассчитывать на твою помощь, киммериец?

— Кто твой господин? — поинтересовалась Мина. — Назови его имя!

— Вы и так уже обо всем догадались, — вздохнул Илуриус. — Мой повелитель — Вилер, король Аквилонии.

— Так-так, — поджала губы девушка, — а что же будет дальше?

— Нечего особенного, — маг пожал плечами. — Все закончилось благополучно! Разве не так?

— Так, — вынужденно подтвердил киммериец. — Если не считать, конечно, смертей нескольких сотен славных бойцов и того, что я до сих пор не знаю, откуда взялись зверолюди и как тебе удалось подчинить своей воле крылатых чудовищ.

— Мы пришли сюда, как и ты, Конан, с Севера, — объяснил Илуриус. — А на второй твой вопрос позволь не отвечать!

— Отлично! — улыбнулась Мина. — Так мы можем идти?

— Да, — подтвердил маг.

— Пстой, — произнес киммериец. — Илуриус, а что будет с Роэлом, который, между прочим, уверен, что действует по поручению одного из верных слуг Сета? И, если не секрет, что ты ему обещал за то, чтобы он некоторое время побыл зеркалом?

— Мину, — отозвался маг. И увидев гнев в глазах Конана, быстро добавил: — Не тревожься!



О сроках мы не договаривались. Так что Роэл получит девушку через много-много лет, тогда, когда ей останется всего лишь сутки жить в этом мире.

— Тогда я буду уже старухой? — расхохотавшись, спросила девушка. Дождавшись его кивка, она заметила: — Ловко придумано!

— Как же хитро ты все провернул, — восхищено произнес киммериец. Почему-то ему хотелось зарубить повелителя звероловцев. — Кстати, где мой меч?

— Вот, я возвращаю его тебе, — в руках Илуриуса появился клинок. — Ну все, теперь, когда вам все известно, уходите! Вам здесь больше нечего делать! Я даже распорядюсь, чтобы вам выдали двух лошадок!

И вот, когда Конан и Мина уже собрались уезжать, из дверей зачарованного дома вышел Роэл, неожиданно вновь ставший человеком. По его лицу блуждала не сулящая ничего хорошего улыбка.

— Ты хотел обмануть не только меня, Илуриус, но и самого Сета! — торжественно вскричал он. — А это никому не позволено! Великий Змей не прощает изменников! Позор тебе!

— Кто бы говорил, — буркнул повелитель звероловцев. — Разве ты сам не предатель?

— Я всегда подчинялся воле Отца Тьмы!

— А я никогда не клялся ему в преданности, — парировал Илуриус. — Единственное обещание, которое я дал ему, я сдержал. Так что ему не в чем упрекать меня! Я, как и было уговорено,



взял киммерийца в плен. Не моя вина, что ему удалось выбраться из волшебной темницы раньше, чем это было нужно Сету!

— Твоя! — зло произнес Роэл. — И за это тебя ждет страшная участь, по сравнению с которой смерть покажется благословением!

— Тебе не запугать меня! — рявкнул маг. — Я гораздо сильнее тебя!

— Был, — равнодушно сказал приспешник Мрака. Он, взмахнув руками, выкрикнул заклятье. — Все, я лишил тебя магической силы.

— Стража! — воскликнул Илуриус. — Убейте его!

Но звероловцы не прибежали на его зов. Они, тупо переглядываясь, встали на четвереньки и принялись жевать траву. «Роэл сделал так, что в них победило звериное начало, — понял киммериец, поглаживая рукоять меча. — Мнится мне, что уже в который раз сражаться с черным магом придется мне! Эх, все-таки обычный стальной клинок никогда не подведет в отличие от волшебства!»

— Сейчас ты узришь мою мощь! — объявил Роэл. — Я сделаю то, на что ты не решился! Сначала я уничтожу киммерийца, а потом займусь тобой!

Илуриус отшатнулся от него.

— Нет! — выкрикнул он. — Я не могу позволить тебе этого!

— Ты не в состоянии противостоять мне, — презрительно посмотрев на него, рассмеялся Роэл. — Кстати, Конан, пришла пора тебе расска-



зять, как именно Мина вызнала у меня про зверолодей! Она соблазнила меня!

— Ложь! — выкрикнула девушка. — Я приставила к твоему горлу нож, и ты поведал мне о золоте! Поэтому-то я и была против того, чтобы ты отправился с нами за золотом! Ты — трус, тебе нельзя доверять!

— Я служу Повелителю Тьмы! — произнес бывший командир наемников.

И тут Конан вспомнил про амулет, который, по словам Роэла, у него отобрал Илуриус.

— Все равно, повелитель зверолодей победил! — заявил киммериец. — Ведь он является обладателем талисмана, благодаря которому на него не могут подействовать твои чары!

— Уже нет, — улыбнулся Роэл, — едва я обрел мощь, я сразу же вернул себе статуэтку Митры!

— И Отец Тьмы позволил тебе это? — изумилась Мина.

— А что такого? — испугался вдруг Роэл.

«Пора», — решил киммериец, набросившись на него. Один точно рассчитанный удар, и Конан зарубил Роэла.

— Все, — выдохнул он, рассматривая то, что осталось от слуги Мрака.

— Ошибаешься, — шевельнулись губы мертвеца. — Зверолоды, взять их!

На Конана набросилось несколько дюжин противников. Они были могучи и умели обращаться с оружием.

«Кром, не так-то просто будет со всеми ними справиться», — подумал киммериец, сражаясь.



Он бился, парировал вражеские удары и наносил ответные.

Но вот силы начали покидать его, и Конан уже вынужден был только обороняться. Он вымотался. Ему хотелось, чтобы эта битва закончилась как можно быстрее. Но он не мог себе позволить сдаться, ради Мины он обязан был победить!

— Смерть! — страшно закричал он, с трудом ворочая ставшим невероятно тяжелым мечом.

«Я одолею их!» — размышлял он, сражаясь. Он даже не думал о том, что может погибнуть. Он верил в свои силы! И, в конце концов, удача оказалась на его стороне.

— Тебе не победить! — кричал мертвец Роэл. — Это невозможно!

— И все же, — разлепив разбитые в кровь губы, прошептал киммериец, — это так. Им не удалось справиться со мною!

— Да, ты убил их, — наконец, признал он. — Но перед тем как навсегда покинуть пределы этого мира, позволь мне кое-что тебе сказать. Ты, конечно, справился со зверолодьми, но вот ни Илуриуса, ни девушку ты защитить не сумел! Они погибли.

— Что?! — выкрикнул киммериец. Оглядевшись, он, действительно, заметил два изуродованных трупа. — Илуриус, Мина!..

Все было кончено. Можно было уезжать... Но перед тем, как отправиться в путь, Конан закопал всех, кто здесь погиб сегодня. Отдельную могилу он вырыл для девушки.



— Милая, — прошептал он, — прости, я не сумел тебя спасти. Но я всегда буду помнить о тебе!

Забрав золото и волшебный амулет, Конан отправился в Офир. Он надеялся, что сможет убедить тамошнего правителя прекратить войну.



Страж



А куда ты теперь, Конан? Домой, небось?

— Дома у меня нет, Гильнат. Хотя отдохнуть не мешает. Двадцать лет в походах.

— По тебе не скажешь, — смуглый черноволосый крепыш со шрамом на подбородке покачал головой. — В каких только передрягах не побывал, голова отчаянная, а на вид все такой же. Будто не так давно бороду брить начал. Чудеса, да и только.

— Мне на пользу походная жизнь, — ухмыльнулся воин, однако Гильнату показалось, что в глазах приятеля мелькнула тревога.

— Походы походами, а не желаешь ли ко мне в гости заехать? Парень-то мой совсем здоровенный вырос. Небось, и не узнаешь его теперь.

— Спасибо, Гильнат. Пожалуй, заеду при случае. А сейчас — ждет меня кое-кто. Давно ждет.



— Вот новость-то! Никак Конан подружку себе завел! И кто она?

— Она хозяйка одного замка, — уклончиво ответил Конан. — Бедовая такая девица.

— Вроде тебя, значит! — хохотнул Гильнат, хлопнув приятеля по плечу. — Далеко ехать-то?

— Да за пару недель доберусь, если нигде не задерживаться.

* * *

Струйки воды упруго змеились по камням, поблескивая на утреннем солнце, и Иргиль невольно загляделся на них, сидя на корточках и опираясь ладонью на обломок скалы. Мальчик опустил в воду руку, рассеянно наблюдая за бусинками воздуха, облепившими пальцы.

Конечно, Реллана неспроста отослала его сегодня с утра пораньше в горы за травами. А ведь совершенно ясно, что дело не в травах. Просто она не хочет, чтобы племянник видел ее за работой. Ну, не хочет, и ладно. Бывает. Но зачем тогда было брать его в ученики? И ведь сначала все шло хорошо, два месяца она занималась с ним, и вдруг, как раз когда он начал делать успехи, вдруг передумала. Стала уговаривать его вернуться домой, к родителям, стать охотником или воином, как большинство его сородичей. Но Иргиль к тому времени уже почувствовал вкус к колдовству. Еще бы! Дом Релланы был буквально пропитан магией. Иргиль любил смотреть, как волшебница выходит по вечерам в сад, самым



будничным голосом произносит несколько слов, и маленький светящийся шарик послушно всплывает на ее узкой ладони и, подпрыгнув вверх, цепляется за ветки дерева. Мальчик мечтал, что когда-нибудь станет подобен ей, и все тайны мира откроются ему, и вернется он к соплеменникам могущественным колдуном, не знающим себе равных. Или — не вернется, а пойдет бродить по свету в поисках невероятных подвигов и новых знаний. Или — выстроит себе замок, как делают некоторые из волшебников. Или... Как бы то ни было, возвращаться домой теперь зазорно получится. Люди скажут — не вышло волшебника из Иргиля. Не справился. И поди доказывай потом, что ты чего-то стоишь.

Он вспомнил, как долго бился над заклинанием, вызывающим свет. Как тщательно копировал слова и действия Релланы, но вместо изящного шара-светлячка с его ладони каждый раз с сердитым шипеньем сыпались искры. Пару раз дело кончалось небольшим взрывом, а однажды едва не случился пожар. А потом, когда он уже почти потерял надежду, у него вдруг начало получаться, как-то само собой, и с каждым разом все лучше, так что вскоре он и сам не понимал, что здесь такого трудного и почему у него так долго ничего не выходило... И вот теперь Реллана упорно не хочет учить его магии и сердится, когда он пытается дойти до чего-то сам, листая тайком ее книги. Несколько раз он ловил на себе ее печальные и виноватые взгляды. Что же произошло? И почему она не хочет ничего ему толком сказать?



Иргиль зачерпнул со дна пригоршню камешков и всмотрелся. Ничего стоящего. Обычные обломки породы, серые, красновато-коричневые... А ведь как здорово было бы найти невиданный самоцвет или, скажем, волшебное кольцо, которое сотни лет назад потерял здесь какой-нибудь колдун! Может, тогда Реллана на радостях опять согласилась бы учить его?

Камешки с глухим стуком падали обратно в ручей, поднимая фонтанчики брызг. Иргиль вздохнул. Пора идти дальше, если он хочет засветло вернуться домой. Мальчик собрался выбросить последний камень, мутно-желтый кусочек кварца, выглаженный водой, но вместо этого зажал его в кулаке и зажмурился, очень ясно представив себе, каким *мог бы быть* этот камень. Каким он *должен бы быть*.

Похожий на капельку густого темного меда. А еще — на янтарь, который Иргиль видел как-то раз у Релланы. От поверхности к сердцу камня тянутся нити, черные и белые, похожие на паутину. И там, в золотистой глубине словно крошечный уголек тлеет: камень спит. А проснется — вспыхнет яростным светом, и не будет преград для его силы. *Солнце-камень* — Иргиль сам не знал, откуда пришло это имя.

Мальчик осторожно перевел дыхание, разжал пальцы, открыл глаза, и на мгновение почудилось ему — лежит на ладони то самое золотистое чудо, что он только что себе представлял. Да только через мгновение ясно увидел Иргиль: почудилось. Кварц — он и есть кварц. Тусклый.



Уныло-желтый, словно зубы у старой лошади. С трещинкой. Бросовой камень, ничего интересного.

А все же Иргиль медлил выкинуть камешек: все казалось ему, что сквозь невзрачный облик проступает тот, иной, *истинный*. Словно солнце, до времени скрытое облаками. Словно будущая бабочка, дремлющая в коконе. Словно сверкающий клинок, заботливо спрятанный в потрепанных ножнах. Солнце-камень в обличье кусочка кварца.

Иргиль не решился его выбросить. И даже сунуть в карман не решился, опасаясь потерять. Развязал поясной кошель, где хранил немногие свои сокровища, аккуратно спрятал туда. И отправился дальше.

Солнце окончательно вылупилось из облаков, и воздух над раскаленными камнями переливался тяжелыми волнами. Казалось, что скалы вот-вот задымятся. Надломы на них напоминали царпины, оставленные гигантской когтистой лапой.

Вот она, долина, где они с Релланой всегда собирают травы. Серые и коричневые обломки скал. Шумит река, и бурые струи воды подпрыгивают на камнях, разбрызгивая хлопья пены — словно поровистые лошади. Растения здесь, вроде бы, те же, что и везде. Ан, нет. Те же, да не те. В этой долине земля так и сочится силой, даже Иргиль это чувствует.

Мальчик достал нож, направился к одному из редких кустиков невысокой травы с мелкими



светло-голубыми цветочками и принялся срезать тонкие, волокнистые стебельки.

* * *

Уже в сумерках Иргиль поднялся по крутой тропинке к дому Релланы. Мальчик собрался уже толкнуть дверь, но вдруг передумал и тихонько двинулся в обход дома, к старому дереву, росшему у самой стены. Привычно подтянулся, вскарабкался по толстым ветвям на самый верх и протиснулся в окно чердака.

Здесь Иргиль проводил почти все свободное время. Забивался в укромный угол и просиживал долгие часы над какой-нибудь толстенной старой книгой в растрепанном переплете, бережно переворачивая хрупкие желтые страницы и до боли в глазах вглядываясь в неровные, выцветшие строки и вытверживая наизусть непонятные слова заклятий. А еще он пользовался каждым удобным случаем, чтобы подсмотреть за работой Релланы, стараясь запоминать, что и как она делает. Волшебница понятия не имела о том, как далеко зашел племянник в своей погоне за недоступными знаниями.

От окна до двери пришлось идти очень медленно, крадучись, чтобы ненароком не скрипнула под ногами половица. Бережно придерживая дверь, Иргиль протиснулся в щель и, присев на корточки на ступенях лестницы, поглядел вниз.

На столе в кажущемся беспорядке валялись раскрытые книги, обглоданные временем перга-



менты, стебельки сушеных трав, какие-то предметы, назначения которых Иргиль так до сих пор и не выяснил: обрывки кожи и коры, резные кусочки дерева и комки глины. Рядом — горшочки и коробочки с плотно закрытыми крышками.

Из мастерской не доносилось ни звука. Не было пряного запаха трав, варящихся в огромном котле вместе со змеиными головами, крысиными коготками, овечьей шерстью и прочими необходимыми составляющими магических зелий Релланы. Не метались по стенам и полу золотистые, зеленые и багровые отсветы. Не подрагивали камни старого дома в такт колдовским напевам.

Иргиль тихонько спустился, неслышно прошел по короткому коридору и замер, услышав тихие голоса за дверью комнаты Релланы.

— ...Преувеличиваешь опасность, — произнес незнакомый мальчику голос, высокий и по-девичьи звонкий.

— Нет, Кешт, — отозвалась Реллана. — Ты ведь давно меня знаешь. Скажи, разве я склонна к этому?

— Прежде не замечала такого за тобой, — задумчиво отозвалась Кешт. — Но времена меняются. И мы тоже.

— Ну, ты-то выглядишь почти так же, как тогда, в Замке Единорога, — в голосе Релланы прозвучала улыбка, но тут же исчезла, сменившись тревогой, — только вот...

— Только — что?

— ...На тебе как будто лежит тень. Я не сразу заметила.



— Последствия одного не слишком приятного приключения, — небрежно обронила Кешт, но Иргиль готов был поклясться, что эта небрежность кажущаяся.

Видимо, отвечая на невысказанный вопрос Релланы, гостя продолжила:

— Мне пришлось второй раз пройти Посвящение.

— Ты... хочешь сказать, что повторно спускалась в Каменную Пасть? Ты обезумела, Кешт! Да лучше самой зелье смерти принять, чем такое! Я вообще не понимаю, как ты оттуда выбралась.

— Зря пугаешься, — спокойно ответила гостя. — Это действительно я. Не призрак и не морок. На вот, хоть руку пощупай: живая я, можешь не сомневаться. А почему полезла — выхода другого не было. Да и не одна я была. Помогли.

— Ты не могла оттуда выйти, — упрямо повторила Реллана. — Так не бывает.

— Но однако, я вышла. Правда, Пасть не осталась голодной. Быть может, поэтому нам удалось уйти.

— А что об этом сказали на Конклаве?

— А для Конклава я больше не существую. Исключили меня.

— Те-бя? Магистра? Одну из сильнейших волшебниц? Что же ты натворила, Кешт?

— Свернула шею одному зарвавшемуся щенку, — в голосе гостя внезапно зазвенела сталь. — Впрочем, если быть точной, юноша пал жертвой неосторожного обращения с магическими предметами.



— Но разве не нашелся никто, чтобы за тебя поручиться? Ведь можно...

— Восстановиться в Ордене? — ядовито спросила гостя. — Явиться с повинной, словно нашкодившей девчонке, покаяться в содеянном, снова начать с двенадцатой ступени, вместе с юнцами, только что прошедшими Посвящение, так?

— Н-ну...

— После того, как — спасибо бывшим соорденцам — мне пришлось лезть в Пасть, да еще тащить за собой туда друга, потому что одна бы я наверняка не вышла? Нет, Реллана. Возможно, Орден во мне не нуждается, но я-то уж точно в нем не нуждаюсь. Кештиора Арнамагелльская никогда никому не кланялась. И не будет.

— Но одной...

— Справлюсь и одна, — гордо ответила Кешт. — Кроме того, Реллана, я достаточно сильна, чтобы основать собственный Конклав или Орден. Если надумаю.

— Да, ты сильна, — согласилась волшебница. — Но и безрассудна.

— Что ж, безрассудство часто с силой рука об руку ходит, — почти весело сказала гостя. — Но мы отвлеклись от темы. А я так и не поняла, почему ты хочешь отдать мальчишку мне?

— Именно поэтому. Из-за твоей силы. Я надеюсь, что ты сможешь ему помочь.

— Помочь тому, кто обречен сгинуть в Пасти? Хм-м... Реллана, я, конечно, одна из лучших колдуний нашего времени, но ты все же преувеличиваешь мои возможности.



— Но ты же сумела выбраться...

— Уф! Скажи лучше, почему ты не хочешь просто отправить племянника домой.

— Он талантлив, Кешт. Он безумно талантлив. И он хочет учиться.

— Быть может, ты ошиблась, и ему ничего не грозит?

— Я *вопросила* трижды.

— Знаешь, скажи уж прямо, что ты не хочешь брать на себя ответственность.

— Нет, Кешт. Мне просто жалко Иргия.

— А почему ты не хочешь обратиться за помощью в Орден.

— Потому что я знаю, что они скажут. Что против судьбы не пойдешь, что мальчику надо забыть о магии. При Посвящении часто гибнут даже те, кому это предсказано не было. А уж тут... Нет, ордены не помогут.

— Угу, а Кештиора Арнамагелльская, волшебница вне закона, достаточно безрассудна, чтобы повесить себе на шею эту заботу и посмотреть, что получится. Так?

— Не только это, Кешт. Признайся, ведь тебе интересно. Ты ведь любишь задачки, с которыми не в состоянии сладить никто другой.

— Верно, люблю. Да, интересно.

Волшебница помолчала.

— Что ж, Реллана. Я согласна. Правда, осталась еще одна... мелочь.

— Это какая же?

— Уговорить Иргия.



* * *

Иргия уговаривать не пришлось. Впрочем, Реллану это не особенно удивило: мальчик всегда отличался любопытством. Да и сообразил, видно, что это единственный шанс для него все-таки научиться магии. Вот только — вполне ли понимал, чем рискует. Вряд ли.

Парнишка быстро собрался и готов был уже идти к выходу, но Кештиора знаком остановила его. Коснулась кончиками пальцев широкого металлического браслета на левом запястье — Иргиль успел разглядеть странный узор из каких-то углов и зигзагов — и прямо из воздуха появилась дверь. Призывно распахнутая. А за ней — вроде бы, зал.

— Что ж, Реллана, — Кештиора Арнамагелльская улыбнулась. — Пожелай мне удачи. И пуще того — Иргию. Она понадобится нам обоим. Ох, как понадобится!

— Желаю, — тихо сказала Реллана, пожав маленькую ладонь подруги. — И — будьте осторожны.

* * *

Иргиль устроился в кресле у камина, следя взглядом за хозяйкой замка, которая, сцепив за спиной тонкие руки, расхаживала по залу. Роста Кештиора Арнамагелльская была невысокого, и на вид казалась бы хрупкой, если бы не кошачья грация движений. Нет, не хрупкой она была, ско-



рее гибкой, словно узкий стальной клинок. Золотисто-рыжие вьющиеся волосы падали на плечи, обтянутые черным бархатом платья. А взгляд был то пугающе пристальным — и тогда глаза ее наливались густой изумрудной зеленью, то насмешливым — и тогда в глазах вспыхивали золотистые искорки, то задумчиво-отрешенным — тогда глаза волшебницы отливали голубизной.

А еще Кештиора Арнамагелльская казалась до странности юной. Правда, Реллана тоже в свои четыреста восемнадцать лет выглядела никак не старше тридцати. Но подруга ее на вид была совсем девчонкой. Это если в глаза не смотреть, конечно.

— Что такое Замок Единорога? — спросил Иргиль.

— Подслушивал, — небрежно обронила волшебница вместо ответа.

Развернулась к ученику, смерила насмешливым взглядом:

— Ведь подслушивал, м?

Иргиль покраснел. Впрочем, Кештиора, кажется, не сердилась.

— Я знаю, что Реллана тебе не рассказывала о нем. Она ведь тебе вообще почти ничего не рассказывала. А еще — я тебя почувствовала еще на подходе к дому.

— Но ты же меня не знала. Как же могла почувствовать.

— Пф-ф! Ты же волшебник, хоть и необученный. Тебя любой из нас за лигу почует. А я — так и вовсе любое приближение ощущаю. Не только



магов. Здесь, в Арнамагелле, особенно. Вот сейчас, к примеру, куда едет гость. И я уже знаю, кто.

Взгляд ее кошачьих глаз смягчился и затуманился, а на губах на мгновение появилась мечтательная улыбка.

— Но он доберется до замка не раньше завтрашнего вечера, — не без некоторого огорчения заметила Кештиора. — У нас еще масса времени, Иргиль.

Она уселась в кресло напротив мальчика и соединила кончики пальцев.

— Замок Единорога принадлежит четверым волшебникам из двенадцати наиболее могущественных. Там мы с Релланой когда-то учились. А еще там проводятся ежегодные магические турниры.

— А ты в них участвуешь? Возьми меня с собой, госпожа Кештиора!

Колдунья помрачнела и отрицательно качнула головой.

— Прежде участвовала. Теперь — нет.

— Почему?

Зеленые глаза Кештиоры сузились.

— Ты ведь слышал мой разговор с Релланой.

— Волшебница вне закона, — тихо сказал мальчик.

— А теперь, — Кештиора поднялась, — нам надо заняться делом.

* * *

Волшебница срезала прядь волос Иргилья и со-



жгла в большой бронзовой чаше, позеленевшей от времени. Потом снова коснулась браслета — и дверь на сей раз открылась прямо на горную вершину, покрытую снегом.

— Бегом, — приказала колдунья. Набери снега в ладони и принеси. Да не урони по дороге. Не бойся, дверь никуда не денется.

Иргиль спешил, но когда он, запыхавшись остановился возле стола, снег в ладонях почти растаял.

— Воду в чашу, — коротко распорядилась Кештиора. — Теперь — вот.

Сняла с пояса короткий кинжал, протянула рукоятку Иргилю.

— Нужна твоя кровь.

Мальчик сжал губы, провел заточенным клинком по запястью и дал нескольким темным каплям упасть в чашу.

— Молодец. Реллана учила или подглядел? В книге прочел? Втихаря? Ишь, упорный!

Кештиора положила ладонь на ранку и почти тут же убрала: порез затянулся.

Добавила в чашу светлого вина из большой глиняной бутылки:

— Ритуальное. Из Замка Единорога. Там его делают по особым рецептам.

И наконец, достала небольшой мешочек из темно-серого полотна.

— Земля, — сказала она тихо. — Земля, собранная у Каменной Пасти. Теперь смотри внимательно. Если жидкость в чаше станет золотисто-прозрачной, ты пройдешь Посвящение и живым



выйдешь из Пасти. Почти наверняка выйдешь — хотя бывали случаи, что гибли и те, кому была предсказана жизнь. По неосторожности ли, время ли выбрали неудачное, чтобы в Пасть войти, неизвестно. Гибли. Если жидкость зеленой делается, можно, конечно, попробовать, но уже опасно. Не все идут на такое. Ариниона, последняя ученица моя, не отважилась. Ушла на север, стала ведуньей в одном из сел. Но волшебницей — настоящей волшебницей уже никогда не станет. Если синий цвет увидишь, еще хуже. Считай, пять шансов из десяти выбраться из Пасти живым. Тут уже мало кто рискует. Если станет жидкость красной, как кровь, лучше отказаться от Посвящения. Почти нет надежды остаться в живых. Правда, тот, кто решится, силу обретает огромную, и дар его природный возрастает многократно. Ну, а если все чернотой затянет — это конец. Верная смерть.

— А... ты?

— Что я?

— Какой у тебя цвет получился?

— Красный. Никто не верил, что я вернусь. Реллана — у нее-то золотистый был — уж так меня отговаривала. Чуть ли не силой удерживать пыталась.

— Но ты все же спустилась...

— Спустилась. Потому что поняла, что обретение силы и возможность полностью раскрыть свой дар мне дороже жизни. Вернее, дороже той жизни, на которую я обречена, если не пройду Посвящение. Пустой и бессмысленной.



— И тебе не было страшно?

— Было, конечно. Если бы ты когда-нибудь почувствовал дыхание Каменной Пасти, понял бы, что не страшно там в принципе быть не может. Просто — я была готова на все. И прошла.

— Госпожа Кештиора, а можно... еще вопрос?

— Ну?

— Если бы ты увидела черный цвет в чаше, ты бы как поступила?

— Не знаю, Иргиль, — волшебница отвела взгляд и сцепила тонкие пальцы в замок. — Не знаю.

— А ведь ты... была там... дважды.

— Да. Но еще неизвестно, чем придется расплачиваться за второй раз.

Кештиора досадливо тряхнула огненными волосами.

— Смотри. Реллана трижды заглядывала в твое будущее и все три раза результаты сходились. Иногда знамения нас обманывают. Чаша не лжет. Смотри, Иргиль.

Волшебница высыпала из мешочка в ладонь немного земли. Осторожно растерла пальцами. Протянула руку к чаше.

Легкое серо-коричневое облачко медленно опустилось на поверхность жидкости в чаше — и растворилось.

Иргиль и Кештиора затаили дыхание, всматриваясь.

Со дня чаши поднялась муть, словно ил с потревоженного речного дна, за клубилась, темнея и постепенно меняя окраску.



Красновато-коричневый цвет.

Серый.

Черный.

* * *

— Кештиора! Кешт!

Рослый темноволосый воин с запыленной походной одежде едва не на ходу соскочил с коня. Иргилью показалось, что гость сейчас бросится бегом вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Но тот поднялся не спеша, степенно и лишь у самых дверей сбросил напускную важность и крепко обнял улыбающуюся колдунью.

— Ты совсем не меняешься. Столько лет не виделись, а ты все такая же, моя Кешт!

— Мы, волшебники не стареем, Конан. Разве я не говорила тебе об этом?

— Вы, волшебники... Ты вот лучше скажи, что ты со мной содеяла, колдунья рыжая?!

— А что я с тобой содеяла? — в голосе Кештиоры слышалось неподдельное любопытство.

— Пять лет, Кешт! Пять лет... Но посмотри — я-то ведь тоже не изменился. На меня уже старые товарищи косятся — на вид я им в сыновья гожусь. А ведь ровесники.

— Не изменился? — хмыкнула волшебница. — Я бы не сказала. В последний раз, когда я тебя видела, ты был умыт и причесан. А сейчас вопородой зарос, как разбойник, и в пыли по уши. Не изменился он!



— Брось, Кешт! Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

— Милый мой Конан, — Кештиора ласково положила руки ему на плечи. — Это не тот разговор, который удобно вести на пороге, поверь мне. Ты ведь не собираешься покинуть Арнамагелль прямо сейчас?

— Нет, Кешт, — ухмыльнулся Конан. — Так быстро ты от меня не отделаешься, и не надейся.

* * *

— Так все-таки, Кешт, что произошло? Почему я не старею?

Конан и Кештиора стояли вдвоем на вершине башни, и легкий ветерок ласково перебирал их волосы.

— А ты хотел бы стареть? — волшебница небрежно облокотилась на ограждение и посмотрела в глаза воину.

— Я хотел бы понять, что происходит. Точнее, что произошло тогда, во время нашей последней встречи.

— Ты коснулся мертвой воды в Каменной Пасти. Единственный из людей, не обладающих магическим даром.

— Но ведь я... жив?

— Тот, кто проходит Каменную Пасть и остается в живых, может обрести бессмертие, — спокойно ответила колдунья. — Ты не волшебник, поэтому вряд ли будешь жить вечно, но постарейся не скоро...



— Сколько же тебе лет, Кештиора Арнамагелльская?

— Четыреста двадцать.

— И все маги, прошедшие Посвящение, бессмертны?

— Правильнее сказать: не подвержены старости. Волшебники часто гибнут, Конан. Когда от рук врагов, когда по собственной неосторожности. А тот, кто не погибает...

Кештиора вдруг зябко обхватила себя руками за плечи и отвела взгляд.

— Пасть приходит за нами, Конан. Приходит сама, когда наступает срок. Усиливая свой дар, избавляясь от старости и болезней, мы словно берем у нее жизнь взаймы. И рано или поздно наступает время возвращать долг. Когда через тысячу лет, а когда через десять тысяч. Наступает. Для каждого.

— И... ты?

Кештиора молча спрятала лицо у него на груди.

* * *

— А ты молодец, Иргиль, — Конан убрал меч в ножны. — Ловок, быстр. Не боишься. Оружие чувствуешь.

Обнаженный торс воина блестел от пота. Конан неспешно прошел к колодцу, вытащил ведро воды и с наслаждением вылил на себя.

Иргиль молча наблюдал за ним.

— Из тебя вышел бы хороший воин. И я охотно взялся бы учить тебя, — сказал киммериец.



— Это она тебя попросила? — спросил мальчик, глядя на него в упор. — Она, Кештиора? Но ведь она-то сама стала волшебницей. Не испугалась, рискнула. Потому что знала, чего хочет, и добивалась этого.

Он задумчиво посмотрел на обнаженный меч, который все еще держал в руке. Очень легкий меч, специально предназначенный для обучения.

— Почему же она хочет, чтобы я предал свою мечту, свой дар? Предал себя? — с горечью спросил мальчик.

— Потому что ты не равен своему дару, Иргиль, — раздался спокойный голос за спиной мальчика. — И он у тебя не единственный. Потому что сейчас у тебя есть две возможности: стать посредственным колдуном, не прошедшим Посвящение, или сгинуть в Каменной Пласти. Все. И тут даже я ничего не смогу поделать.

Волшебница подошла и положила руку мальчику на плечо.

— Не отступить я предлагаю тебе, а лишь поискать обходной путь. Да, он будет труден и долг, но в конце концов приведет тебя к цели. Упорство, мой милый Иргиль, это хорошо. Но упорство без гибкости — та же глупость. Конан, — повернулась она к гостю, — многие ли из воинов владеют магией?

— Я не знаю ни одного.

— Итак, Иргиль, ты можешь стать первым. Единственным. Тебе ведь понравилось фехтовать?

Мальчик молча кивнул.



— Я не предлагаю тебе отказаться от магии. Ты прирожденный волшебник, и не перестанешь быть им, как не сможешь разучиться дышать. Но раз обычный путь волшебника для тебя закрыт, будем искать иные, нехоженые тропы. Рано или поздно мы своего добьемся. Ну, как?

Иргиль улыбнулся и посмотрел ей в глаза.

— Я готов.

Перевел взгляд на воина:

— Когда мы отправляемся, господин?

— Конан, мой мальчик. Ты можешь называть меня Конан.

* * *

Они прожили в Арнамагелле еще девяносто дней. Иргиль успел облазить весь замок, но в основном его время уходило на тренировки с Конаном. Кештиора частенько наблюдала за ними, если не возилась у себя в мастерской.

А Иргиль обнаружил, что бой на мечах или стрельба из лука ничуть не менее увлекательны, чем магия. Да и получалось у него все лучше и лучше.

Кештиора ничего не говорила, и непонятно было, довольна ли она новым увлечением ученика или разочарована.

— Вот, — сказала она как-то, спустившись во двор, где Конан и Иргиль только что закончили фехтовать и обливались у колодца водой. — Вот, возьми.

И протянула мальчику небольшой кинжал,



очень похожий на тот, что висел у нее на поясе, но с золотистым камнем в навершии.

— Это на память обо мне.

— На... память? — ошарашенно переспросил Иргиль. — Но мы ведь еще увидимся. Мы будем к тебе приезжать.

— Конечно, будете, — как-то уж очень поспешно сказала волшебница. — Просто, если ты вынешь кинжал из ножен, коснешься клинка и подумаешь обо мне, я услышу. И он почувствует это — он станет теплым. И камень засветится.

Только тут мальчик вгляделся внимательнее и изумленно ахнул: в рукояти кинжала был точно такой же камень, как тот, что Иргиль когда-то нашел в ручье. Только этот был таким наяву, и не нужно было закрывать глаза, чтобы увидеть его истинную природу.

— Ты где-то уже видел такой, — прищурилась волшебница, которая внимательно наблюдала за мальчиком.

Вместо ответа Иргиль опрометью кинулся вверх по лестнице и исчез за дверью.

— Тебя что-то тревожит, — негромко предположил Конан. — Ты хочешь, чтобы мы иногда проверяли, все ли с тобой в порядке, так, Кешт?

— Я просто буду скучать по вам, — небрежно пожала плечами волшебница. — Надеюсь, и вы тоже, — она усмехнулась, — воители.

— Что-то ты мне не нравишься в последнее время, Кешт, — озабоченно сказал Конан. — Что гнетет тебя, может, расскажешь?



Какое-то мгновение казалось, что волшебница колеблется, но тут дверь снова распахнулась, запыхавшийся Иргиль, прыгая через две ступеньки, сбежал по лестнице и протянул колдунье небольшой камешек.

— Ты... — ее глаза округлились, — ты где это взял?

— Нашел. В ручье. Если закрыть глаза...

— Да, — задумчиво сказала волшебница, разглядывая невзрачный камешек, лежащий у нее на ладони.

Конан только тяжело вздохнул, окинув критическим взглядом эту странную парочку. Он понятия не имел, что такого удивительного может быть в кусочке мутно-желтого кварца. Да и не хотел этого знать. Воин отошел к колодцу, набрал воды и принялся, не торопясь, умываться.

— Пусть он живет у тебя, — тихо попросил мальчик. — Ты ведь знаешь, как его... пробудить?

— Знаю, — колдунья провела по камешку кончиком пальца. — И пожалуй, ты прав. Солнце-камни редко встречаются, и лишь волшебник может угадать один из них в простой гальке. Только сильнейшие маги способны пробуждать душу их. Те же, кто обмениваются такими камнями, всегда сумеют услышать друг друга, где бы они не находились. Рассказывали когда-то в Замке Единорога о магах, которым удавалось объединять свою силу при помощи солнце-камней. Но это очень непросто и далеко не у всех получается.

— А откуда они взялись, камни эти?



— В точности никому не известно, хотя есть легенда об этом. Что солнце — это чан с расплавленным золотом, и Небесный кузнец в давние времена делал из того золота украшения для богинь.

И вот как-то раз насмерть рассорились богини из-за одного ожерелья красоты исключительной, да так рассорились, что учинили драку и порвали то ожерелье, и осыпалось оно на землю золотым дождем. А еще они опрокинули чан Небесного кузнеца, и уронили его на землю. Чан был тяжелый, и земля раскололась в месте удара, и оплавилась края ее, когда пролился на нее расплавленный металл — так появилась Каменная Пасть из гнева и боли земли. Боги собрались вместе и подняли чан обратно на небо. Но Земля не забыла обиду, и в глубине подземелья слезы ее водопадом срываются в озеро, и никогда не иссякнут те слезы. Но показать их Земля не хочет, и оттого уничтожает всякого, кто приближается ко входу в Каменную Пасть.

Вот почему, хотя места эти богаты золотом, добыть его людям не удастся. И если волшебник, пришедший, чтобы обрести силу, позарится на то золото, он обречен гибели. Земля не прощает напоминания о древней обиде. И когда спустились на нее богини искать золотые бусины, они не нашли не одной. Земля спрятала бусины под личиной тусклых камешков, и ни людям, ни богам не открывается их истинный облик, но лишь волшебникам, которые стоят между людьми и богами, между Землей и Небом.



— Но... Посвящение, — Иргиль недоуменно сдвинул брови.

— Что — Посвящение?

— Ты сказала: волшебники *между* Землей и Небом. Почему же они принимают только силу Земли?

— Легенды говорят, что доколе существует Каменная Пасть и солнце-камни не собраны и не возвращены Небесному кузнецу, до тех пор Земля и Небо будут враждовать, и полное Посвящение невозможно.

— А кто-нибудь пробовал... ну... брать силы у Неба?

— Пробовали. Напрасно. Небо молчит.

* * *

— Куда вы отправитесь, Конан?

Он пожал плечами:

— Сначала до ближайшего города, узнаем последние новости, а дальше — куда получится. Воины, да следопыты всегда нужны.

Кештиора задумчиво смотрела в огонь.

— Я буду ждать вас. Обоих.

Иргиль вгляделся в камешек, висящий на шее волшебницы на серебряной цепочке.

— Это — тот? Тот, что я нашел?

— Он самый. Что, не похож?

— Нет, — покачал головой мальчик. — Дело не в этом. Просто теперь он стал — настоящим.

Пол под ногами внезапно дрогнул, и по стене пробежала трещина.



Конан и Иргиль вскочили на ноги, непроизвольно схватившись за рукояти мечей. Конан вообще никогда не расставался с оружием, а Иргиль носил на поясе меч больше для тренировки, чтобы привыкнуть. Кештиора осталась сидеть. Только пальцы судорожно стиснули темно-синий шелк накидки.

Пол снова качнулся, трещина в стене расширилась. Внизу раздался треск, что-то с грохотом рухнуло.

— Уходите, — волшебница резко поднялась с места, непроизвольно кутаясь в накидку, словно ей вдруг сделалось холодно, — Уходите немедленно. Оба.

— Что это, Кешт? — требовательно спросил Конан, безуспешно пытаясь скрыть испуг за сердитым тоном. — Опять твои магические штучки?

Стены замка дрожали, как в лихорадке, и трещины разбегались по ним паутиной.

— Я после все объясню, — жестко сказала колдунья. — После. Бегите отсюда. Поторопитесь.

Губы у нее были белые.

— Мы не оставим тебя, — вмешался Иргиль. — Правда, Конан?

— Вам нечего делать здесь! — Кештиора решительно подталкивала их к двери. — Только мешать будете. Берите коней, если успеете — и ходу.

— Но ты — ты с нами?

— Ждите меня на перекрестке. Я догоню. Все. Ступайте.

— Кешт...



— Некогда спорить. Ступайте же! Оба! Не мешайте мне!

Они каким-то чудом спустились по спатающейся лестнице. Замок ходил ходуном и, казалось, вот-вот рухнет им на головы. Едва удерживаясь на ногах, они добрались до конюшни и с трудом обуздали обезумевших от ужаса лошадей. Кони с места взяли в карьер.

На ближайшем холме они приостановились, и Конан невольно вспомнил, как несколько лет назад вот также смотрел на замок, прощаясь с ним и не зная, доведется ли вернуться. Тогда покинутый замок казался мертвым. Сейчас он, напротив, жил какой-то жуткой и непонятной жизнью: дрожа и раскачиваясь из стороны в сторону. Одна из башен рухнула, за ней другая. А потом земля неожиданно расступилась вокруг Арнамагелля, словно открылась гигантская пасть. Замок качнулся — и рухнул в бездну.

Казалось, здесь всегда было так. Бесплодная каменистая почва. Никаких следов ни замка, ни его владелицы. Земля поглотила их и сомкнулась. Лишь сочилась между камнями тонкая струйка воды. Иргиль протянул к ней руку.

— Не трогай, — Конан схватил его за плечо. — Не прикасайся к этой воде.



— А что будет? — безжизненным голосом спросил мальчик. По щекам его медленно текли слезы.

— Откуда я знаю? — досадливо дернул плечом воин. — Может, умрешь, а может, и Пасть вернется. Это только Кешт знает... знала, почему...

Его голос дрогнул.

Иргиль улегся на землю и прижался к ней ухом. Ничего. Впрочем, он и не надеялся.

Конан отвернулся.

— Мы бросили ее одну. Никогда не прощу себе.

— Разве, — тихо спросил мальчик, — ты смог бы справиться с Пастью?

— Однажды справился, — начал было Конан — и осекся.

Не один ведь справился, с Кештиорой, пусть та и была в облике рыжей кошки. А Кешт, даже лишенная магической силы, могла многое и еще больше — знала. Да и то — оба тогда еще ноги унесли из этого жуткого места.

— Мы могли бы забрать Кештиору с собой, — сказал, наконец, Конан. — Силой, в конце концов, увезти.

— Пасть ведь за ней пришла, — Иргиль обессиленно опустился на землю и обхватил руками согнутые колени. — Ну, поглотила бы всех троих. И все. А так у нас хотя бы надежда осталась.

— Какая надежда? — глухо спросил Конан. — На что?

— Не знаю... Просто...



Иргиль внезапно нахмурился, вытащил из ножен подаренный волшебницей кинжал и, закрыв глаза и сжав губы, провел пальцами вдоль клинка. На мертвые камни упал золотистый блик.

— Иргиль, — прохрипел Конан, — смотри. Камень...

— Да, — почти шепотом сказал мальчик. — Я знаю. Камень светится. И клинок — теплый.

Он открыл глаза и пристально посмотрел на Конана.

— Она жива.

* * *

Свет дробился в стеклах витражей и цветными пятнами ложился на белый мрамор. Пелиас Кофийский, глава Ордена Золотого Лотоса, молчал, разглядывая молодого мужчину и подростка в запыленной походной одежде. Мужчине, высокому, мускулистому, загорелому, на вид было не больше тридцати лет, хотя цепкий взгляд холодноватых голубых глаз наводил на мысль, что Конан, воин по найму, на самом деле намного старше.

Юный спутник его был невелик ростом и по-мальчишески тонок, но гибок, словно стальной клинок. Спутанные каштановые волосы падали на его узковатые плечи, а в карих глазах была отчаянная надежда и чуть ли не мольба. Пелиас Кофийский подумал, что этот взгляд выдержать гораздо труднее, чем взгляд старшего.

— Я не могу вам помочь, — сказал наконец,



глава ордена. — И дело даже не в том, что Кештиора Арнамагелльская нарушила один из основных наших законов, лишив жизни волшебника. В конце концов, она сполна расплатилась за свое преступление еще тогда, когда вынуждена была по второму разу спуститься Вниз. Это ведь ты тот смертный, который помог ей тогда, верно, Конан-воин?

Киммериец согласно кивнул.

Пелиас Кофийский соединил кончики длинных пальцев — каплей крови сверкнул крупный рубин в перстне.

— Не знаю, рассказывала ли вам Кештиора, но волшебники не бессмертны, хотя и живут намного дольше людей. Посвящение — словно второе рождение для нас. Мы умираем там, под землей — и возрождаемся с многократно умноженной силой. Возрождаются, правда, не все. Некоторых Земля забирает сразу. Ну, а тех, кому повезло больше — через века или даже тысячелетия. У каждого свой срок.

— Но ведь Кештиора...

— Срок Кештиоры вышел, — волшебник развел руками. — Земля забрала ее.

— Не может быть! — парнишка выхватил кинжал.

Пелиас прищурился чуть насмешливо, наблюдая за мальчиком. Бросаться с оружием даже на начинающего мага довольно глупо. А уж на главу сильнейшего из орденов... Смешно! Но Иргиль не пытался нападать. Погладил клинок и протянул волшебнику.



— Она ведь жива. Вот же — кинжал теплый. И камень светится. Она там — и еще жива. Уже больше двух месяцев. Мы же не можем...

— Мы не можем ничем ей помочь, — в зеленовато-серых глазах Пелиаса появилось сочувствие. — Земля не отдаст свою добычу.

— Не отдаст... — задумчиво протянул Конан. — Не отдаст — кому? Нам? А кому — отдаст?

Волшебник даже привстал от изумления:

— То ли ты исключительно умен, Конан-воин, то ли Кештиора была болтливей, чем я до сих пор о ней думал, то ли пребывание Внизу кое-чему научило тебя.

— Кому? — Конан шагнул к волшебнику, непроизвольно сжав кулаки. — Кому отдаст? Скажи, ты же знаешь!

Тот приподнял бровь: смертному не следовало забывать о почтительности. Воин понял и остановился.

— Прошу тебя, Пелиас из Кофа!

— Да, я знаю. Сказать — не могу. Думай. Ищи. Сам.

— Скажи мне тогда другое, *всесильный* Пелиас Кофийский, — взгляд воина стал тяжелым. — Ведь когда-нибудь Пасть придет и к тебе, верно? Через сотню лет или через тысячу, но придет. Когда настанет твой час, ты будешь столь же невозмутим?

— Я не бегаяю от судьбы, Конан-воин, — спокойно ответил маг. — Не бегаяю и не прячусь. Я знал, на что шел, когда впервые спускался Вниз. И Кештиора Арнамагелльская знала. И каждый



из тех, кто становится волшебником, знает это. Некоторые отступают — и никто не осуждает их. Другие — идут до конца.

— Что ж, прощай, Пелиас Кофийский, — воин слегка поклонился. — Желаю тебе сохранить такую же твердость духа, когда придет твой черед.

Повернулся и направился к двери. Парнишка поколебался и зашагал следом.

— Слабые духом не становятся волшебниками, Конан, — все так же бесстрастно сказал маг в спину уходящему воину.

Тот не обернулся. Зато мальчик чуть задержался в дверях и встретился с Пелиасом взглядом.

— Из Пасти можно выйти только через Пасть, — очень тихо сказал парнишке волшебник. — Только.

* * *

— Из Пасти можно выйти только через Пасть, — Конан фыркнул и подбросил в костер еще дров. — Так это и ребенку ясно. Это же вход в подземелье. Мы с Кештиорой тогда выбирались тем же путем, что и пришли. В точности.

— И все же, мне кажется, что Пелиас подсказал нам путь. Только понять бы, что он имел в виду.

Конан закатил глаза:

— Вот чего я никогда не мог сказать, так это почему колдуны изъясняются загадками! Почему бы не сказать прямо?



— Думаю, он связан клятвой, — тихо сказал Иргиль. — Очень похоже на то. Или еще чем-то.

— Волшебники! — Конан с досады стукнул себя кулаком по бедру.

— Волшебники, — мальчик чуть улыбнулся. — Именно волшебники, Конан, нам и помогут найти разгадку.

* * *

Реллана опустила голову. По ее щекам медленно катились слезы.

— Этим все и должно было кончиться. Кешт ведь упрямая... была. Спустилась Вниз вопреки предсказанию. Никто и не надеялся, что она выйдет. А когда вышла... силу обрела, конечно, огромную. Мало кто с ней сравниться мог. Да только таким-то, сильным, и времени меньше других отпущено. Земля их первыми забирает.

— Пелиас Кофийский, — негромко промолвил Иргиль, — сказал, что есть один-единственный выход... оттуда.

— Что он сказал? — волшебница подняла голову и быстро вытерла щеки.

— Из Пасти можно выйти только через Пасть, — медленно сказал мальчик. — Ты не знаешь, что он имел в виду?

Реллана сдвинула светлые брови:

— Впервые слышу такое. Зато мне доводилось слышать другое...

Оба — воин и мальчик — подались вперед, впившись глазами в лицо волшебницы.



— Земля не имеет власти над тем, кто принадлежит Небу.

— И все? — разочарованно протянул Конан.

— А кто принадлежит Небу? — почти одновременно с ним спросил Иргиль.

— Не знаю, — призналась Реллана. — Мой наставник не захотел вдаваться в подробности.

— А твой наставник, случаем, не Пелиас Кофийский? — скривился Конан.

— Нет. Альфион Длерт... был. Он ушел Вниз недавно. Пять лет назад.

Волшебница отвернулась.

Ушел.

Ушел — значит, тоже не нашел способа избежать.

— А случилось ли, — Иргиль легонько коснулся руки тетки, — случилось ли, чтобы кто-нибудь возвращался... оттуда?

— Говорят, были двое, которым удалось выбраться. Давно. Еще до моего рождения.

— Где они?! — мальчик даже вскочил от волнения. — Они живы?

Да и воин встрепенулся и с надеждой посмотрел на колдунью.

— Одного из них, Альмиркса Рыжего, через каких-нибудь восемьдесят лет после этого нашли мертвым в его мастерской. Так и не разобрались: то ли сам погиб, по неосторожности, то ли помог кто-то. Характер у Альмиркса был непростой, так что врагов хватало.

— А... второй?

— Вельторн Бродяга. Странная личность. Те,



кто его знал, рассказывали, что Вельторн десятилетиями пропадал где-то. Появлялся ненадолго и опять пропадал. Может, и жив еще. По крайней мере, мертвым его не видел никто. Правда, живым тоже. Хотя Вниз он больше не уходил.

— Откуда ты знаешь?

— Мы всегда чувствуем, когда кто-то уходит.

— Так ты и про Кештиору...

— Знала еще до вашего прихода.

— Н-не понимаю, — Конан встал и прошелся по комнате. — Ведь, как я понимаю, уход Вниз похуже смерти. Я был там — омерзительное место, — он передернул плечами. — Так не лучше ли... самому.

— Никто ведь не знает, в какой момент за ним придет Пасть. Может быть, через год, а может, через тысячу лет. Бывает, что волшебник не выдерживает и убивает себя. Или начинает нарываться на неприятности, рисковать — и в конце концов добивается своего. Но таких все-таки мало.

— Слабые духом не становятся волшебниками?

— Это вам Пелиас, небось, сказал? Одно из его любимых присловий. Он ведь единственный был, кто поддержал Кешт, когда она решила пройти Посвящение. И думаю, не в последнюю очередь потому, что сам когда-то проходил при таких же шансах.

— Так у него тоже получился... — начал Иргиль.

— Красный цвет, — кивнула Реллана. — Вообще-то это цвет магии Равновесия.



— А... там, в подземелье, — заговорил Конан, — можно что-нибудь... сделать?

— Никому не известно, что происходит с поглощенными. Мне рассказывали, что Альмиркс и Вельторн молчали об этом, как камни. Правда, Альмиркса Рыжим после его возвращения звали только по старой памяти. Седым он стал. Совершенно. А Вельторн, говорят, остался прежним. На вид.

* * *

Иргиль расседлал и стреножил лошадь и лишь после этого направился к костру, над которым уже кипела в котелке вода. Конану хватило одного взгляда на юношу, чтобы все понять.

— Опять ничего, — вздохнул воин. — И у меня тоже. Где искать этого Вельторна, ума не приложу. И ведь наружность-то заурядная, по словам Релланы. Смуглый, да чернявый, волосы прямые, глаза серые. Да таких вон — каждый четвертый. Еще и роста среднего.

— Волшебник он, все-таки, — тихонько сказал Иргиль, пощипывая пушок над верхней губой.

Пушок этот начал расти недавно, и юноша втайне очень гордился им.

— Да, — хмуро кивнул Конан. — Вот только не слышал никто о таком волшебнике. За семь лет — ни одного следа.

Юноша не ответил. По давней уже привычке достал кинжал, провел рукой вдоль клинка, чувствуя, как сталь теплеет под пальцами, погладил.



мягко светящийся солнце-камень, вделанный в рукоять.

«Мы не забыли о тебе, Кештиора, — мысленно обратился он к волшебнице, как делал это почти каждый вечер. — Мы помним. Мы ищем. И когда-нибудь мы найдем».

И как всегда, в сердце камня на мгновение вспыхнула искорка — и тут же погасла. То ли было, то ли почудилось.

— Жива, — глуховато сказал Конан. — Жива, а что толку?

— Жива, — эхом откликнулся юноша. — А значит, надежда есть.

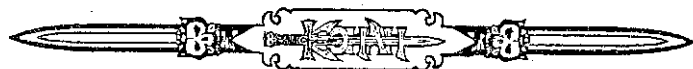
* * *

— Ну, и что это значит? — с досадой спросил воин, когда очередной замок скрылся за деревьями.

Иргиль придержал коня, и Конан поравнялся с ним.

— Не знаю, — признался юноша. — Опять загадка. Тот, кто родится стражем, становится освободителем. Хм...

— Мы свели знакомство, кажется, уже со всеми волшебниками, ведуньями и знахарями Закатной части Хайборийского мира, век бы их не видать! Со всеми, которые только есть в мире. Разве что за море не плавали. И лишь трое смогли хоть что-то сказать. Вот скажи мне, Иргиль, как можно родиться стражем? Ими же становятся.



— Может, он собаку имел в виду?

Конан только плюнул с досады.

— Ну, да, словить какую-нибудь шавку и спустить в подземелье, чтобы она поискала там Кештиору. Восхитительная идея!

— Да еще и летающую собаку — тот, кто может помочь, должен принадлежать небу, — невесело засмеялся Иргиль. — Или поискать какую-нибудь сторожевую птицу?

— Про сторожевых птиц не слыхал, — Конан внезапно натянул поводья, и конь остановился, как вкопанный, недовольно фыркнув.

— Есть, правда, одно племя, которое приносит жертвы огромному змею, а тот за это охраняет селение.

— Охраняет? От кого?

— От врагов. От злой магии. От болезней. Он у них вроде божества, что ли. И еще говорят, что хотя поблизости от их селения Каменная Пасть открывается чаще, чем в иных местах, никто оттуда не уходит. И никто не гибнет. Змей отводит несчастья. В отличие от его прямого сородича — Сета!

— Конан! — юноша аж руками всплеснул. — Так что же ты раньше молчал? Что, если это и есть тот самый страж? И если у него есть власть над Каменной Пастью...

— Тот, кто рассказывал мне об этом, спасся от этих змеепоклонников только чудом, — решительно прервал его Конан. — Угадай с трех раз, что за жертвы они приносят своему защитнику.

Иргиль опустил голову:



— Конан, если другого пути нет, я пойду. Туда, к ним.

Конан положил руку на плечо юноше.

— Мы пойдем вместе, малыш. И еще соберем отряд. Там такие места, что вдвоем мы точно не доберемся.

* * *

На поиски спутников и подготовку к походу ушел без малого год. Платить наемникам было нечем, и в результате отряд состоял в основном из бродяг, которых Конан кое-как обучил обращаться с оружием. Было, правда, несколько воинов поопытней, но вид и повадки у них были вполне разбойничьи.

— Конан, — тихонько сказал Иргиль. — Зачем они нам? Лучше бы мы отправились вдвоем, чем... с этими.

Конан долго молчал, барабанил пальцами по голым доскам стола.

— Понимаешь... Да, они мне тоже не нравятся. Да, им нельзя доверять. Да, они идут с нами только потому, что я пообещал им богатую добычу. Но без них мы никогда не доберемся до Красных скал. Места там дикие, пробиваться придется с боями. Поверь, уж я-то знаю. В той степи немало моих товарищей сгинуло. Мы не пройдем вдвоем, даже при всем нашем воинском умении, вкуче с твоей магией. А тогда Кешт обречена.

— Конан, но ведь можно же поискать спутников попримичнее. Сказать им правду...



— Спутники поприличнее в такие авантюры не ввязываются, малыш. Они служат государям или охраняют мирных жителей от разбойников...

— То есть от тех, кого мы сделали сейчас своими союзниками, — Иргиль обвел сумрачным взглядом полупустую таверну, в которой они сидели.

— ...Они обзаводятся семьями, которые ждут их. Они копят золото и серебро, чтобы обеспечить себе спокойную старость. И они очень не любят волшебников.

— А ты? Разве нет еще таких же, как ты?

— Я тоже не люблю волшебников, малыш. Но я люблю Кешт, — Конан усмехнулся. — И тебя.

Воин хлебнул вина из глиняной кружки и вытер губы ладонью.

— Да и не хочу я подставлять под удар своих товарищей, Иргиль, пойми это! А этих... окрестные жители нам спасибо скажут, им жить станет намного спокойнее. Мы ведь всех головорезов с окрugi собрали.

— Мне это не нравится, — тихо сказал юноша. — Ты уверен, что по-другому мы не пройдем?

— Если ты видишь путь — предложи, — пожал плечами Конан. — Если считаешь для себя заторным иметь дело с разбойниками и отребьем, оставайся здесь.

— Я пойду с тобой, Конан.

* * *

Отряд выступил в путь весной, как только



просохли дороги. Двигались медленно: лошади были не у всех. Встречные путники предпочитали сделать крюк, чтобы разминуться с четырьмя дюжинами мрачного вида мужчин, подозрительно напоминающих разбойничью шайку. А если объехать не удавалось, нахлестывали коней, стараясь проскочить мимо как можно быстрее. Их провожали свистом и улюлюканьем, а иной раз и солеными шутками. Иргиль подозревал, что их с Конаном попутчики не ограничились бы этим, не поддерживай его друг и наставник железную дисциплину.

Юноша предпочитал держаться особняком. Молча ехал впереди, не оборачиваясь и стараясь не вслушиваться в брань, которой участники похода обильно сдабривали почти каждую фразу. Конан, напротив, постоянно находился среди своих «воинов». В первые дни ему пару раз пришлось наводить порядок и напоминать о том, кто здесь предводитель отряда.

Впрочем, даже меч доставать не понадобилось — кулак у Конана был увесистый. Так что потом охотников спорить уже не находилось, правда, Иргиль так и не понял, подчинялись ли Конану из страха или из уважения. Впрочем, подозревал, что из страха.

С наставником юный волшебник — или уже воин — почти не разговаривал. Хмуро отмалчивался, хотя и понимал, что это несправедливо. В конце концов, именно Конан старался обеспечить их безумной затее успех. Только вот никак не мог Иргиль отделаться от мысли, что воину



нравится власть, основанная на силе, нравится страх тех, кого он сумел подчинить.

Конан не пытался преодолеть отчуждение. Заметив, что Иргиль не желает помогать ему справляться с отрядом, он выбрал себе помощника потолковее и имел дело в основном с ним.

* * *

Два месяца они двигались по наезженной дороге, то петляющей между холмами, то ныряющей под темные своды леса. А потом приостановились: впереди открывалась степь. Конан распорядился двигаться осторожнее. Вперед начали высылать разведчиков.

Иргиль ехал теперь в хвосте отряда, по-прежнему избегая Конана. К счастью, остальные путчики сторонились угрюмого юноши, зная, что тому, кто попытается обидеть мальчишку, вожак «вломит» так, что мало не покажется.

— К бою!

Иргиль, погруженный в свои мрачные мысли, дернулся от резкого окрика и вскинул голову. Конановы «воины» спешно выхватывали мечи, брали наизготовку луки, а навстречу отряду уже малость не меньше шести десятков конных, и стрелы свистели в воздухе.

Юноша увидел, как Снарт-асир, один из тех, кому в начале похода Конан едва не сломал нос, призывая к порядку, внезапно согнулся пополам и осел на землю. Потом упали еще двое.

— Иргиль! Действуй же!



Конан успел выкрикнуть это, а через мгновение кочевники столкнулись с изготовившимися к бою «воинами» — словно волна ударилась о скалу. Только вот откатываться назад волна не спешила — блеснули кривые клинки, со звоном и скрежетом ударились сталь о сталь.

Иргиль умел убивать. Десять лет скитаний бок о бок с Конаном многому его научили. Только вот, прежде он лишал жизни как раз таких, с кем теперь очутился на одной стороне, причем очутился вопреки собственному желанию.

— Ради Кештиоры, — прошептал юноша. — Ради нее я сделаю это.

Меч его по-прежнему покоился в ножнах, и кинжал не покинул своего места на поясе. Иргиль собирался сражаться магией.

...Среди кочевников раздались крики. Кто-то беспорядочно махал мечом, другие, бросая оружие, хватались за лица, пытаясь протереть внезапно переставшие видеть глаза. «Воины» Конана приободрились и перешли в наступление.

Сам предводитель, казалось, не замечал, что происходит, ожесточенно сражаясь. Ослепших кочевников добили быстро. Трое, правда, сумели повернуть лошадей и помчались прочь, но далеко уйти им не дали. Двоих сбили стрелами, последнего догнал и зарубил Нальдарн, ближайший помощник Конана.

* * *

— Почему они напали на нас?



Иргиль смотрел в сторону. Вид Конана, с ног до головы забрызганного кровью — чужой, размывается, — был сейчас ему невыносим. Омерзитель.

— Это их земли, — Конан тщательно чистил меч.

Чуть поодаль его «воины» обшаривали трупы убитых врагов. А заодно и тела своих погибших товарищей.

Иргиль передернулся.

— Почему ты не запретишь им?!

Конан проследил за его взглядом, потом спокойно посмотрел в глаза юноше:

— Потому что заставлять их повиноваться нельзя одним только страхом. Они должны что-то выигрывать от того, что идут со мной. Иначе они разбегутся, а они мне нужны.

— Как живой щит? — Иргиль не скрывал отвращения.

— Как таран, малыш. Как таран, без которого нам не пробиться к Кешт.

— Не называй меня малышом! — взвился Иргиль. — Я давно уже вырос, если ты не заметил.

— Не кричи, — тихо попросил его Конан.

— Почему же? — прищурился юноша. — Или ты боишься, что те, кого ты обрек на смерть, услышат и сообщат тебе, что их планы расходятся с твоими.

— Я всю жизнь уничтожал таких, как они, — Конан попытался поймать взгляд Иргилья, но тот упорно смотрел в сторону. — Потому что они нападают на мирные селения. Потому что они уби-



вают и мучают тех, кто попадает им в руки. Поэтому что они...

— А теперь ты возглавил их, Конан-разбойник. Конан-предводитель головорезов. Конан-убийца. И если сейчас на вашем пути попадется селение кочевников — или как там они живут — ты разрешишь своим бравым парням ограбить его, так ведь? Потому что иначе они разбегутся прежде, чем ты вымостишь себе путь их трупами.

— Иргиль...

— Ты не ослышался, Конан. На *вашем* пути. Потому что наши дороги с тобой расходятся.

— Ты волен поступать, как захочешь. Только имей в виду, что поврозь мы слабее, чем вместе. А наша задача и так почти...

Иргиль не дослушал. Вскочил на коня и, не оглядываясь помчался прочь, глотая злые слезы.

Конан не смотрел ему вслед. Занялся делом. Пересчитал своих уцелевших воинов (первый же бой унес шестерых; скверно), раздал отложенную для него часть добычи (к радости спутников и молчаливому неодобрению Нальдарна). Распорядился переловить коней, которые не успели убежать далеко — теперь все воины были верхом, и можно было двигаться гораздо быстрее. Да и в оружии недостатка не было.

И приказал выступать.

* * *

Сначала Конан надеялся, что мальчишка одумается и возвратится. Но день проходил за днем,



а юный волшебник все не появлялся. То ли решил повернуть назад, то ли надумал добираться до Красных скал в одиночку. Думать о том, что юноша, возможно, погиб, Конан себе запретил.

Как и вообще об Иргиле и его словах.

Как и о том, что без поддержки волшебника потери в каждой стычке будут гораздо серьезнее.

Как и о том, что, когда мальчишка унес кинжал с солнце-камнем, оборвалась последняя ниточка, которая связывала Конана с Кешт. Пусть даже призрачная.

Как и о том, что люди в отряде роптали и все чаще недобро косились на предводителя.

Как и о том, что с каждым шагом все сильнее сжимал голову невидимый ледяной обруч. Дар этот — умение ощущать приближение опасности, как холод в висках, — превращался в пытку, когда опасность была впереди и вокруг.

Конан ехал вперед.

Просто ехал.

* * *

Отряд постепенно таял. Вторая стычка с кочевниками стоила Конану одиннадцати бойцов, хотя он отчаянно бился, в одиночку уничтожив почти треть врагов. В следующем бою погибли еще девятеро.

А потом они наткнулись на селение, если, конечно, можно назвать селением несколько замызганных шатров. Рынта, посланный в разведку, примчался с радостными воплями, что «нако-



нец-то нашел гнездо этих мерзавцев», и Конан понял, что если он сейчас попытается остановить своих людей, его в лучшем случае не послушают. В худшем он останется без отряда. О том, что озлобленные спутники могут просто убить его, Конан не задумывался. Слишком превосходил он любого из них и умением, и силой, и ловкостью. Они это знали и вряд ли захотели бы платить десятком жизней за одну.

Конан ехал шагом в ту сторону, куда умчались его воины. Нарочно очень медленно ехал, и все же успел.

Увидел.

Кочевников, которые на сей раз стояли насмерть, перебили всех. От отряда Конана осталось одиннадцать человек, включая Нальдарна. И все одиннадцать, опьяненные кровью, направились к шатрам.

Конан колебался не больше мгновения.

Он чувствовал, как ослабли незримые узы, которые связывали его с каждым из отряда. Приказывать воинам было сейчас бесполезно.

И тогда он просто встал у них на пути. С оружием.

Нальдарн, посмотрев в лицо вожака и мгновенно оценив шансы, встал рядом с ним.

Плечом к плечу.

Чуть поколебавшись, к ним присоединились еще трое.

Когда последний из тех, кто поднял оружие против бывшего предводителя, упал на красную траву, дернулся и затих, Конан молча вытер меч,



вскочил на коня и, не торопясь, но и не оглядываясь, поехал прочь.

Четверо воинов, оставшихся верными последовали за ним.

Из шатров вслед уезжающим доносился приглушенный плач.

* * *

Красные скалы. Темно-багровые, словно запекшаяся кровь, и алые, словно краски восхода. Бурые, розовые, лиловые.

Даже вода в ручье была чуть красноватой. И горькой. Нальдарн попробовал ее, покосился на предводителя, но ничего не сказал. Только закрыл крышку почти пустой фляги, так и не набрав воды.

«Куда же идти теперь? Где искать этих самых змеепоклонников? Ведь ни одной зацепки, ничего. Или местные обитатели сами найдут нас?»

Словно в ответ на мысли Конана, на едва заметную тропу впереди прыгнули двое. Бесшумно подкрались — даже Конан, при всем своим опыте, не почувствовал их приближение. Дар его в этих местах, где опасность повсюду, был бесполезен.

— Нам нужна пом... — начал было Конан, но горцы слушать его не стали. Молча выхватили мечи.

Бились они хорошо. Нет, не просто хорошо — казалось, сами скалы помогали местным обитателям расправиться с дерзкими чужеземцами. Камни, которые минуту назад казались надежными,



начинали предательски шататься, едва на них ступала нога Конана или кого-нибудь из его спутников. Несколько внушительных обломков скалы упали сверху, отрезая путь назад. И тут же на подмогу горцам подоспели еще четверо. Казалось, они вышли прямо из горного склона: ничего хоть отдаленно напоминающего пещеру не было в этом месте. Магия, что ли?

Один из спутников Конана с хриплым воплем согнулся пополам, получив рану в живот, и тут же меч горца отсек ему голову. Второго увлек в пропасть очередной сорвавшийся сверху камень. По левой руке Конана обильно струилась кровь из раны в плече. Правда, и горцев осталось трое.

...Двое.

...Один.

Последний противник рухнул под ноги Конана, разрубленный от плеча до пояса.

Стало тихо.

И в этой тишине неестественно громким показался голос Нальдарна:

— Так вот куда ты завел нас, Конан, сочинитель красивых сказок. Где добыча, которую ты нам сулил? Где сокровища? Ты лгал нам. Ты с самого начала знал, чем это все кончится.

Конан медленно повернулся лицом к помощнику — бывшему помощнику. Впился взглядом в холодные серые глаза. Он молчал. Время разговоров прошло.

— Сколько тебе заплатили за нашу смерть? — прошипел Дерниль, подходя на шаг ближе. — Сколько, Конан-предатель?



Один справа, другой слева. И еще горцы, которые могут снова напасть в любой момент. Если бы не рана...

Конан встал так, чтобы за спиной оказалась скала. За спиной скала, в четырех локтях впереди — пропасть.

Нальдарн и Дерниль напали одновременно, с яростью обреченных. Надежды выжить у них почти не было, и все, чего они хотели — уничтожить того, кто обрек их на смерть.

* * *

«Земля не имеет власти над тем, кто принадлежит небу, — размышлял Иргиль, пробираясь по горной тропе. — Тот, кто родился стражем, становится освободителем. И что?»

Красные скалы вокруг казались безжизненными, а запасы воды и пищи почти подошли к концу. Впрочем, это мало заботило юношу. Иргиль знал, что почти достиг цели. По живому теплу кинжала, по тому, как все ярче светился камень в рукояти кинжала.

Чем выше в горы поднимался юноша, тем, казалось, ближе до Кештиоры, заживо погребенной в подземелье.

«Если я сумею взять силу у неба, Каменная Пасть не сможет причинить мне вреда. И тогда я спущусь и освобожу Кештиору. Только вот... я не страж. И уж тем более, не родился стра... Ой!»

Он едва не вскрикнул вслух, когда ему неожиданно заступили путь трое. С мечами.



* * *

Взмах — и голова Дерниля отлетела в сторону и ударилась о скалу. Нальдарн был куда более серьезным противником.

Затягивать бой было нельзя: в любой момент могли опять появиться горцы. К тому же, Конан продолжал терять кровь и знал, что сил у него надолго не хватит.

Они яростно бились у кромки пропасти, и любая ошибка могла стать последней для каждого из них.

Конан не делал ошибок. Нальдарн тоже. Пока.

* * *

Иргиль не стал обнажать оружие. Заклятие временной слепоты, одно из немногих, которые он успел освоить сам.

Оно отлично срабатывало с кочевниками и не раз спасало юноше жизнь, пока он в одиночку пробирался через степь. Вместе с умением отклонять в сторону летящие стрелы.

Иргиль предпочитал полагаться на колдовство. Ему не хотелось никого убивать.

Но на этот раз магия не сработала. Он успел попробовать дважды, не в силах поверить, что волшебство не удалось. А потом острое клинка уперлось ему в горло, двое горцев повисли на плечах юноши, заламывая ему руки, и в запястья впились ремни.



* * *

Конан балансировал на самой кромке обрыва, всей кожей спины ощущая бездну, зияющую позади. Он все с большим трудом отбивал удары, кусая губы при каждом движении. Игра, призванная заставить противника потерять бдительность. Игра, слишком близкая к реальности, чтобы быть только игрой.

Игра...

И Нальдарн — поверил.

Его удар был нацелен в живот Конану. Последний удар этого поединка. Смертельный.

Но ослабевший, истекающий кровью противник отскочил с неожиданным проворством, и Нальдарн закачался на краю пропасти, отчаянно пытаясь удержать равновесие.

Конан ударил с разворота, вложив в это молниеносное движение все оставшиеся силы. Его меч ударил поперек спины бывшего помощника, перерубив хребет.

Нальдарн беспомощно взмахнул руками, роняя оружие, но скрюченные пальцы его встретили только воздух — и он рухнул вниз.

Конан так и не понял, что произошло: то ли голова закружилась от слабости, то ли снова вступила в действие враждебная магия этого места, только тропа под ногами внезапно качнулась, словно гигантский зверь решил отряхнуться и сбросить дерзкого чужака со своей спины.

Конан упал на живот, всем телом прижался к скале, скребя ногтями по скользкому от крови



камню, и чувствуя, что сползает вниз, несмотря на отчаянные усилия удержаться.

Ноги его повисли над бездной.

* * *

«Не вырваться!»

Иргиль яростно извивался, сиюсь избавиться от пут, державших его запястья. Руки юноши были подняты над головой, спиной он упирался в толстый сталагмит, к которому его привязали. Или приковали: пленник так и не понял, что это было.

Он был один в темноте пещеры. Откуда-то тянуло холодом и еще каким-то странным запахом. Незнакомым. Тревожащим.

Оружие горцы почему-то оставили пленнику, и, прижав голову к груди, Иргиль увидел, что солнце-камень в рукояти кинжала светится ярче обычного.

«Значит, — подумалось по привычке, — Кештиора жива.»

Он не выдержал и рассмеялся, то ли выплескивая дикое напряжение, то ли борясь со страхом — он и сам не знал. Собственный голос неожиданно показался Иргиллю жутким, и юноша испуганно замолчал. В пещере было холодно, но по его лицу катился пот.

«Я не успел... не успел научиться рвать путы, а без магии мне не освободиться.»

Он снова рванулся, выворачивая запястья и едва не рыдая от отчаяния.



Тщетно.

«Кештиора, — взмолился мысленно юноша, неожиданно для себя самого, — ты же говорила, что те, кто обменялись солнце-камнями, способны услышать друг друга, где бы ни находились. Услышь меня, ну, пожалуйста, мне очень нужна твоя помощь».

Где-то в глубине пещеры послышался звук, словно что-то тащили по камню.

«Кештиора! Пожалуйста! Услышь меня! Помогите мне!»

Иргиль не отважился говорить вслух. Менее всего он хотел, чтобы его слышали *здесь*.

Шорох послышался ближе.

Юноша вжался в камень, зажмурившись, стиснув кулаки и почти перестав дышать. Его билась дрожь.

«Кеш-ти-ора! Пожалуйста!»

«Я здесь, мой мальчик»

Юноша уже почти перестал надеяться и сначала подумал, что ответ ему примерещился.

«Быстрее соображай, — молнией вспыхнула в голове чужая настойчивая мысль. — Сосредоточься. И в точности выполняй все, что я скажу. Времени на ошибку у тебя нет».

* * *

— Помочь?

Конан, который цеплялся за камни уже из последних сил, почти теряя сознание от боли и потери крови, с трудом разлепил веки. Кто-то сто-



ял на тропе — кто именно, видно не было. Конан видел лишь сапоги черной кожи и машинально отметил, что, судя по выделке, их обладатель довольно богат. Или — был богат, с учетом того, что сапоги изрядно поношенные.

— Молчание — знак согласия, — вздохнул незнакомец.

Крепко ухватил Конана за запястье здоровой руки и дернул, с неожиданной легкостью вытащив воина на тропу.

Конан прислонился спиной к скале, зажмурившись и тяжело дыша.

— Эк тебя, — его спаситель сочувственно прищелкнул языком. — Сиди смирно, сейчас я тебе помогу.

Боль действительно начала уходить. Вместо нее по телу разливалось приятное тепло.

— Спасибо. Ты спас мне жизнь, — Конан, наконец, смог открыть глаза и рассмотреть незнакомца.

Среднего роста, смуглый, сероглазый. Прямые черные волосы чуть тронуты сединой. Ничего особенного.

Конан благодарно улыбнулся и попытался встать.

— Рано, — решительно остановил его брякнет. — Не торонись. Мне надо еще поработать с твоей рукой.

— Как мне тебя называть? — спросил воин.

— Вельторн. Да не дергайся ты. Говорю же: я еще не закончил.



* * *

«Все. Умница, мальчик!»

Оковы распались на части, и у юноши едва не подкосились ноги от усталости и облегчения.

Но тут шорох послышался совсем близко, и в темноте вспыхнули два золотистых огонька.

Глаза.

Иргиль закричал, слепо метнулся в дальний конец пещеры, но споткнулся и полетел на камни.

* * *

— Ты слышал? — Конан шагнул в пещеру, приподняв факел повыше, чтобы осмотреться. — Что это?

— Страж охотится, — пожал плечами его спутник. — К сожалению, без этого не обойтись, иначе он потеряет силу.

— Но ведь там человек!

Вопль повторился, отчаянный, полный невыразимого ужаса.

— Это же...

Не договорив, Конан помчался по подземному коридору, на бегу выхватывая клинок из ножен.

* * *

Иргиль успел все же подняться, и медленно пятился под немигающим взглядом светящихся в темноте глаз. Пятился, пока не уперся спиной в стену.



И снова раздался шорох, словно по каменному полу тащили тяжелый мешок. Золотистые огоньки придвинулись ближе.

На магию уже не осталось сил, и тогда юноша обнажил меч и выставил перед собой, готовясь биться до последнего.

— ...Иргиль!

Конан?! Здесь?!

Откуда?

Из темноты вынырнул знакомый силуэт. По стенам заметались оранжевые и багровые блики от факела. Конан занес меч...

— Нет! — раздался незнакомый голос. — Не трогай стража! Нельзя!

И тут же случилось невероятное: меч вылетел из руки Конана, словно выбитый ударом незримого клинка. Не будь Иргиль так перепуган, он изумился бы: ни разу на его памяти никому не удавалось обезоружить Конана.

Пещера озарилась мерцающим лиловым светом, и стало видно огромную черную змею и темноволосого человека в темно-синей тунике, который гладил чудовище по голове и что-то ласково говорил ему на незнакомом Иргилью языке. Раздвоенный язык скользнул по лицу незнакомца, змея изогнулась, разворачиваясь, и исчезла в темном проеме подземного коридора.

— Пойдемте отсюда, — предложил Конан, подобрав меч и убрав его в ножны. — Похоже, нам о многом надо поговорить. И лучше делать это на свежем воздухе.



* * *

— Так ты тот самый Вельторн!

— Тот самый?

— Тот, кто сумел вернуться из Каменной Пасты, — пояснил Конан, пристально глядя в серые глаза волшебника.

— Я не вернулся, — тихо сказал Вельторн. — Меня вернули.

— Кто?! — хором воскликнули Конан и Иргиль.

— Страж, — ответил волшебник. — Точнее, его предшественник.

— Эта змея?

— Тот, кто родился стражем, становится освободителем, пробормотал Иргиль. — Вот оно что!

— Вы хотите кого-то спасти, верно? — без обиняков спросил Вельторн. — Что ж, тысяча лет сравнялась. Я могу вам помочь.

* * *

Конан спрыгнул с уступа вслед за своими спутниками и осмотрелся. Одинаковые конусы из темно-багрового в черноту камня образовывали безукоризненно ровный круг не меньше полета стрелы в диаметре.

— Святилище Детей Небесного Змея, — тихо сказал Вельторн. — Так называют себя местные жители. Пойдемте.

Он поманил спутников за собой

Все трое замерли у самого края круглой пло-



щадки Святилища, покрытой мелким серым песком.

— Что бы ни случилось, молчите и стойте смирно, — прошептал Вельторн своим спутникам. — Страж защищает нас, но все-таки Пасть есть Пасть. Иргиль, никакой магии здесь.

Гибкое тело Стража легко проскользнуло между скалами, окружающими площадку, и юноша напрягся, опасливо следя за чудовищем. Змей, впрочем, не обращал на Иргилья ни малейшего внимания. Он медленно двинулся по периметру Святилища. Людям пришлось вжаться в камень: Страж прополз почти вплотную к ним.

Описав круг, змей перебрался в центр площадки, приподнялся, опираясь на хвост и замер, чуть заметно покачиваясь из стороны в сторону.

Так прошло несколько минут, а потом Страж резко изогнулся, почти сложившись пополам, и нырнул вниз с такой легкостью, словно под ним был не песок, а поверхность воды. Как нож сквозь масло прошел.

Земля дрогнула, принимая в себя исполинское тело, и все стихло.

— Что теперь? — одними губами спросил Конан.

Вельторн помотал головой и предостерегающе поднял палец: ждем, мол.

Казалось, прошли часы напряженного ожидания. Потом по песку пошли волны, и над поверхностью площадки показалась треугольная голова Стража. Так же легко, без видимых усилий, змей вылез из-под земли и, широко раскрыв пасть, вы-



плюнул что-то на землю. Золотистые глаза Стража на миг встретились с серыми глазами Вельторна. Змей качнул головой и неуловимо-быстрым движением выскользнул прочь с площадки — только черный хвост мелькнул между багровых скал.

— Идемте, — скомандовал Вельторн. — Пора.

И кинулся бегом туда, где беспомощно лежала на сером песке маленькая фигурка.

* * *

— Кештиора, — Конан склонился над волшебницей, убрал с ее лица растрепанные рыжие волосы и смочил губы водой. — Очнись, милая, все хорошо, мы тебя вызволили.

— Чтоб ты подавился, тварь бессовестная, — не открывая глаз, пожелала девушка. Голос ее звучал еле слышно от слабости, но, судя по интонации, колдунья была донельзя возмущена.

— Я?! — опешил Конан. — Но...

— Меня! Кештиору! Арнамагелльскую! Сожрать! Вздумал! Ах, ты...

— Кешт! — Конан осторожно встряхнул волшебницу за плечи. — Опомнись, это же я.

Длинные темно-рыжие ресницы дрогнули, поднялись, и на воина уставились два ярко-зеленых и до крайности изумленных глаза.

— Нет, ты подожди! — колдунья решительно попыталась подняться. — Я хочу посмотреть на эту наглую тварь! Меня — проглотить! Меня! Нет, каково, а?!



— Из Пасти можно выбраться только через пасть, — задумчиво проговорил Иргиль. — Ну, конечно же! Через пасть змея. Наставница Кештиора, страж и не думал тебя есть. Спасал он тебя, вот что.

— Так предупреждать надо, — фыркнула волшебница. — Я как-то не привыкла, чтобы меня таскали в зубах всякие твари. Я...

— Кештиора Арнамагелльская, — решительно прервал ее тираду Вельторн. — Ты сама-то есть хочешь?

* * *

Они сидели за столом в одной из нескольких комнат Вельторна, вырубленных в скале. Кештиора уплетала жареное мясо и овощи с такой жадностью, словно не ела целую вечность. Впрочем, почти десять лет, проведенные Внизу почти без надежды на спасение, тоже срок не маленький. Как ни странно, рыжая волшебница внешне совсем не изменилась. Разве что казалась бледнее обычного, да под глазами залегли тени. Хотя рассказывать о том, что произошло с ней с тех пор, как Каменная Пасть поглотила замок, Кешт наотрез отказалась.

Зато Вельторн оказался на редкость словоохотливым. То ли обрадовался возможности поговорить с другими волшебниками, то ли так сказывалось облегчение от того, что затея с гигантским змеем удалась.

— Меня Бродягой прозвали вполне заслужен-



но, — Вельторн взял из вазы крупное яблоко, зеленое с красным бочком, и задумчиво провел кончиками пальцев по гладкой коже. — Куда меня только ни заносило. Вот даже и сюда как-то забрался. Обитатели здешние, Дети Небесного Змея, как они себя называют, народ суровый. Едва не принесли меня в жертву, вот, как Иргиля примерно.

Юноша заметно вздрогнул и нахмурился при этом напоминании.

— Но я сумел поладить с ними. Сначала, правда, пришлось пугнуть, ну, а потом мы нашли общий язык. И в конце концов я стал жрецом Небесного Змея — так они Стража зовут.

— Небесный? — вскинул голову Иргиля. — Реллана говорила...

— Земля... не имеет власти... над тем, кто... принадлежит Небу, — пробурчала Кешт с набитым ртом. — Знаю, слышала.

— Они вызывают одного из стражей Каменной Пасти — он выходит из центра Святилища, — продолжил Вельторн, дождавшись, пока все замолчали. — Посвящают его Небу — у них на то специальный ритуал существует. Очень занятный, надо сказать, но вам я его описать не могу: клятвой связан.

— Видел я этих змей в пещере, — передернул ся Конан. — Но ведь они маленькие.

— После Посвящения змей растет, — Вельторн с хрустом надкусил яблоко. — Очень медленно. Чтобы достигнуть такого роста, как у нынешнего Стража, лет семьсот ему нужно.



— Нынешнего? — удивился Иргиля. — Разве они умирают?

— Редко, — сказал Вельторн. — Почти никогда. Спасителю Кештиоры в прошлом году сравнялась тысяча лет. И теперь должна пройти еще тысяча, прежде, чем он сможет опять спуститься под землю.

— А если раньше спустится? — Кешт даже есть перестала, уставившись на волшебника во все глаза. — Или не сумеет?

— Суметь-то сумеет, — вздохнул Вельторн. — Только проживет он после этого самое большее года три. Зачахнет и умрет. Как предшественник нынешнего Стража.

— А что с ним случилось?

— Его я загубил. Невольно. Альмиркс...

— Альмиркс Рыжий? — хором воскликнули Иргиля и Конан.

— Да... — Вельторн опустил голову. — Он был моим другом. И когда Пасть забрала его, я послал Стража. Змей вытащил Альмиркса, но погиб через полгода после этого. Как будто что-то подтачивало его силы. Тогда я призвал нового Стража и вырастил его.

— А почему — Страж? — спросил Иргиля.

— Змей охраняет племя. От Каменной Пасти. От болезней и несчастных случаев. От врагов. Он словно живой талисман, и Дети Небесного Змея действительно не знают бед.

— И кормят его людьми, — юноша сдвинул брови.

— Без этого Страж теряет силу, — сказал



Вельторн. — И тогда племени приходится плохо. Ну, знаете, как бывает, когда Каменная Пасть открывается поблизости. Дети рождаются уродами или мертвыми, взрослые оступаются на ровном месте и падают в пропасть, поветрие нападает, ну, и так далее.

— Ну, да, и они предпочитают откупаться чужими жизнями, так? — жестко спросил Иргиль.

Вельторн молча кивнул.

— Но почему ты позволяешь им делать это? И почему живешь здесь? Самому не противно? — не унимался юноша.

— Я обязан им жизнью, тихо сказал волшебник. — Больше, чем жизнью. Потому что это их жрец послал за мной Стража, когда меня забрала Земля. А я вместо благодарности змея того погубил. Альмиркс оказался Внизу через триста лет после моего спасения. Меня предупреждали, что нельзя отправлять за ним Стража, пока не миновала тысяча лет, но я не мог ждать так долго, когда он... Просто не мог.

Волшебник помолчал, бессознательно стиснув яблоко в руке так, что на глянцевой коже остались вмятины от ногтей.

— Ничего хорошего из моей затеи не вышло, — сказал наконец. — Страж погиб. Альмиркс утратил силу. Не сразу. Постепенно, по капле. Но это бы еще полбеды — можно ведь жить и не будучи волшебником. Живут же птицы с подрезанными крыльями. Плохо другое — он начал сходиться с ума. Или думал, что сходит. Говорил, стоит ему остаться наедине с собой, и начинает ка-



заться, что он снова там, в Пасти, и выхода нет. Он начал бояться. Бояться темноты, бояться одиночества, бояться выйти из замка и бояться оставаться в замке. И в конце концов...

Он прикрыл глаза и продолжил глухо, словно через силу:

— Альмиркс попросил меня убить его. Сам он уже ничего не мог, а жизнь стала для него невыносимой. И я...

Кештиора молча накрыла руку волшебника своей. Глаза ее потемнели.

— Я не нашел иного способа помочь ему. Я выполнил его просьбу.

* * *

— Почему ты хотел спасти меня, Конан?

Иргиль сбил ногой камешек с края обрыва и проводил его взглядом.

— Разве ты поступил бы иначе? — пожал плечами воин.

— Я думал, что оскорбил тебя.

— Ты наговорил много глупостей, — холодно сказал Конан. — Ты бросил меня в довольно скверном положении. Ты едва не загубил дело, ради которого мы сюда шли. Но это не причина, чтобы отдавать тебя змею. Да, я пришел тебе на помощь, Иргиль. Как пришел бы на помощь всякому, кто не враг мне. И если ты снова попадешь в беду, можешь на меня рассчитывать.

— Так ничего не изменилось? — юноша изумленно посмотрел на воина.



— Изменилось, — Конан прищурился. — Я сказал: *ты* можешь рассчитывать на меня. А вот я на тебя больше не полагаюсь. Ты оказался надежным спутником, мальчик.

Иргиль опустил голову.

— Я не мог поступить иначе.

— Верю, — равнодушно ответил воин.

Отвернулся и пошел прочь по тропинке. У поворота приостановился и бросил через плечо:

— Жаль только, что я не понял этого раньше.

* * *

— Куда ты теперь, Кештиора?

— Не знаю, Вельторн, — рыжая волшебница грустновато улыбнулась. — Я ведь осталась без замка. А из Ордена меня исключили уже давно. Возможно, я буду странствовать, а может, поищу себе новое место для жизни. Обзаведусь замком. Может быть, даже Орден создам. Не думаю, что это понравится Пелиасу из Кофа.

Она усмехнулась, блеснув белоснежными зубами.

— Пелиас всегда уважал тебя, Кештиора. Не удивляйся. Это обо мне почти никто не слышит, а я-то за событиями слежу. Пелиас Кофийский не мог поступить иначе.

— Возможно, — холодно процедила девушка. — Собственное спокойствие и порядок в Ордене Золотого Лотоса, конечно, важнее для него, чем жизнь одной из волшебниц, пусть даже эта волшебница не из последних.



— Не скромничай, у тебя это плохо получается, — Вельторн улыбнулся и положил руку ей на плечо. — «Не из последних» — слабо сказано. «Одна из сильнейших» поточнее будет, ты не находишь.

Девушка улыбнулась:

— Пожалуй, ты прав, Вельторн Бродяга. Или уже не Бродяга. Ты, похоже, прочно обосновался здесь.

— Мне здесь нравится. Мне по душе эти горы, да и к Детям Змея я привык.

— И все же помог Конану. А ведь он бился с ними.

— Он храбро сражался. Я не хотел, чтобы он погиб. Отчаянный парень этот Конан. Едва не снес голову Стражу.

— Да уж, домашний зверек у тебя очаровательный! — колдунья фыркнула. — Чем ты только кормишь его? Из пасти такая вонь — я чуть не задохнулась. А вообще, спасибо, Вельторн Бродяга. Я никогда не забуду этого.

Она сняла с шеи цепочку и протянула волшебнику.

— Солнце-камень, — Вельторн бережно погладил пальцами золотистый кристалл, и тот мягко засветился в ответ. — А где второй?

Кештиора коснулась кинжала на поясе:

— Иргиль вернул его мне. Не представляю, что делать с мальчишкой, — неожиданно пожаловалась она, сморщив нос. — Похоже, ему слишком тяжело далось это путешествие. Никак в себя не придет.



— Отпусти его, — посоветовал Вельторн. — Пусть подумает. Мир посмотрит. Не так уж легко выбирать путь, ты ведь знаешь.

— Я в своем пути никогда не сомневалась, — Кештиора упрямо мотнула рыжей головой. — Никогда. Даже когда надо было спуститься в Каменную Пасть, почти не имея надежды выйти.

— Отпусти его, — повторил Вельторн. — Если судьба ему стать волшебником, он вернется. А если нет, так пусть ищет свою судьбу.

* * *

— Ну, что же, я отправляюсь к Реллане, — Кештиора приподняла рукав, открывая серебряный браслет, открывающий двери. — Кто хочет со мной?

— Не надейся избавиться от моего общества так быстро, — улыбнулся Конан. — Я от тебя теперь не отойду ни на шаг, по меньшей мере, год.

— Я остаюсь здесь, — сказал Вельторн. — И буду рад любому из вас, кто захочет меня навестить. Только лучше предупредите заранее о своем визите — вот, хоть через Кештиору. Тогда вас проведут, как дорогих гостей, прямо ко мне.

— Да уж, твое жилище явно уютнее, чем пещера Стража, — засмеялась Кешт.

Иргиль тихо коснулся руки волшебницы.

— Прежде, чем вы отправитесь к Реллане, открой мне дверь куда-нибудь в лес. Или в горы.

— Куда-нибудь не получится. Надо знать, куда ты хочешь отправиться.



— Тогда — в тот лес, что рядом с Арнамагеллем... С тем местом, где был прежде Арнамагелль.

Кештиора кивнула и провела пальцами по браслету, открывая дверь.

* * *

— Ты, кажется, не удивлена, — Кештиора подбоченилась, стоя на пороге дома подруги.

— Нет, не удивлена, — Реллана поднялась ей навстречу и широко улыбнулась. — Не удивлена, но очень рада, Кешт. Очень.

И заключила рыжую колдунью в объятия.

— Я не сомневалась, что у этой парочки все получится, — сказала она, ставя на стол чашки. Если уж Конан когда-то ради тебя в Каменную Пасть добровольно слазил, то ясно было, что он не отступится. А племянник мой всегда отличался упорством. Когда ты его в Арнамагелль забрала, я на чердаке несколько книг обнаружила. И когда только утащить успел! Кстати, почему он не с вами?

— Он пожелал остаться один, Реллана. Ему трудно сейчас, но он отвергает помощь. Ты не тревожься, я все-таки прослежу за его судьбой. Обещаю.

— Тревожиться? За этого упрямого мальчишку? Я уж скорее встревожусь за того, кто отважится встать ему поперек дороги. Помяни мое слово, Кештиора, мы еще услышим об Иргиле. И, боюсь, скоро.



— Что ж, — сказала рыжеволосая волшебница, намазывая густой мед на кусок хлеба, — надеюсь, он сумеет найти себя.

* * *

«Я не могу стать волшебником, — думал Иргиль, подбрасывая и ловя еловую шишку. — Земля не хочет делиться со мною силой. И воином я не стал. Конан прав: не стоит рассчитывать на меня в деле, которое я считаю неправильным. Трое учителей у меня было, от всех троих я ушел. И что теперь?»

Он присел около лесного ручья и опустил в воду руку. Пошевелил пальцами, разгребая мелкие камешки.

«Теперь — искать иной путь. Свой. Похоже, в этом мне никто не поможет.»

— Никто не поможет, — раздался позади него голос.

Юноша резко обернулся.

Похоже, говорившая его не заметила. Она стояла к Иргилью боком — стройная девушка в простеньком бело-голубом платье, с лукошком в руках. Явно местная, из крестьян.

— Никто не поможет, — грустно повторила она, обращаясь, по-видимому, к ближайшей елке. — Волшебница Кештиора сгинула, даже замка, уже, почитай, лет десять, как нет. А эти, из Ордена, не хотят нашими бедами заниматься. Конечно, у них великие дела, волшебство всякое хитрое, что им за дело до того, что у нас земля не



родит, и скотина чахнет, и о прошлом годе ребятишек от поветрия с дюжину перемерло. И ведь ладно бы Пасть Каменная открылась — а то ведь непонятно, с чего. А в другие места перебираться ох, как не хочется. И никто не поможет.

— Я помогу, — тихо сказал Иргиль, и девушка, подскочив от неожиданности, уставилась на него испуганными синими глазищами.

— Я помогу, — спокойно добавил юноша. — Чему ты так удивляешься? Ты же сама сказала, что вам нужен волшебник. Вот, я волшебник и есть. К вам пришел.

— Т-ты.., — девушка неловко прижала к груди лукошко, — Ты откуда взялся-то здесь? Ровно с неба свалился.

— С неба, — Иргиль усмехнулся и покачал головой. — Что ж, можно сказать и так. Как зовут-то тебя?

— Лирни.

— Ну, что ж, Лирни, веда, показывай, что тут у вас не так. Будем разбираться.

* * *

— Как ты назовешь свой замок, Иргиль-волшебник? — спросил старейшина.

Они стояли на вершине холма, наблюдая, как ложатся на свои места первые камни кладки. Возводить достойное жилище для нового волшебника собрались мужчины с нескольких сел. Дело того стоило: не прошло и двух лет, как наладилась жизнь в округе, словно молодой колдун



принес с собою удачу. А коли так, надо волшебнику уважение всяческое оказать, замок построить, чтобы он насовсем остался.

— У этого места уже есть имя, — ответил юноша и улыбнулся чему-то. — Арнамагелль.





Глава первая,

*в которой Ночные Стражи убеждаются, что
их знания о мире чудовищ далеко не полны*



*Великое герцогство Райдор,
лето 1285 года по основанию Аквилонии.*

Вы, господа охотники, вне всякого сомнения слышали о старинном дворянском законе: «вассал моего вассала — не мой вассал». А равно и наоборот, сюзерен моего сюзерена — не мой сюзерен. Но сейчас эти благородные месьюры вынуждены обратиться ко мне не как к высшему феодалу герцогства, а как к наместнику его величества короля в нашей провинции. И я обязан принять меры, ибо владею на всех землях Полуночной Бритунии правом высшего и среднего суда, каковое было даровано мне королем, благо государственный девиз Бритунии гласит: «Честь, закон, корона!».

После сией внушительной тирады светлейший





герцог Варт Райдорский вздохнул и откинулся на спинку кресла, обозревая своих гостей, собравшихся за обширным круглым столом капитулярной залы. По правую руку от его светлости устроился неизменный «Охранитель короны», иначе говоря начальник тайной службы Райдора месьор Атрог Гайарнский. По левую — известные всем и каждому в столице герцогства brave Ночные Стражи, представители гильдии Охотников на монстров в составе четырех человек — предводителя отряда, Гвайнарда из Гандерланда, Конана Канах, Асгерд из Ванахейма и Эйнара-броллайхэн. Напротив же восседали аж целых одиннадцать благородных дворян с титулами от барона до эрла включительно. Все по уши в бархате, гербах и неизменной гордости обитателей бритунийского захолустья.

Сия депутация прибыла в замок короны нынешним утром и тотчас запросила аудиенции у Великого герцога «по делу срочнейшей и безотлагательной надобности». Ну а поскольку Райдор есть местечко тихое и во многом скучноватое, светлейший, заинтересовавшийся столь необычным визитом, немедленно позволил гостям явиться пред свои ясные очи — прием был устроен, как и полагается, в малом тронном зале. Спустя два квадранса герцог отослал посыльного на Волчью улицу — за Ночной Стражей. Ибо изложенное посланниками дело пахло дурно. Тут же гости и хозяин замка перешли в куда более скромный, но укрытый от посторонних ушей в взоров зал для собраний капитулов.



Прибыла депутация, разумеется, с жалобой. С жалобой на соседа — маркграфа Карндона Аквилонского.

Действительно, маркграф Ларн Карндон формально не был бритунийским подданным. Надобно заметить, что титул «графа марки» являлся наиболее необычным в государствах Заката.

Маркграфы стояли на высшей (после короля, разумеется) ступеньке феодальной лестницы наравне с великими герцогами, не подчинялись никому кроме Его величества и были подсудны лишь Суду Коронной Скамьи, сиречь — вынести приговор прощтрафившемуся маркграфу мог исключительно король. Более того, маркграфства существуют только в Аквилонии (три штуки) и в Зингаре (одно), но если владелец сего лена пожелает приобрести земли в другой стране, то и новые лены будут пользоваться теми же привилегиями, то есть считаться полунезависимыми фьефами, сюзерен каковых является чем-то средним между королем, Митрой и всеми прочими всевластными богами. Так уж было записано в старинных законодательных уложениях и менять их пока никто не собирался.

Достойный лорд Карндон имел честь являться подданным Трона Льва и было совершенно неясно, отчего их светлость вдруг решили обзавестись землями в ужасающей дыре и дремучем захолустье — в Полуночной Бритунии. Так или иначе, лет шесть назад маркграф прознал, что скончался не оставивший прямых наследников бритунийский барон Остин, герб на воротах его



замок был перевернут в знак пресечения рода, а лены (невеликие, прямо скажем. В основном — горные луга на склонах Граскааля и одна плодородная долина с полудесятком деревень) отошли во владения короны. Маркграф с изрядной помпой — что твой король! — нанес визит в Пайрогию, к тогдашнему бритунийскому государю Агравену и после недолгих переговоров купил выморочный домен за баснословную сумму, присовокупив к своим многочисленным регалиям еще и баронскую цепь прервавшейся ветви Остинов. Кроме того свою роль сыграло то, что матушка его светлости приходилась старому барону родной сестрой и это давало Карндону дополнительные права на владение леном.

«Зачем?» — этот вопрос долгонько мучил все бритунийское дворянство. Зачем светлейшему маркграфу, почти равне аквилонскому королю Вилеру, потомку Древних Королей, известному богачу, понадобилось покупать ничемные владения на границе с Гипербореей? Да еще и восстанавливать древний замок Остинов, много столетий пользующийся дурной славой? В Бритунии давненько рассказывали байки о том, что баронский род был проклят не то старинным колдуном, не то демоном (потому-то семья Остинов и вымерла), а в самом замке обитало некое ужасное чудовище, вполне сравнимое со знаменитым Триголовом, фамильным проклятием эрлов Ронина? Справедливости ради надо сказать, что самого монстра вроде бы никто и никогда в глаза не видел, но слухи ходили самые нехорошие...



Что же произошло потом? А вот что: маркграф, совершенно позабыв о своих прекрасных дворцах в Аквилонии надолго переселился в Граскаальские предгорья, отремонтировал замок Остин и стал жить совершеннейшим анахоретом — в гости к местным графам-баронам не ездил, на столичных празднествах и приемах не показывался, охотой не увлекался, за дочерьми соседей-дворян и прекрасными селянками не ухлестьивал. Словом, заперся в своем мрачном жилище и носа оттуда не казал.

Разумеется, Карндона сразу заподозрили в каких-то темных делишках. Не иначе, что за стенами замка происходит нечто скверное. Колдовство? Черная магия? Алхимические опыты? Человеческие жертвоприношения? Ну не может *(не может!)* один из самых блестящих и родовитых дворян Заката похоронить себя заживо в угрюмой каменной коробке лишь из-за каприза или прихоти!

Дальше — больше. По предгорьям вновь поползли слухи о Монстре из Остина. Якобы огромное чудовище видом сходное с гигантским леопардом (по другим показаниям — с медведем) видели неподалеку от замка. Якобы кошмарная тварь насмерть задрала шестерых кметов из деревни Бойл. Якобы ночами над родовым гнездом Остинов замечалось зловещее зеленое сияние, вызванное, несомненно, колдовством... Причем слухи ширились день ото дня и при передаче из уст в уста становились все более устрашающими. Кончилось дело тем, что как благородные бритуний-



цы, так и простецы объезжали владение Остин десятой дорогой, а при упоминании страшного замка трижды силевывали через плечо. Подозрения были многократно усилены тем обстоятельством, что маркграф отпустил всех своих кметов, выдав каждой семье достаточную сумму в золоте для обустройства на новом месте. Все до единого крестьяне немедленно переселились в близлежащее Пограничье, где свободных земель было хоть отбавляй.

Таким образом баронство Остин совершенно обезлюдело и для абсолютного большинства бритунийцев превратилось в совершенное пугало наподобие знаменитого Боссонского Ямурлака, в некое подобие «зачарованной страны», куда соваться донельзя опасно, ибо именно в таких землях кишмя кишит нечистая сила, обитают древние чудовища, а уж если вспоминать про знаменитого Монстра из Остина...

— Я не совсем понимаю смысл жалоб достойных дворян, — осторожно сказал Гвай, выслушав бурные речи гостей светлейшего герцога. — Разумеется, Ночная Стража слышана от странностях маркграфа Карндона, но каждый человек волен вести себя так, как ему заблагорассудится. Тем более, богатый дворянин. Затем: несколько лет назад мы проверили сообщения о гибели людей, которых якобы загрызло «чудище Остинов». Могу с уверенностью сказать, что шестеро кметов из селения Бойл были убиты обычнейшим лесным мантикором, опасным, но довольно часто встречающимся хищником. Самого мантикора



тогда же уничтожил мой отряд. А слухи... Ночная Стража, разумеется, прислушивается даже к самым невероятным байкам, однако доказательств реального существования Чудовища не существует. Поверьте опыту. Это всего лишь легенда.

— Легенда? — вздернул бровь пожилой эрл Брагет. — Молодой человек, сколько лет вы охотитесь на монстров в Бритунии?

— Девять, — кратко ответил Гвай.

— А я живу — *понимаете, живу!* — рядом с баронством Остин шестьдесят пять лет. И, поверьте, многого насмотрелся. Честно говоря, у нас в глуши к явлениям всяческих иномировых сил и прочим мрачноватым чудесам относятся куда спокойнее, чем в столицах. Ничего не поделаешь, привыкли. Да и жить как-то надо. — эрл Брагет нагнулся над столом, подался вперед и зловещим полупшепотом сказал: — Даю вам честное слово дворянина, я видел Монстра из Остина. Своими глазами. Как вижу сейчас вас. Я находился в половине лучного перестрела от него и хвала всем богам, что тварь меня не заметила! Иначе мы бы сейчас не разговаривали.

— Когда это произошло? — быстро поинтересовался Конан. — На днях?

— Нет, — покачал головой эрл. — Давно, очень давно. Мне тогда и тридцати не исполнилось. Вы мне не верите, месьоры охотники?

— Отчего же, верим, — вяло ответил Гвай. — Бритунийские дворяне никогда не бросают слов на ветер, это я знаю... Опишите чудовище.



— У меня есть рисунок, — сказал эрл. — Баловался в молодости художественным ремеслом, да и рука у меня твердая. Вот, извольте.

На лаковую столешницу лег большой рулон тонкого пергамента, склеенный из четырех листов поменьше.

Развернули. Конан неприлично присвистнул. Дворяне зашептались.

— Он... Оно... действительно такое? — настала очередь Гвайнарда удивляться. — Вы ничего не перепутали и не преувеличили, владетельный эрл?

— У меня не было оснований применять фантазию для создания этого рисунка, — холодно бросил старик, слегка оскорбленный недоверием охотников. — Пропорции соблюдены точно, внешний вид чудища я не изменял, все выверено, если можно так сказать, до последней шерстинки. Поймите, я его на самом деле видел. Наблюдал за ним не меньше двух квадрансов затаившись в буреломе!

Выглядел Монстр из Остина таким образом: высотой восемь-девять локтей (два человеческих роста!), туловище схоже с медвежьим, густая белесая шерсть свисала до земли, передвигался аж на целых шести лапах, впивавшихся в землю когтями, голова на необъятном туловище казалась маленькой, морда плоская, безноса, будто у кофийской бойцовой собаки. Из пасти торчали огромные клыки сабельной формы.

Эрл изобразил чудище на фоне леса, а рядом, для сравнения, пририсовал человечка. Выглядел



человечек жалко. В целом искусно выполненная углем и мелкими картина смахивала на иллюстрацию к трактату по демонологии.

— Что скажете, месьоры Ночные Стражи? — подал голос Великий герцог Варт.

— Никогда не видел ничего подобного, — пожевав губами сказал Гвайнард и посмотрел на остальных. Конан пожал плечами, Эйнар воздел очи горе, Асгерд покачала головой. — Милорд, я наперечет знаю сотни разновидностей чудовищ как демонических, так и вполне живых — реликтов, сохранившихся в нашем захолустье со времен Валузии и даже Роты-Всадника. Однако, существуют еще и мифологические монстры, в реальном мире не существующие. Впрочем, до минувшего лета я полагал что Демоны Огня, валауко, тоже относятся к области чистейших сказок, но совсем недавно убедился, что Пламенные Бичи существуют в реальности. Точнее, существовали... Не исключено, что изображенное уважаемым эрлом Брагетом... э-э... *животное* является последним представителем давно исчезнувшего вида... Но уж поверьте: ни я, ни мои соратники, люди опытные и хорошо знакомые с миром монстров, никогда прежде не встречали ничего подобного.

— И все же оно существует, — решительно высказался эрл Брагет. — Новые тому доказательства мы готовы предъявить незамедлительно. Эй, там! Сигурд, Этель, живее тащите сюда слепок!

Двое здоровенных вояк из дружины эрла не



без натуги приволокли в зал огромный гипсовый диск и положили на пол рядом со столом.

— Это отпечаток следа Монстра из Остина, — не без гордости сказал Эрл. — Сделан мною лично. Следы были обнаружены четыре дня тому на самой границе баронства. Я залил отпечаток гипсом и счел себя обязанным доставить его в Райдор.

— Вызывает уважение, — процедил Конан, рассматривая слепок. Походило на медвежью лапу, только увеличенную раз эдак в восемь. И когти пострашнее, чем у косолапого.

— Благодарю, — чуть поклонился Брагет, превратно поняв киммерийца. Уважение варвара вызывал размер лапы чудища, а вовсе не труды старого эрла. — Более того, я имею основания утверждать, что это страшилище — не-живое.

— Демон? — вздохнул Гвай.

— Не знаю, — мотнул головой эрл. — Но у живых тварей нет стальных клыков и когтей.

— То есть как — стальных? — Не понял киммериец.

— Его зубы не белые и не желтые, как у обычных хищников, — ответил Брагет. — Они отливают сталью. будто заточенные клинки. И когти на лапах такие же.

Гвай посмотрел на Конана и в его взгляде отчетливо читались слова: «Старикан окончательно спятил».

— Так в чем же смысл вашей жалобы? — вновь задал прежний вопрос Гвайнарда. — Насколько я понимаю эта зверюга на людей пока не



нападала, в деревни за домашним скотом не навевывалась, за пределы баронства Остин не выходила.

— Люди напуганы, — веско сказал эрл Брагет. — Вся округа в ужасе. А мы, как владельцы окружающих земель обязаны защищать своих вассалов. Люди платят подати на содержание дворянских дружин и мы должны оберегать мирных кметов от опасности силой меча! Но в данном случае мечи бесполезны.

— Если, конечно, это не мечи Ночной Стражи, — непонятным голосом отозвался герцог. — Достойнейший господин Брагет, и вы месьюры, можете идти. Я сообщу вам о своем решении. Гвайнард, месьюр Атрог... Оставайтесь. Надо поговорить.

Резные буковые двери затворились за благороднейшими дворянами и его светлость Варт Райдорский остался наедине с охотниками.

— Мирных кметов они должны оберегать, — довольно похоже передразнил герцог эрла Брагета. — Тьфу! Сказали бы честно — сами в штаны наложили, да еще и Громовой перевал закрыт, а соваться боязно...

— Какой такой перевал? — не понял киммериец.

— Вот видно что ты, друг мой, чужеземец, — наставительным тоном сказал светлейший. — Громовой перевал славится удобной тропой через Граскааль, в Гиперборею. И находится он как раз на землях Остина. Понятно?

— Контрабанда, — подсказал Гвайнард. — За-



чем платить пошлину порубежной страже возле Скалы Черепа, когда можно втихую возить товары на Полночь и с Полуночи через Громовой перевал без всяких сборов и налогов?

— Дело, в сущности, житейское, — согласился молчавший доселе Охранитель короны. — Контрабандой местные дворянчики баловались всегда и будут продолжать это делать до окончания веков, сколько ни вешай, сколько ни сажай в темную или не ссылай на рудники. Откровенно говоря мое ведомство давно махнуло рукой на шалости приграничных эрлов. Убыток казне, конечно, изрядный, однако на искоренение сией невинной традиции мы потратим больше средств, чем соберем пошлин с товаров.

— Ага, ясненько, — кивнул киммериец. — Господа дворяне из-за проклятущего монстра потеряли неплохой доходец? И прибежали жаловаться на чудище, засевшее возле замка Остин и Громового перевала? Мол, герцог да охотники помогут избавиться от досадной помехи?

— Почему именно «помехи»? — самым невинным тоном поинтересовался месьор Атрог. — Нам, собственно, данное чудище только на пользу — контрабандная тропа закрыта, сама зверюга за пределы безлюдного баронства не выходит, местным жителям неприятностей не чинит... Предлагаю оставить все как есть и не отвлекаться от более важных дел. Скоро сбор урожая, значит надо ждать набегов со стороны Пограничья — тамошние вольные бароны совершенно распустились!



— Потом про Пограничье, — отмахнулся вельможный. — Тут дело в другом. Если я, как наместник провинции, не приму мер, наши друзья бросятся за помощью в Пайрогию, к королю. Эльдаран в тонкости вникать не станет, про вульгарные подробности о контрабанде и слышать не захочет, но мне обязательно попеняет: отчего, мол, вассалов от напасти не защищаешь? А я, признаться, ссориться с королевским двором совершенно не желаю.

— Выход крайне прост, — невозмутимо сказал Атрог. — Имитировать бурную деятельность, а на самом деле ничего всерьез не предпринимать. Предлагаю: отправить к границам Остина гвардейскую сотню якобы для изловления или истребления монстра. Они, разумеется, потом представят реляцию, что тварь неуловима или неуязвима и с честью вернутся в Райдор. А у нас будет оправдательная бумага. То же самое сделают и месьоры охотники. Кстати, месьор Гвайнард, вы еще можете вытрясти из дворянчиков немного золота за труды. Когда вернетесь, напишете доклад на мое имя или имя герцога. Что-нибудь наподобие: «Монстр из Остина есть тварь мифологическая и сказочная». А что там эрлу Брагету с пьяных глаз померещилось — не наше дело. Как, согласны?

Гвай в очередной раз вздохнул:

— Можно и так. Но сердце мне отчего-то вещует — тварь эта существует в реальности.

— Отлично! — принял решение за всех остальных светлейший герцог. — Так и порешим. Гвай-



нард, отправившись на Полночь вместе с господами дворянами завтра поутру. И... Вот еще что. Попробуйте разведать, что происходит в Остине на самом деле. Вся эта история с маркграфом-завторником вызывает у меня неподдельный интерес.

— Равно как и у меня, — мрачно сказал начальник тайной службы Райдора. — Только я применил бы иное слово. Образ жизни месьора Каридона вызывает не «интерес», а «подозрение». Может, действительно замешана магия? Моим ищейкам так ничего и не удалось выяснить.

— Разберемся, — вернул свое любимое словечко Гвай. — Можно идти, ваша светлость?

— Идите...



Глава вторая,

*в которой Конан и Гвайнард встречаются
с невиданным Зверем*



Выехали рано утром. Гвайнард совершенно не хотелось сопровождать ни месьоров дворян, ни отряд конной гвардии, каковой, разумеется, был незамедлительно отправлен к предгорьям господином Охранителем. Сотнику Атрог дал тайный приказ: «В столкновение с Монстром из Остина не вступать, по возможности уничтожить шайку разбойников, грабящих купцов на Полуночном Тракте, перед эрлом Брагетом и остальными показывать усердие, но усердствовать не чрезмерно». Опытный командир сразу понял что к чему и кавалерийская сотня с песнями и молодецким присвистыванием отбыла из города.

Гвай решил, что со столь простеньким (на первый взгляд...) заданием они с Конаном отлично управятся вдвоем, а посему Асгерд с Эйнарм



были оставлены дома — мало ли что стряется в самом Райдоре за время отсутствия предводителя ватаги охотников? Да и в округе вроде бы заметили какого-то непонятного зверя, по описанию смахивавшего на сколопендроморфа — здоровенное хищное насекомое, иногда разнообразившее свое меню свежей человечинкой... Асгерд только пожала плечами и сказала, что они с Эйнармом смогут завалить паршивенького сколопендроморфа без посторонней помощи, а месьоры Гвайнард и Конан могут катиться на все восемь сторон света и самостоятельно искать приключений на свои задницы.

Большую часть снаряжения, понятное дело, тоже оставили дома, ибо отправляясь на невинную прогулку вовсе не следует тащить с собой несколько мешков с оружием, сетями, капканами и прочим полезным в охоте на чудищ барахлом, каковое даже принадлежащий Ночным Стражам тяжеловоз и то поднимал не без натуги. С собой взяли только обязательные клинки, запас еды в дорогу, немного денег и тубус с картами Полуночной Бритунии. Вполне естественно, что более легкие на подъем охотники сразу же опередили и гвардейцев, и месьора Брагета с компанией.

— Если вдуматься, то старый эрл нес сущую чепуху, — вслух размышлял Гвайнард, покачиваясь в седле. Его зингарская кобыла и сартак Конана шли голова в голову, мелкой рысью. — Шестилапое животное — это ли не бред? Добавим сюда размеры Зверя, якобы металлические клыки,



и странную повадку бродить исключительно по землям баронства Остин. Конан, у тебя есть какие-нибудь соображения?

— Я варвар, мне соображать не положено, — фыркнул киммериец. — Но ты прав, никакой нормальный хищник так не поступает. Конечно, у волков, медведей или наших незабвенных болотных ящеров существует своя охотничья территория и было бы вполне разумно предположить, что искомая зверюга не нарушает границ своих владений из-за того, что опасается нападения другой такой же зверюги, возмущившейся покушением наглого собрата на ее угоды. Однако, Монстр из Остина существует в единственном экземпляре, если киммерийскому дикарю будет дозволено употребить столь ученое слово...

— Не прибедайся, — поморщился Гвай. — Насколько я тебя знаю, мозгов в твоей голове побольше, чем у иного мэтра философии из Обители Мудрости. Знаешь, мне кажется, что Брагет не врал. Я не говорю про дворянскую честь, с ложью вроде как не совместимую. Когда надо, наши захолустные барончики могут врать напропалую, глазом не моргнув. Тут другое. Слишком убежденный вид был у старикана. И он действительно боится.

— А чего тут бояться? — перебил Конан. — Мы ж выяснили, что Зверь на людей не нападает, а только оберегает владения месьора маркиграфа, возжелавшего жить в монашеском уединении. Да страшный, да противный, но поверь, я встречал существ куда более мерзких обликом,



но вполне миролюбивых. Пленительная внешность — еще не показатель доброты душевной, чаще все бывает прямо наоборот.

— Ты об этом Брагету и его друзьям расскажи. Райдорцы, особенно живущие в захолустье, люди суеверные и упрямые. Если уж вбили себе в голову, что остинская чуда опасна — не переубедишь.

— Уверен, тварюга работает у маркграфа Карндона чем-то вроде пугала, — подумав, сказал варвар. — Карндон, вероятно, и впрямь занимается недозволенными делишками, наподобие некромантии или черного колдовства, раз уж выставил со своих земель кметов и поставил охранять рубежи лена незнаемого демона.

— Готов согласиться, — кивнул Гвай. — В цивилизованной Аквилонии, у всех на виду, вызывать демонов из Черной Бездны или стряпать магические отвары было бы чревато. А тут — глухомань и медвежий угол, слова «власть» и «порядок» отдаленно знакомо только обитателям больших городов... Но Монстр из Остина демоном не является — показывается днем, при свете солнца, в отличие от бесплотных тварей оставляет следы, обычной для потусторонних существ жадой человеческой крови не отличается. Но почему шесть ног?!

— А почему бы и нет?

— Тут вступают с силу непреложные законы природы, — рассудительно сказал Гвайнард. — У всех известных живых существ, не являющихся насекомыми, четыре конечности. У насекомых —



шесть. У пауков — восемь. Но медведеподобная тварь с шестью ногами? Чудеса!

— Смесь таракана и медведя, — беззаботно отозвался варвар. — Я вот помню у нас в деревне, в Киммерии, однажды родился козленок с двумя головами. Ничего особенного, такое иногда случается...

— Это исключение, уродство, — покачал головой Гвайнард. — Подобные уроды быстро умирают или не могут жить нормальной жизнью. А наш Зверь... как бы это сказать?... вполне дееспособен. Причем на протяжении долгих-долгих лет...

Разговор и далее проистекал в том же русле. Господа охотники вспомнили полтора десятка самых необычных тварей, с которыми когда либо встречались, затем проплыли по райдорским легендам, рассказывающим о разнообразных чудипцах от вполне реально существующих каттаканов или Ронинского Триголова, до Девы-Плакальщицы и Бродячего пня, каковые наоборот, проходили по ведомству чистойшей небывальщины. Много путешествовавший Конан припомнил многочисленные байки, слышанные в самых разных землях Заката и Восхода, однако ни в одной страшной легенде не говорилось ни о чем хотя бы отдаленно похожем на обитавшее в Остине чудо. Этот монстр, как видно, являлся исключительно местной достопримечательностью.

Самое странное было в том, что предание о Звере из Остина бытовало на Полуночи Бритунии спокон веку, однако эрл Брагет на сегодняш-



ний день являлся единственным человеком, видевшим монстра вживую. Возможно, люди сталкивались со Зверем в прежние времена, но рукописных свидетельств не оставили — это Гвай мог подтвердить авторитетно, поскольку перекопал все библиотеки Райдора, Чарнины и Пайрогии в поисках сведений о монстрах, населяющих или населявших бритунийские земли. Ни одного подробного описания, только легенды и слухи, никак не отличавшиеся достоверностью.

— Приедем — сами увидим, — оптимистично заключил киммериец. — Кстати, где предлагаете остановиться? В баронстве Остин люди теперь не живут, постоянных дворов нет. Можно, конечно, и в лесу переночевать...

— Сейчас подумаем, — Гвайнард перебрал поводья лошади в левую руку, а правую запустил в седельную суму, откуда извлек медный тубус. — Конан, останови Гнедого, смотреть карту на ходу неудобно... Так. Давай взглянем. Тракт ведет на Полночь, через десять лиг поворачивает на Закат и пролегает через владения хорошо знакомого нам эрла Брагета. Ага, нашел! Ближайшая к Остину деревня стоит как раз неподалеку от замка его милости. Там и заночуем, а утром оставим лошадей в таверне и пешочком прогуляемся во владения Зверя. Так будет незаметнее.

— Пешко-ом? — скривившись, протянул варвар. — Почему? И потом, я не хочу оставлять сартака в конюшне у чужих людей. Еще покушает кого-нибудь!

— Верно, — огорчился Гвай, посмотрев на ска-



куна киммерийца. — Угораздило же тебя купить вместо лошади этого вурдалака!

Принадлежащий варвару Гнедой, хоть и походил на жеребца пуантенской скаковой породы, конем не являлся, представляя собой плотоядного хищника-сартака, вывезенного через Врата Миров с Ауруса, мира соседнего. Не столь давно имел место неприятный случай, когда голодный сартак напрямик в яслях одной из таверн Чарнины выпотрошил безобидного ослика и устроил на его останках кровавое каннибальское пиршество.

Случайно заглянувшего в стойло владельца постоянного двора тогда едва удар не хватил и Конан отлично понимал его чувства — не каждый день увидишь лошадь, пожирающую дымящееся теплое мясо близкого сородича. Кроме того, сартак вполне мог напасть и на человека, особенно незнакомого.

— Хорошо, поедем верхом, — сдался Гвай. — Одно радует: Гнедой может и за себя постоять, и нам пособить.

И снова предводитель Ночных Стражей оказался непогрешимо прав. Обладавший зачатками разума сартак отлично понимал, что его хозяин занимается опасным и трудным ремеслом и старался соответствовать своему предназначению — между прочим, именно сартак на днях помог Конану захватить преступницу, за одну ночь убившую в Райдоре сразу троих человек.

— Не нравится мне эта история, — вдруг проворчал киммериец. — Маркграф этот спятивший,



Зверь о шести ногах... Слишком много странностей.

— А когда в нашем деле странностей было мало? — усмехнулся Гвайнард. — Поехали, надо бы до заката успеть в деревню, иначе могут и не пустить. Брагет верно говорил, люди в округе напуганы, а страх вызывает нездоровую подозрительность. Еще сочтут мирных проезжающих оборотнями или вампирами!

* * *

Рассвет следующего дня оба бравых воителя встретили в тесной комнатке единственного в деревне Аргрим постоялого двора без всяких изысков поименованного владельцем «Гусь и петух».

— Поднимайся! — Гвай толкнул устроившегося на заваленной звериными шкурами широкой лавке варвара. — Пора в дорогу!

— Сначала надо поесть, — сонно отозвался Конан. — А во время завтрака продолжим собирать сплетни.

— У меня от рассказов местных пьянчуг вчера голова разболелась, — немедленно пожаловался Гвайнард. — Это же надо столько небылиц напридумывать!

Дело в том, что самые общительные обитатели Аргрима, прослышавшие о прибытии в их поселок знаменитых Ночных Стражей (Конан и Гвай не скрывали цель своего визита и честно показали хозяину «Гуся» свои подорожные и эдикты великого герцога, обязывающие всех доб-



рых подданных Райдора помогать охотникам), немедленно сбежали на постоялый двор и начали потчевать гостей жуткими историями о Монстре из Остина, который в последнее время стал самым популярным персонажем местных страшных историй. Говорили много и бестолково, а деревенский знахарь — старикашка вредный, пьющий и злобствующий — во всеуслышанье предрекал конец света и грядущую Битву Богов.

Отсеяв немногочисленные зерна истины от плевел самого обыкновенного вранья, охотники выяснили одно: Зверь и впрямь не пускает людей в Остин. Самые отчаянные авантюристы из аргримских охотников и контрабандистов пытались было сунуться к Громовому перевалу, но из семерых ушедших к горам искателей приключений и легкого заработка вернулся только один, да и тот после встречи с Монстром серьезно повредился головой и теперь только мычит да пускает пузыри. Остальных, надо полагать, съели...

Ничего более внятного добиться от завсегдатаев «Гуся» не удалось. Да, Зверя несколько раз видели. Да, у него шесть ног и огромная пасть. А еще глаза зеленым светятся. Избавьте нас, господа охотники от нечисти!

— Скверное дело, — сказал Гвайнард варвару, когда они после ужина вышли подышать свежим воздухом на крыльцо таверны. — Люди начали пропадать. Мы-то думали, что Зверь только лишь пугает нежелательных визитеров, а он оказывается, способен убивать.



— Ничего еще не доказано, — поморщился Конан. — Они могли заблудиться, попасть на обед хищнику вроде серого медведя или мантикора, утонуть в болоте, уйти в запой где-нибудь в соседнем поселке. Да мало ли что могло случиться! Почему именно — Зверь?

Гвай не ответил. Неожиданно он дернул варвара за меховую безрукавку и вытянул руку:

— Посмотри во-он туда! В сторону гор!

Ночь была ясная и звездная, только на Полуночи, над Граскаальским хребтом нависали тучи. И сейчас облака были подсвечены неестественно ровным голубовато-зеленым огнем. Будто кто-то направил снизу-вверх луч гигантского кхитайского фонарика затянутого цветной слядой.

— Замок Остин, если верить карте, именно в той стороне, — хмыкнул Конан. — Я ж говорил, это магия! Наш маркграф забавляется колдовскими опытами...

Синеватое зарево внезапно исчезло, будто фить задули.

— Амулет молчит, — Гвай вытащил из-под рубахи гильдейский оберег Ночной Стражи, изготовленный волшебником Пелиасом из Кофа. — Он бы почувствовал присутствие черного колдовства.

— На таком-то расстоянии? — скептически отозвался Конан. — До Остина по прямой лиг пятнадцать, не меньше. Пошли спать, утро вечера мудренее!



* * *

— Ох не нравится мне это благолепие, — медленно проговорил Гвайнард. — Слишком уж тихо да красиво.

Конан предпочел промолчать. Да, действительно, после пересечения границы баронства Остин месьюрам охотникам не попалось на глаза ничего подозрительно, а тем более пугающего. Вековой лес, птички-бабочки-цветочки, ручейки журчат, где-то в чаще отчаянно верещат что-то не поделившие сороки, в воздухе стоит крепкий аромат пыльцы и хвои, высоко в небе кружит, выискивая добычу, коршун... Обычайший пейзаж, завораживающий полным отсутствием цивилизации.

Впрочем, следы таковой цивилизации обнаружили довольно скоро. На обочине давно не использовавшегося человеком и заросшего травой проселка стоял покосившийся деревянный столб с потемневшим от времени и дождей обычным для Бритунии дощатым указателем: «Милостью богов и короля владения славного рода баронов Остин». А через треть лиги охотники наткнулись на брошенную деревню.

Было видно, что люди покидали небольшой поселок не в панике и страхе, а собирались в дорогу со всей обстоятельностью и тщанием, присущими степенным деревенским жителям. Вывезено было буквально все — в пустых домах отсутствовали даже скамьи и битые горшки. «Журавль» над колодцем оказался снят, некоторые



постройки зачем-то старательно разобраны по бревнышку, а сами бревна аккуратно сложены возле тына. Брошенные огороды угадываются только по очертаниями грядок, на которых когда-то росли репа или капуста. На самом большом доме — видимо, общинном, — красовался деревянный щит с перевернутым изображением волка.

— Местная традиция, — пояснил Гвай. — Если люди покидают свою деревню, то вешают перевернутый символ своего рода в знак того, что эти земли теперь пустуют и тут может поселиться любой желающий.

— У меня такого желания не возникает, — Конан слегка поежился. — Терпеть не могу вида брошенного человеческого жилья. Такое ощущение, что мертвечиной пахнет... Поехали отсюда! Нам еще Зверя искать.

— Боюсь, он сам нас найдет, — не без оптимизма высказался Гвайнард. — Надо бы свернуть с проселка в лес. Если Монстр из Остина и впрямь такой здоровый, как на рисунке Брагета, преследовать нас в чаще он не сможет.

— Один момент, — Конан поднял палец. — Скажи мне, а куда мы едем? По большому счету? Или ты думаешь просто-напросто кружить по лесам в поисках Зверя?

— Ничего подобного, — отозвался Гвайнард. — Мы направляемся к замку его светлости маркграфа Карндона. Нанесем, так сказать, визит вежливости. Или ты не помнишь поручения герцога и месьора Атрога? Бумаги у нас в полном



порядке, по рескриптам выходит, что мы состоим на службе наместника провинции... Не подкопашься! А если маркграф пожелает засадить нас в каземат — ночью прилетит Рэльгонн и нас вытащит.

— Твоими бы устами, да пиво хлебать, — проворчал варвар. — Сам знаешь, что я очень не люблю связываться с магией.

— А вдруг месьор Карндон и все тайны Остина не имеют ничего общего с колдовством? Вдруг тут что-то другое?

— Что именно?

— Не знаю...

К замку пробирались обходными путями, по звериным тропкам, придерживаясь направления на Полуночный Восход. Пришлось перейти вброд несколько речек, стекавших с гор и обогнуть обширное болото — изрядный крюк. Гвайнарда по-прежнему настораживала царившая вокруг безмятежность. Зверь (если он все-таки существовал) никак не желал демонстрировать незваным гостям Остина свое присутствие — никаких следов монстра обнаружено не было, а самым страшным хищником встретившимся по дороге являлся крупный волк-одиночка, пробежавший мимо всадников по своим волчьим делам и даже не взглянувший на людей.

Начало смеркаться, а до замка оставалось не меньше шести лиг, преодолеть которые до темноты возможным не представлялось.

— В лесу заночуем, — бодро сказал Гвай, когда лошади вышли на вершину пологого травяного



холма. Внизу простирались бескрайнее темно-зеленое хвойное море, прореженное языками луговин, а слева и спереди вставала синевато-черная стена Граскааля увенчанная снежными шапками вершин. — Не впервой. Не забыл котелок прихватить?

— Не заб... — Конан осекся на полуслове, заметив в отдалении какое-то движение. — Гвайнард, как думаешь, что там такое ползет? Чуть правее озерца, у самого края поля? Это, часом, не то, что мы ищем?

— Где? — Гвай приставил ладонь ко лбу козырьком, пытаясь привязать взгляд к названным киммерийцем ориентирам. — Митра Всеблагой, точно! Зверь! А ну-ка, спешиваемся! Отгони лошадей вниз, нас не должны заметить! Понаблюдаем!

Умный сартак понял, что от него требуется и увел кобылку Гвайнарда к закатному подножию холма. Сами охотники залегли на вершине.

Монстр из Остина находился довольно далеко, не меньше чем в трети лиги, однако рассмотреть его было нетрудно. Месьор Брагет не ошибался — громадная тварюга в точности напоминала рисунок старого эрла. Медведеподобный шестиногий Зверь с густой длинной шерстью и маленькой круглой головой неторопливо, но целеустремленно шествовал по луговине с Полуночного Восхода на Полуденный Закат. Лучи заходящего солнца посверкивали на торчащих из приоткрытой пасти клыках-лезвиях и создавалось впечатление, что они и впрямь металлические.



— Странно... — прошептал Гвай, хотя Зверь явно не мог слышать людей с такого расстояния. — Он движется как-то неестественно, не находишь?

— Нахожу, — столь же тихо ответил киммериец. — Обычные животные так не ходят. Зверь идет точно по прямой, словно вдоль одному ему заметной линии. Ни единого лишнего движения, только ноги работают. Медведь или лось могут помотать головой, почесаться, остановиться что-нибудь понюхать, а этот топает себе, словно его за веревочку тянут.

В этот момент Зверь подошел к краю поля и внезапно остановился как вкопанный. Дергающимся движением задрал башку, исторг громкий неприятный вой, больше напоминавший скрип ножа по фарфоровой тарелке, затем развернулся на месте и с прежней скоростью направился в сторону Полуночи.

— И как прикажете такое понимать? — озадачился Гвай.

— Так и понимай, — буркнул варвар. — Помнишь слова Брагета? «Оно не-живое». Никакое живое существо так не двигается и не кричит. Ты правильно сказал — зверь выглядит неестественно. Слишком неестественно...

— Тогда что же оно такое?

— Не имею ни малейшего представления. Это просто Зверь. Монстр из Остина. Не ломай голову — мало ли загадок на этом свете?

— Много, — согласился Гвай. — И в моем характере их разгадывать!



— Только не на ночь глядя. Ты как хочешь, а я предпочту уехать отсюда подальше — не хочу утром проснуться в желудке этой твари. Гляди, гляди, возвращается!

Чудовище совершало довольно странные маневры — Зверь ходил по луговине по кругу, а точнее, по треугольнику. Будто что-то охранял. Пройдет двести стадиев, остановится на одном из углов «треугольника», взвояет, и снова в дорогу.

— Остаемся! — решительно приказал Гвай. — Будем наблюдать. Как кажется, Зверь бродит тут неспроста, чего-то или кого-то ждет. Боюсь, нас ждет бессонная ночь.

— Тогда я схожу к лошадям и возьму мешок с едой и фляги с вином, — ответил варвар. — Не люблю участвовать в приключениях на голодный желудок. Жаль, что костер развести нельзя, заметит.

Солнце уже коснулось нижним краем горизонта, а на Восходе появились первые звезды.



Глава третья,

*в которой охотники сначала видят
крайне необычных существ, а потом
наносят визит в замок Остин*



Колько же их? — бормотал Гвайнард, не отрывая взгляда от странного спектакля, разворачивавшегося на равнине под холмом. — Не меньше пяти десятков!

— Больше, — отозвался киммериец. — Это если учитывать ездовую скотину. Кром Молнемечущий, мерзость какая! Никогда бы не подумал что подобные твари могут быть приручены людьми!

— Если только мы видим именно людей, а не незнакомых нам человекоподобных тварей...

Чудеса начались вскоре после полуночи, когда вошла неполная убывающая луна. До этого момента месьюры охотники благополучно валялись на травке, всухомятку ужинали лепешками и копченым мясом, по очереди прикладываясь к



баклаге с кислым немедийским вином. Приглаживать за Зверем тоже не забывали, но это занятие оказалось ужасно скучным: монстр безмятежно разгуливал по полю, с одной стороны ограниченому вытянутым озером, с другой — почти непролазной чащобой. Спустя два или три колокола варвар заявил, что на Зверь наверняка уже протоптал на лугу колею, по которой сможет запросто проехать тяжело груженная телега. И оказался почти прав. Относительно телеги, а не колеи.

Когда совсем стемнело, Гвай извлек из своей сумки несколько бутылочек и склянок темного стекла и изготовил в серебряной чарочке один из знаменитых составов Ночной Стражи — это омерзительное на вкус пойло позволяло человеку отлично видеть в темноте и различать весьма отдаленные предметы. Киммериец скривился от отвращения, но выпил — знал, что магический декокт при нынешних обстоятельствах может оказаться полезен. Теперь глаза охотников воспринимали свет луны почти так же, как и солнечный — ночь превратилась в ясный день.

Очень издали донесся едва слышимый колокольный звон — в замке Брагет, а возможно и в Остине, отбивали полночь. Конан вскоре начал задремывать, но его тотчас разбудил Гвай, пихнув кулаком в ребра.

— Зверь остановился, — прошептал предводитель ватаги. — Остановился и отошел к воде... Интересно!

Тут же охотникам пришлось зажмуриться —



луговину внезапно залил яркий бело-голубой свет источником которого стала незнамо откуда появившееся огненное полукольцо. Под светящейся аркой за клубился поблескивающий синими искорками туман из которого внезапно вынырнули три тени имевшие вполне человеческие очертания — руки-ноги-голова, фигуры укутаны в просторные плащи с капюшонами, в руках неизвестные держали что-то отдаленно напоминающее клинки. Конану показалось, что появившиеся из магической арки существа чуть ниже ростом, нежели обычный человек, но всяко повыше горного дверга.

Вооруженная троица быстро осмотрела поле, один из странных незнакомцев подошел к замершему неподалеку Зверю, который издал несколько отрывистых скрипучих звуков и снова отправился по найденному пути — треугольником, от озера к лесу, потом к прорезающему чащу степному языку, потом снова к озеру.

Черноплащные вернулись к пылающей ровным лазоревым огнем арке, один из них шагнул в туман и исчез, двое других встали по краям, будто привратники. А спустя четверть квадранса из светящегося полукольца появилась целая процессия.

Сначала арка породила двух здоровенных — не меньше самого Зверя! — существ, которых можно было поименовать только пауками, благо выглядели они именно как пауки — округлое туловище, голова с несколькими шарообразными глазами, восемь длинных членистых ног... Одна-



ко, два отличия от всем знакомых пауков все же имели место — колоссальные размеры существа и всадник, устроившимся в высоком седле сразу за головой волосатого страшилища.

Оба паука миновали арку, и тотчас в руках всадников вспыхнули огненные шары размером с голову ребенка, но свет они испускали необычный — по полю чиркнули два узких, но исключительно ярких луча, прекрасно освещавшие дорогу.

Немедленно звездный туман портала (Конан почти не сомневался, что на поле возник именно портал, ведущий незнамо куда!) выпустил с десяток пауков подряд, причем некоторые из них были запряжены в некое подобие кубообразных телег о шести колесах. Каждая — размером со средний деревенский сарай. За повозками шествовали человекоподобные твари в плащах.

— Глян-ка правее, — шепнул Гвайнард. — То же что-то светится...

Точно, не столь уж и далеко, лигах в двух, замерцало похожее голубое сияние — видимо в той стороне, совсем рядом с замком Остин, появился аналогичный портал. Странные существа вместе со своими пауками направились как раз в сторону замка. Замыкали шествие два монстра, в точности похожие на Зверя — волосатые, шестиногие и клыкастые. Сам Зверь неторопливо потрусил за ними, наверное в качестве дополнительной охраны жутковатого каравана. Возле арки остались лишь двое «привратников»

— А ну-ка... — в глазах Конана загорелся не-



шуточный азарт прирожденного охотника. — Гвай, жди меня здесь! Посмотрю поближе.

— Куда, идиот?.. — Гвайнард попытался было сцапать киммерийца за рукав кожаного колета, но варвар исчез с вершины холма с такой стремительностью, что ему позавидовал бы даже старый приятель Ночных Стражей Рэльгонн, вампир из замка Рудна, обладавший способностью мгновенно перемещаться с места на место.

Киммериец, когда это требовалось, мог двигаться бесшумнее, чем полевая мышь, прячущаяся от совы. Конан спустился с холма по закатному склону, прикрытому кустарником, выбрался на берег озера (тут ему помогала вымахавшая почти в человеческий рост осока) и быстрыми перебежками приблизился к арке на расстояние двадцати-тридцати шагов. Огнистое полукольцо чуть слышно потрескивало — такой звук получается, когда слишком долго гладишь пушистую кошку. Привратники молча прохаживались возле портала.

И тут Конану несказанно повезло. Одно из существ внезапно нагнуло голову, будто к чему-то прислушиваясь, резко развернулось на каблучке и не сказав ни единого слова сотоварищу нырнуло в туман. Остался только один страж.

Привыкнув доверять первому порыву, инстинкту, варвар действовал не рассуждая. Он тенью появился за спиной ничего не подозревавшего привратника, вытянул из ножен кинжал с кованой бронзовой рукоятью и от души приложил яблоком гарды по затылку невысокой твари. Су-



щество сразу обмякло и Конан едва успел подхватить его на руки, забросить на плечо (тяжеленький, однако!) и бегом рвануть к холму — пока не явились остальные.

— Гвай, быстро на конь! — рявкнул киммериец. — Взял пленного!

— Сумасшедший... — простонал Гвайнард. — Они же бросятся его искать!

— Пропетляем по лесу, не найдут, — самоуверенно отозвался Конан, положив бессознательно пленника поперек седла Гнедого. — Скоро рассвет, успеем уйти. И у нас будет чем поторговаться с паучьими всадниками, если, конечно, им не наплевать на судьбу своего собрата. Быстрее, олух, что стоишь!

Хвала богам, сартак варвара и лошадь Гвая были приучены к ночным переходам, поскольку, как следует из названия гильдии Ночной Стражи, трудиться охотниками приходилось в основном в темное время суток, когда разнообразная нечисть и нежить выбиралась из своих укрывищ. Кроме того, Гнедой видел в темноте не хуже любого филина — хищник все-таки, пускай и похож на обыкновенного коня как две капли воды.

К необычному грузу сартак отнесся абсолютно спокойно — не видел в чужаке опасности. И это не могло не радовать.

* * *

Место для привала выбрали проскакав три лиги, когда на Восходе небо окрасилось в розо-



вый и оранжевый цвета. Причем забрались в самый бурелом — лес в этом месте был настолько древний, что казалось, будто эти деревья встречали самый первый луч новосотворенного солнца на заре мира. В корявых ветвей свисали лохмотья седой паутины, под ногами похрустывал толстый ковер желтой прошлогодней хвои, чувствовался запах плесени, мха и еще чего-то непонятного, но невообразимо древнего, подобного окружавшим двоих людей елям и грабам.

— Оторвались? — выдохнул киммериец, спрыгивая с седла.

— А по-моему, нас никто и не преследовал, — хмуро ответил Гвай. — Слушай, варвар, я однажды начищу тебе рыло собственными руками! Вроде бы взрослый человек, служил в гвардии аж у трех королей, должен понимать, что такой нездоровый авантюризм может привести к самым печальным последствиям. За каким зеленым демоном тебе сдался этот... это... Кстати, надеюсь ты его не убил?

— Сейчас глянем, — Конан стянул со спины сартака добычу, уложил на землю и отбросил капюшон. Пленный не шевелился — может, на самом деле умер? Силушки для удара Конан не пожалел.

Нет, не умер. Дышит, веки подергиваются, чуть шевелятся пальцы. Да только что пальцы, что веки, что все остальное человеку не принадлежит совершенно.

— Когда-нибудь видел таких? — киммериец поднял взгляд на Гвайнарда, но тот молча пока-



чал головой. — И я не видел. Кто он, как думаешь?

Гвай с ответом не нашелся, поскольку лежавшее у его ног существо было... Как бы это сказать поточнее? Оно было *чужим*. Абсолютно чуждым миру Хайбории, не похожим ни на одного известного демона или монстра, не говоря уж о разумных существах.

Сложение, впрочем, действительно походило на человеческое. На плотном туловище сидела острая треугольная голова, отдаленно похожая на ящеричью, но только лишь похожая — ни у каких ящеров не бывает пронзительно-красной, алой чешуи цвета свежей крови.

Чешуйки крупные, с ноготь, почему-то восьмиугольные, с более темной багровой звездочкой-рисунком в центре. Полупрозрачные веки, прикрывающие выпуклые шарообразные глаза были нежно-розовыми. На длинных сильных руках по три пальца, оканчивающихся изогнутыми коготками.

Ноги обуты в некое подобие сапог, только подошвы сделаны из легкого серебристого металла. Одежда темная, из неизвестной ткани, очень плотной и скользкой на ощупь. На толстой короткой шее, на широком ремне висит непонятная железная штукавина, вроде толстой трубки с несколькими рукоятками и рычажками. К поясу прикреплен перемигивающийся цветными огоньками жезл длиной с половину человеческого предплечья.

— Руки-ноги ему свяжи, — посоветовал Гвай.



— И железяки отбери, по-моему это какое-то оружие. Эх, жаль ночь кончилась, позвали бы Рэлыгонна, он бы разобрался что к чему.

— Завтра, — отмахнулся варвар, отлично понимавший, что умный упырь запросто смог бы объяснить охотникам предназначение загадочного снаряжения красночешуйчатой твари. — Веревку подай!

— Лови! Кстати, этот красавчик — живое существо не имеющее никакого отношения к демонам или нечистой силе. Все мои амулеты молчат...

Чужак пришел в себя когда окончательно рассвело и солнце медленно выползло из-за далеких зубчиков Кезанкийского хребта. Открыл глаза (они оказались неожиданно темными, почти черными), попробовал пошевелиться, дернул связанными руками и воззрился на сидевших напротив людей.

— Вы кто? Зачем я здесь?

Киммериец и Гвай непроизвольно открыли рты. Чужак отлично разговаривал на бритунийском, разве что слегка шепелявил, не очень правильно строил фразы и говорил слишком отрывисто.

— Э-э... Мое имя Гвайнард из Гандерланда, гильдия Ночной Стражи, — поразмыслив, представился Гвай. — Наша гильдия надзирает за порядком в землях Бритунии и высший властитель герцогства Райдор поручил нам узнать, что происходит на землях баронства Остин. Если хочешь, мы покажем тебе эдикты светлейшего.



— Не надо убивать, — проговорил чешуйчатый. — Дам золото. Много. Сколько хотите.

— Никто не собирается тебя убивать, — ответил Гвайнард. — Мы должны узнать кто вы такие и почему приходите в Бритунию без всякого дозволения герцога, порубежной стражи и таможи?

— Про это говорить не могу, — отрезал чужак. — Власть все разрешила. Карндон. Отвези туда, получишь золото.

— Повторяю, кто ты такой? — с задушевной ласковостью очковой кобры повторил варвар.

— Азаград, внутренняя стража Ворот, седьмая дюжина желтого штандарта, — непонятно отчеканил ящер. — Больше ничего не скажу, можешь убивать.

— Противоречишь сам себе, — невесело улыбнулся Гвайнард. — То просишь не убивать, то наоборот... Хорошо. Мы можем отвезти тебя в замок Остин. Какие будут гарантии нашей безопасности?

— Даю мое слово. Слово Азаграда нерушимо.

— Это твое имя?

— Нет. Так зовут всех. У нас нет имен, как у здешних людей.

— Человеков... — фыркнул киммериец. — А что, люди еще и «нездешние» бывают?

— Бывают. Вези к Карндону. Он — власть. Даст золото. Я пообещал.

— Постой, а тварюга ваша шестилапая нас по дороге не сожрет? Если твои начальники заметили исчезновение одного из стражников, Зверю



могли поручить отыскать потерявшегося. Что-то нам не очень хочется с ним встречаться.

— Это не зверь. Он не живой. Механизм. Вы такие не знаете. Умею приказывать. Развяжи руки. Я ничего вам не сделаю, обещаю.

Конан вопросительно поглядел на Гвая и тот согласно кивнул. Риск, конечно, но почему бы не рискнуть?

— Только, друг, оружие я тебе не верну, — сказал киммериец чужаку, распутывая узлы. Обещаешь не убегать? Иначе арбалетную стрелу в спину получишь.

— Обещаю, — безразлично повторил ящер. — Оружие отдашь потом. Когда приедем в дом Карндона. Получишь еще золота.

— Да подавись ты своим золотом, — возмутился варвар, освобождая чужака от веревок. — Нужно больно!

— Вы едите золото, — убежденно ответил красный ящер. У Гвая с Конаном после эдакого утверждения глаза на лоб полезли. — Без еды нельзя. Никому. Карндон даст много.

Выехали. Обратную дорогу искать не пришлось — сартак, отягощенный сразу двумя всадниками, сиречь Конаном и усевшимся перед варваром чужаком, уверенно вышел по старому следу к уже знакомой охотникам возвышенности.

А рядом с холмом Ночных Стражей ждал скорприз, пускай и вполне ожидаемый.

Зверь.

Выглядел монстр раздраженно, если подобное слово можно применить к бездушному механизму



му, каковым по утверждению ящера он являлся. Рыл землю передними лапами, сверкал глазищами, порывал и вообще всем видом давал понять, что церемониться с нахалами, покусившимися на одного из своих хозяев, не намерен.

— Слушай, а ты уверен, что наш чешуйчатый дружок не отдаст приказ Зверю разорвать обидчиков в мелкие клочки? — спросил киммериец Гвайнарда, нарочно перейдя на аквилонский язык. Не хотел, чтобы ящер его понял.

— Хм-м... Понимаешь, это существо пришло к нам из иного мира, возможно из другой Вселенной. Мне кажется, что другие, более развитые разумные расы в чем-то честнее и добрее человека. Вспомни хоть Рэльгонна! Рискнем?

— Рискнем, — покладисто согласился Конан. — Но последствия — за свой счет.

Киммериец ссадил чужака на землю, сказав на бритунийском:

— Иди, умирять свое пугало. И уж постарайся сделать так, чтобы...

Ящер не обратил на слова Конана ровным счетом никакого внимания. Шагнул вперед, а затем прокричал несколько слов на своем шипящем языке.

Монстр из Остина на миг застыл, а затем... Затем взял с места в галоп, направляясь ко всадникам. Бежал он куда быстрее любой лошади.

«Вот тебе и рискнули... — молнией проскочила мысль в голове Конана. — Сбежать не успеем, затопчет!»



* * *

Зверь в несколько прыжков оказался рядом с охотниками и красным ящером, однако нападать не стал — просто взрыхлил землю всеми шестью толстыми лапами, украшенными жутчайшими когтями и преданно замер рядом с чужаком, подобно туче нависнув над невысоким гостем Хайборийского мира.

Вблизи Монстр из Остина выглядел куда более впечатляюще. Возьмите горного серого медведя, каковой и так является созданием превесьма большим и тяжеловесным, увеличьте косолапого раза в четыре, добавьте еще пару лап... Тогда, возможно, получится нечто похожее на Зверя.

Однако, от чудища вовсе не пахло животным, из отверстой клыкастой пасти не воняло, а густая шерсть выглядела странно — она была не белесой, как казалось раньше, а серебристой, с металлическим отливом. Миндалевидные глаза светились ровным зеленоватым огнем.

— А зубы-то действительно железные, — заметил Конан, во всех подробностях разглядев монстра. — Впечатляет, честно говоря... Эй, дружище, ответь, для вас такие зверюги потребны?

— Охрана, — подтвердил подозрения охотников чужак. — Сильный. Быстрый. Если надо — может драться.

— Понятно, — вздохнул Конан. — Поехали, что ли, к месьору Карндону?

Ящер подошел к сартaku, намереваясь залезть



на спину Гнедого, но вдруг остановился и приоткрылся к морде скакуна. Гнедой будто нарочно оскалил клыки.

— У вас тоже есть такие? — понимающе сказал чужак. — Азаград покупает их в Золотом мире. Умные.

Киммериец и Гвай переглянулись. Вот, значит, как? Оказывается, странные ящеры бывали даже на Аурусе? Выходит, что с помощью порталов они могут путешествовать по многим Сферам Вселенной? Или все-таки чужаки пользовались ведущими на Аурус Вратами Миров, расположенными в Бритунии? Судя по тому, насколько хорошо ящер говорил на бритунийском языке, владельцы гигантских ездовых пауков частенько бывали в Хайбории. Только почему о них доселе никто ничего не слышал?

Зверь, слегка нервировав Конана и Гвая, топал позади всадников, но киммериец понимал, что сейчас чудовище опасности не представляет — ящер не обманул, сказав, что умеет им управлять. По дороге к замку Остин Ночные Стражи заметили довольно много следов Зверя и глубокие вмятины, оставленные колесами повозок — не иначе, сородичи красного ящера появлялись в этих местах почти каждую ночь. Но с какими целями? Что находится внутри громадных телег? Киммериец допускал, что Азаград (или как там именуется народ чужаков?) вполне мог возить в Остин оружие — вдруг ящеры готовятся к войне с Хайборией и устраивают склады в разных частях материка? Нет, быть того не может, подго-



товка к масштабному вторжению не прошла бы незамеченной, а Зверя-охранника, как достоверно выяснилось, люди видели только в Полночной Бритунии.

Что же тогда происходит? И даст ли ответ на этот вопрос досточтимый маркиграф Карндон, вне всяких сомнений вступивший сговор с красными ящерами?

Замок появился внезапно — всадники и шествующий неподалеку Зверь обогнули сосновый перелесок и вышли к невысокой, но крутой скале темно-серого гранита, верхушка которой была украшена фамильным гнездом ныне стигнувшего рода Остинов. На флагштоке, как и положено, развевалось знамя нынешнего владельца окрестных земель.

— Золотой лев, стоящий на задних лапах в лазурном поле с красным окоем, — откомментировал Гвай увиденное. — Все правильно, это известный всей Аквилонии герб семьи маркиграфов Карндон. Судя по короне, венчающей льва — в резиденции сейчас живет представитель старшей ветви династии. Никаких ошибок — его светлость на самом деле переселился в Остин... Пейзажи тут, конечно, замечательные, но какая скукота!

— Ты называешь это скукотой? — с подчеркнутой иронией осведомился Конан. — Звери, пауки, порталы... Да, согласен — ужасно скучно! Выть хочется.

Замок выглядел вполне обычно — никаких внешних отличий от скромных укреплений про-



чих небогатых дворян из ближайшей округи. Каменная коробка, одна-единственная башня-донжон, подъемный мост, потемневший герб баронов Остин над воротами — серебряный дрозд на черном щите. Стражи на стенах не видно, но в этом нет ничего необычного — эпоха баронских войн в Бритунии давно миновала, а опасаться нападения со стороны сопредельных стран бессмысленно, поскольку Гиперборея и Туран надежно отделены горами, по которым не пройдет ни одно войско. Ловкие и отчаянно смелые контрабандисты и то с трудом переправляют на Полночь или Восход свои небольшие караваны через перевалы, проходимые исключительно в теплое время года.

Странности, однако, присутствовали. Всадники, в сопровождении неотвязного Зверя, подъехали к воротам, подъемный мост перебрасывавшийся через широкую расселину в скале был поднят. Конан собрался было покричать, призывая нерадивую стражу, но вдруг тяжеленный, окованный железными полосами мост совершенно беззвучно поехал вниз. Никакого грохота цепей, скрипа воротов, не слышно ругани привратников, клянущих свою тяжелую работу. Киммериец на всякий случай кашлянул — проверить, не оглох ли.

То же самое произошло со створками ворот — разошлись без малейшего скрипа, будто огромные петли по три раза на дню смазывали самым лучшим маслом. А под низкой массивной аркой пылали отнюдь не факелы — на подставках горе-



ли непонятные светильники, напоминавшие формой огромную каплю и дававшие ровный золотистый свет.

Зверь остановился перед мостом, будто ожидая приказа, потом развернулся и бесшумно зашагал обратно на Закат. Красный ящер без разрешения Конана спрыгнул с холки Гнедого и шагнул под своды штурмового коридора замка. Охотники тоже предпочли спешиться и последовали за ним.

— Доброго дня путникам! — своды арки отразили звук человеческой речи и многократно ее усилили. — Мы ждали вас. Милости прошу.

— Ждали? — не удержался от вопроса Конан, узрев вынырнувшего из боковой двери парня лет восемнадцати. По виду — аквилонец, темные волосы схвачены в хвост, голубые глаза выражают неподдельный интерес. Одет в блио гербовых цветов маркиграфа Карндона.

— Совершенно верно, ждали, — подтвердил привратник. — Зверь сообщил в замок о вашем прибытии.

— Это чудище постоянно находилось рядом с нами, — процедил варвар, уверенный, что ему нагло пудрят мозги. — Как он...

— Его светлость постарается все объяснить, — перебил киммерийца парнишка. — Прошу следовать за мной. О лошадях позаботятся.

— Нет уж, — отказался Конан. — Гнедого я привяжу сам. Он терпеть не может посторонних и способен...

— Конюхи этого замка приучены обращаться



с сартаками, — вновь прервал Конана слуга его светлости, повергнув варвара в состояние блаженного обалдения. Ничего себе штучки — у них, оказывается, сартаки есть! Впрочем, после упоминания ящером мира Аурус, удивляться этому вовсе не следовало. — Идемте.

В обширном дворе замка не отыскалось ничего неожиданного — обычные хозяйственные пристройки, разве что не покосившиеся и запущенные, как у многих захолустных дворян, а новехонькие, построенные из лучшего строевого леса. Прислуга выглядит сыто, одета добротно: Возле дальней коновязи стоят аж целых четыре сартака, принадлежащих владельцу Остина — варвар давно научился отличать этих ездовых монстров от обычных лошадей. Приятно пахнет кухней и свежим деревом. Чистота поразительная. Словом, хозяин любит порядок.

Гнедого увели к сородичам, встретившим новоприбывшего радостным чириканьем — сартаки, в отличие от лошадей ржать не умеют, но зато способны воспроизводить множество услышанных звуков, включая человеческую речь. Кобылку Гвайнарда отправили в стойло, предназначенное для конской породы. Самих гостей вместе в молчаливым красным ящером, кутавшимся в свой плащ, провели к парадной лестнице.

— Ох, прошу простить, забыл представиться, — спохватился темноволосый юнец. — Риас Деброй из Пуантена, второй оруженосец светлейшего маркиграфа Карндона.

— Деброй? — живо повернулся к оруженосцу



Гвайнарда. — Анвар Деброй, случайно, тебе не знаком?

— Старший брат... — удивился Риас. — Служит в «Черных беркутах», особый отряд Латераны, Тарантия. Прошу простить, но откуда достойный месьор...

— Мы вместе начинали службу в «Беркутах», — спокойно пояснил Гвай. — Я ушел из отряда спустя пару лет. Как там Анвар? Небось, уже капитанский чин получил?

— Да, совсем недавно, прошлой весной, — слегка растерялся оруженосец. — Что же мы стоим, месьоры? Его светлость приказал немедленно проводить вас наверх. Следуйте за мной.

— Какая разная судьба у двух братьев, — тихонько сказал Гвай варвару, когда они поднимались по роскошной мраморной лестнице, совершенно не подходившей к захолустному замку. — Старшенький трудится на поприще тайной службы Трона Дракона, второй связался с этим странным маркиграфом... Обрати внимание, замок обставлен не хуже королевского дворца! Какое немислимое богатство!

Богатство киммериец оценил. Очень даже оценил! Случись ему в славные времена жития в городе Шадизаре забраться в такой дом и вынести отсюда хоть тысячную долю накопленных сокровищ, запросто можно было бы напоить вином всю Замору вкупе с Коринфией и целый год блаженствовать в лучших увеселительных заведениях...

Замок Остин только снаружи производил скром-



ное впечатление. Внутри все выглядело прямо наоборот, причем роскошь была не вызывающей и вульгарной, как например в некоторых эмирских дворцах Турана или в резиденции незабвенной королевы Тарамис, полагавшей, что чем больше золота — тем красивее. Как видно, маркиграф отличался редким чувством вкуса. Резьбу по камню явно выполняли лучшие аквилонские мастера шамарской школы, вазы цветного камня — офирские, много великолепных древних статуй, драгоценные иранистанские ковры подобранные по тону к обивке стен и украшениям, зингарские гобелены, коллекции редкого оружия. Роскошь не резала глаз, напротив, выглядела естественной и неброской. Отнюдь не отличавшийся бедностью замок вельможного герцога Варта Райдорского смотрелся бы рядом с обиталищем маркиграфа Карндона сущим хлебом.

Перехватив ошарашенные взгляды гостей, оруженосец невозмутимо заметил:

— Его милость увлекается собиранием редкостей. Вы еще в Полуночном крыле не были, такая красотища — засмотришься! А коллекция чужих предметов!..

Тут Риас осекся, будто сказал что-то лишнее. Конан, однако, сразу выделил слова «чужие предметы» и крепко призадумался. Значит, именно *чужие*? Интересно!

Безмолвный лакей распахнул дверные створки и Конан вновь присвистнул. Ни дать, ни взять — кабинет короля. Большой стол, имеющий необычную форму полумесяца, над ним — портрет



знаменитого аквилонского государя Сигиберта Завоевателя (ах, да, Карндоны с Сигибертом вроде бы состояли в родстве...), по стенам — мозаичные панели с родовыми гербами, шитый золотом атласный штандарт в углу, вместо свечей или факелов — уже виденные ранее каплевидные светильники. Левая стена зачем-то укрыта темно-малиновой занавесью.

— Проходите, проходите. У нас тут просто, без церемоний! Умоляю, никаких титулов! Я, разумеется, граф марки, барон, виконт и так далее, однако здесь не тарантийский замок короны... Называйте меня просто по имени: месьюр Ларн!

Состоялось явление его светлости — из-за красной бархатной занавеси вынырнул сухощавый высокий господин средних лет, облаченный в простую темно-синий колет со множеством серебряных пуговиц. Особо величественного впечатления благородный маркиграф не производил — лицо худое, скуластое и очень загорелое, принадлежит скорее не потомку Древних Королей, а деревенскому плотнику или гуртовщику. Светлейший чуть ссутулится, руки имеет длинные с большими сильными ладонями. Глаза светло-голубые, чуть водянистые и веселые.

— Значит, именно вы и являетесь знаменитыми Ночными Стражами? — осведомился Карндон и прошел к столу, попутно указав гостям на кресла. — Располагайтесь непринужденно. Риас, проводи Азаграда в подвал, к Вратам, ему пора домой. Заодно принеси от моего имени извинения декуриону желтого штандарта за этот при-



скорбный инцидент — более такого не повторится.

— Оружие, — напомнил ящер. — Путь отдадут.

Конан нехотя вернул чужаку трубку с рычажками и жезл. Чешуйчатый молча забрал железки и ушел вслед за оруженосцем не попрощавшись ни с маркграфом, ни со своими обидчиками. Двери закрылись и охотники остались наедине с хозяином диковинного замка.

— Месьор Гвайнард, месьор Конан... — маркграф уставился на охотников. — Не скажу, что ваше появление в Остине ожидалось столь быстро, но рано или поздно Ночная Стража непременно посетила бы мой скромный дом...

— Откуда вы знаете наши имена и почему уверены, что мы — именно Ночные Стражи? — нахмурившись, спросил Гвай.

— Иштар Милостивая! Занимаясь столь необычным ремеслом, я попросту обязан содержать осведомителей, сообщающих мне о событиях в округе и столице провинции. Я отлично знал, что драгоценные соседushки, это скопище тупоголовых чванливых ублюдков с громкими, но ничего не значащими титулами, побежали жаловаться герцогу! Хвала богам, Райдор оказался умнее своих подданных — я всегда знал, что его светлость выгодно отличается от прочих обитателей этой страны изрядной сообразительностью! Гвардейская сотня под видом охоты на Монстра из Остина отправилась ловить разбойников на Полуночном тракте, а Ночная Стража прибыла в мои



владения, дабы проверить истинность легенды о Звере.

— Но откуда... — начал было Конан.

Однако маркграф прервал варвара решительным жестом:

— Разве не догадываетесь? Поверьте месьоры, колеса я не изобретал. Десяток полновесных золотых ауреев Трона Дракона капитану гвардии, еще десяток — чиновнику из ведомства уважаемого господина Атрога — и я знаю обо всех сомнительных тайнах столичной жизни. Без взяток не работает мельница нашей жизни, увы. Доставить сообщение из города в Остин — дело простейшее, соколиная почта работает исправно, а если уж сокол не справится, у меня найдутся другие, более заковыристые способы узнать новости. Сердечно прошу вас, по возвращении в Райдор не докладывайте Охранителю короны о моих скромных конфидентах — Атрог их непременно вздернет, хотя эти люди не сделали ничего плохого. Я не использую полученные сведения в ущерб Райдорскому герцогству и его светлости Варту. Просто люблю быть осведомленным.

Карндон помолчал, потянулся к кувшину с вином и наполнил три хрустальных бокала.

— Угощайтесь, настоящий «Золотой Либнум», — сказал он. — Итак... Не сомневаюсь, у вас накопилось множество вопросов. Спрашивайте. Постараюсь ответить честно, если только вопросы не будут касаться чужих тайн, раскрывать которые я не вправе.

— Гхм, — кашлянул Гвайнард, не зная с чего



начать. — Вы совершенно правы, ваша светлость, все началось именно с жалобы ващих соседей герцогу...

— Сказал же — без титулов и церемоний, — сморщил нос Карндон. — Потускнела моя светлость в этой глуши, как неумолимо тускнеет все сущее. Жаловались, ясное дело, на зломерзкого монстра, насмерть перепугавшего всю округу? Детишки плачут по ночам, коровы доятся чистой простоквашей, кобылы рождаются исключительно сивой масти, пиво скисает прямо в бочонках, а благородных эрлов спьяну мучают кошмарные сновидения? И все это благодаря Зверю?

— Примерно так, — улыбнулся Гвай.

— Вот сквалыги! Остин — моя земля, что хочу, то и делаю! Вы же знаете, что на этот лен распространяются все права и привилегии маркграфства, как и записано в законодательных уложениях всех королевств Заката, кроме, кажется, Пограничья? Да, контрабандные стежки-дорожки теперь намертво перекрыты, но это уже совершенно не мои трудности — почему я должен позволять нарушителям законов герцогства Райдор использовать мои земли для наказуемого судом промысла?

— А сами вы, месьор Ларн, закон не нарушаете? — поддел маркграфа Копан.

Карндон остался невозмутим:

— Да, не нарушаю. Ни в каком уложении, указе, рескрипте или эдикте короля Бритунии, а равно и Райдорского герцога не сказано, что нельзя содержать на своих собственных землях



чудовищ, вроде хорошо вам знакомого Зверя. Верно ведь?

— Но Зверь убивает людей, — нахмурился Гвай. — Из деревни Аргрим исчезло несколько человек, а единственный возвратившийся с Громового перевала контрабандист сошел с ума, повстречавшись с вашим монстром!

— В том, что у этого достойного месьора оказалась столь тонкая душевная организация я абсолютно не виноват, — откровенно фыркнул маркграф. — А остальные живехоньки, только до поры до времени принуждены сидеть под замком. Слишком много видели.

— Мы тоже слишком много видели, — еще более посмурнел Гвай. — Не далее, как минувшей ночью. Вы нас тоже посадите под замок? До поры?

— Перестаньте, месьор Гвайнард, — махнул рукой Карндон. — Что вы как ребенок... Существует огромная разница между безграмотными кметами, способными лишь навести панику в соседних баронствах жуткими рассказами о пауках-гигантах и Ночной Стражей, которая способна понять смысл происходящего.

— И что же мы должны понять?

— Азаград — знакомые вам существа с красной кожей — не представляют никакой опасности ни для Хайборийского мира, ни для его обитателей. Впрочем, давайте я расскажу все по порядку... Не стесняйтесь, наливайте еще вина. Разговор предстоит долгий.



Глава четвертая,

*в которой Конан и Гвайнард узнают
правду о Звере из Остина*



Они являются расой торговцев, купцов... Единственное отличие от нашего торгового сословия состоит в том, что Азаград возит товары не из Бритунии в Аквилонию или, допустим их Хоршемиша в Асгалун, а из Сферы в Сферу. Насколько я знаю, красные ящеры путешествуют как минимум по полутора сотням обитаемых миров, человечеству пока недоступных.

— Тогда почему они не торгуют с Хайборией в открытую, а прячутся? — заинтересованно спросил киммериец, внимательно слушавший маркграфа.

— Красные ящеры полагают, что человечество пока не готово присоединиться к Великой Торговой Цени — так Азаград называет свое грандиозное предприятие... Большинство людей опасается



чужаков, даже вы сперва посчитали их врагами. Кроме того, в Хайбории нет товаров, способных заинтересовать покупателей в иных Сферах. Мы слишком неразвиты. По мнению ящеров, конечно...

— Один в один слова Рэльгонна, — огорченно кивнул Гвай. — Нецивилизованные отсталые варвары...

— Рэльгонн? — вздернул брови хозяин Остина. — Конечно же, это ваш приятель-вампир из Рудны! И не делайте столь удивленные лица, я отлично знаю о каттаканах, мы знакомы.

— То есть как — знакомы? — в один голос спросили поразившиеся этой новостью охотники. И киммериец, и Гвайнард были уверены, что Рэльгонн и его родственники не общаются с другими людьми, кроме Ночной Стражи.

— Каттаканы изредка покупают у Азаграда необходимые им вещицы. А я выступаю в качестве посредника. Рэльгонн все надеялся, что ящеры помогут каттаканам отыскать дорогу в их родную Сферу, но увы — даже эти существа, посещающие множество других миров, не смогли им помочь. Видимо, Сфера каттаканов расположена слишком далеко.

— Месьор Ларн, мы отвлеклись от главной темы разговора, — напомнил Гвай. — Не могу понять одного: если Азаград не торгует в Хайбории, то что они делают в нашем мире? И как вы с ними познакомились? Вы, блистательный дворянин, внучатый племянник Сигиберта Великого, граф марки! Как?!..



— Отвечаю по порядку, — усмехнулся Карндон. — Дело в том, что путешествия между Сферами сопряжены с определенными трудностями. Это только на первый взгляд кажется, что перенестись из мира в мир с помощью портала довольно просто. Да ничего подобного! Торговцы объяснили мне, что успешное строительство порталов зависит от расположения звезд, противостояния планет и еще множества разнообразных причин, повлиять на которые никто не в силах. Так вот, Хайборийский мир является для Азаграда чем-то вроде промежуточной остановки на пути из их родной Сферы в некоторые другие миры. Напрямую в чужие Сферы торговцам никак не попасть, приходится сначала перемещаться сюда, затем строить новые Врата и отправляться дальше. Хайбория в настоящее время расположена во Вселенной исключительно удачно и является своего рода перекрестком на большом караванном пути. Причем строить порталы ящеры могут исключительно на землях Остина, тут тоже виновны некие природные причины, в подробности я не вдавался... Разумеется, существуют и другие миры-перекрестки которыми пользуется Азаград, но и у нас ящеры появляются довольно часто. Когда-то давно они заключили договор с баронами Остин, разрешившими торговцам проходить через их земли, в качестве стражи оставили тут Зверя, призванного как охранять караваны, так и отпугивать излишне любопытных. Отсюда и легенда о Монстре из Остина. Я доходчиво объясняю?



— Более чем, — киммериец почесал в затылке. — Но каким образом династия баронов Остин удавалось сохранять эту историю в тайне несколько десятилетий, если не столетий? Ведь раньше баронство было населено — крестьяне, охотники...

— Люди просто боялись чудовища, — пожал плечами Карндон, — и не заходили в запретную долину. Хотите открою страшную тайну? В действительности Монстр из Остина не одинок, несколько лет назад ящеры выпустили в наш мир еще троих зверюг — два Стража оберегают границы баронства, еще два следят за караванами. Поэтому и видят их значительно чаще, чем раньше. Кроме того, до недавнего времени ящеры появлялись у нас сравнительно редко, примерно три-пять раз в год. Лишь незадолго до смерти последнего Остина торговый путь стал куда более оживленным. Кстати, сестра старого барона была моей матерью, знаете об этом? Вот вам и ответ на второй вопрос. Я просто-напросто унаследовал семейное дело, если уж вы позволите мне выражаться подобно какому-нибудь ростовщику или ювелиру.

— Но какой вам в этом интерес? — продолжал настаивать Конан. — Насколько я знаю, династия Карндон богата, золото наверняка не играет здесь большой роли!

— Азаград платит мне за использование владений Остина в качестве торгового пути отнюдь не золотом, — с таинственным видом сказал маркграф. — Есть на свете вещи куда более цен-



ные. Например, знания, обрести которые в Хайбории невозможно. И возможность путешествовать... Вы понимаете, куда именно путешествовать?

— В другие Сферы? — полуутвердительно-полувопросительно сказал Гвайнард.

— Верно. Я побывал вместе с караванами ящеров в восемнадцати мирах и намереваюсь посетить еще несколько. По крайней мере в то время, пока Азаград имеет возможность вести столь деятельную торговлю. Жаль, что скоро ящеры будут появляться у нас довольно редко, как и в прежние времена.

— Почему?

— В последние годы из Хайбории можно было открыть проход в несколько десятков миров, однако наша Сфера постепенно меняет свое положение во Внешней Пустоте и значительная часть иных миров станет на долгое время недоступна... Ящеры вновь станут приходить к нам лишь по несколько раз в год, а не почти еженочно, как сейчас.

— Благодарю, месьор Ларн, вы нас отчасти успокоили, — сказал на это Гвай. — По крайней мере, теперь мы выяснили, что эти существа безопасны.

— Это смотря с какой стороны взглянуть, — серьезно ответил маркграф. — Раса торговцев делится на несколько различных каст, каждая из которых занимается своим делом. Непосредственно купцы, ведающие торговыми сделками. Возничие, отвечающие за доставку товаров. И,



разумеется, охрана. Вот с этими типами я не советую связываться никому.

— Да? — скептически бросил Конан. — Видел я их охрану в деле. Стыд один!

— Поверьте, если бы Азаград захотел вытащить своего товарища из неприятностей, мы бы сейчас не разговаривали, — веско сказал Карндон. — Думаете, я не наблюдал за вами все это время? Вчера вечером вы подъехали к Лисьему холму, на вершине которого устроили засаду. Зверь отлично видел вас, но я отдал ему команду не обращать внимания на посторонних. Никто ведь не ожидал, что месьор Конан Канах решится на столь безрассудный поступок — захватить одного из стражей Ворот! Ящеры были в ярости, я с трудом сумел убедить командира желтого штандарта — так называется отряд охраны Азаграда — что с его подчиненным ничего не случится и мы незамедлительно вернем его домой. К счастью, мне поверили, а вы не совершили ничего непоправимого. Вам еще повезло — оружие ящеров способно превратить любого недоброжелателя в кучку пепла...

— Значит, не только мы наблюдали за Зверем? — понимающе протянул Гвайнард. — Удовольствие было взаимным?

— Разумеется. Подходы к Лисьему холму, где ящеры строят Порталы Выхода, тщательно оберегаются. Там достаточно соглядатаев. Впрочем, слово «соглядатай» не совсем верно. Азаград доверяет мне, поэтому ящеры предоставили в мое распоряжение некоторые механизмы, позволяю-



шие следить за чужаками на расстоянии. Зверь, между прочим, тоже механизм, вам уже сказали об этом?.. Как только любой нежелательный гость пересекает рубежи баронства, я немедленно отправляю Зверя выпроваживать нахала. В девяти случаях из ста непрошеные визитеры убегают без оглядки — Монстр из Остина умеет быть убедительным.

— Почему тогда вы не натравили чудище на нас?

— Предпочел честно объясниться с Ночной Стражей. Хотел, чтобы вы поверили — в моих владениях не происходит ничего страшного, никто никого не убивает, не приносит в жертву темным богам и не балуется запретной магией. Кроме того, зная настойчивость представителей вашей знаменитой гильдии и слышав о расположении к вам великого герцога Райдорского, я посчитал, что после таинственного исчезновения месьоров охотников могут последовать весьма серьезные неприятности — ваши друзья непременно бросятся на поиски, его светлость немедленно отправит в Остин крупный вооруженный отряд, вызовет подкрепления из Пайрогии... Тогда никакие Звери не помогут, Азаграду придется искать другие торговые пути, а мне возвращаться в Аквилонию. Теперь вы все знаете и сами убедились в том, что эрлу Брагету, его благородным приятелям и окрестным кметам ничего не угрожает. Ведь правильно?

— Согласен, — примирительно сказал Гвай. Я постараюсь уверить герцога в том, что остинское



чудовище никогда не покинет пределов баронства. Но уж и вы месьор Ларн, не злоупотребляйте...

— О чем речь! Постойте-ка... Ага, у нас очередные гости! Хотите взглянуть, как действует Зверь?

Слева, от стены укрытой тяжелой занавесью послышался тонкий мелодичный звук, будто звонили в маленький колокольчик. Маркграф легко вскочил с кресла, подошел к шторе и быстро ее отодвинул.

— Это еще что такое? — вытаращился киммериец.

— Азаградовские ухищрения. Представления не имею, как работают эти зеркала, но они позволяют видеть происходящее как бы глазами Зверя и прочих наблюдателей...

В деревянные панели, которыми была отделана стена кабинета, были вставлены два больших — локтей пять в ширину и два с половиной в высоту — овальных зеркала. Сначала в них всего лишь отражались присутствовавшие в комнате Гвай, Конан и маркграф Карндон, но вскоре изображение изменилось — волшебные стекла показали лес, деревья, за которыми угадывались очертания гор.

Картинка почему-то дергалась, и киммериец понял, что маркграф не обманул — люди сейчас смотрели на мир глазами Монстра из Остина, который, судя по всему, спешил навстречу неизвестным, нарушившим тщательно оберегаемые рубежи необычного баронства.



— Если надо, Зверь может очень быстро бегать, ни с какой лошастью не сравнишь, — бесстрастно комментировал Карндон. — Еще умеет замечательно прятаться — в случае необходимости он способен изменять цвет шкуры на зеленую или черную. Сейчас посмотрим, кто нас посетил...

Стало заметно, что Зверь начал двигаться медленнее и осторожнее. Сейчас монстр находился перед густыми зарослями ольшаника, чуть погодя он сдвинулся влево и выглянул на поросший травой проселок.

Зеркала показали десяток всадников, причем большая их часть была облачена в гербовые одежды приснопамятного месьора Брагета. Вот пожалуйста — сиятельный эрл собственной персоной. Бросил поводья и, оживленно жестикулируя, что-то втолковывает находящемуся рядом месьору.

— Или мне изменяет зрение, или зеркала врут, но этот человек — сотник конной гвардии Райдора! — воскликнул Гвай, тыкая пальцем в магическое стекло. — Точно! Его зовут Арганом из Тарба! Очень хороший человек! Только что он тут делает?

Отражавшийся в зеркалах сотник выглядел потным и несчастным. Месьор Агран, выслушав бурные речи эрла Брагета покорно кивал, пытался что-то возразить, но ихняя милость ничего не желала слушать. Вероятно, эрл убеждал командира кавалерийской сотни немедленно атаковать Остин и истребить чудище, которое как раз пряталось в ближайших зарослях.



— Сейчас будем пугать, — с ехидным смешком провозгласил Карндон. — Мало не покажется. Один момент, друзья...

Маркграф подхватил со стола жезл, аналогичный тому, что таскал с собой давешний красный ящер, направил его в сторону зеркал, и картинка вдруг изменилась. Теперь заброшенный проселок показывали сбоку и чуть сверху — киммериец решил, что другой магический «глаз» находился на вершине одной из близстоящих сосен. Конные находились посреди дороги, совсем рядом с ними, шагах в тридцати, притаился улегшийся на землю громадный Зверь...

— Начинаем? — хозяин замка весело глянул на охотников и сам ответил: — Начинаем! Заодно, нам не помешало бы все слышать своими ушами!

Новое мановение жезлом, на котором мигнули зеленые и синие огоньки, и из зеркал полились обычные лесные звуки, дополняемые плохо различимой человеческой речью — эрл Брагет продолжал настаивать, уговаривать и пугать сотника зловредным монстром. Месьор Агран вяло возражал.

...Никто не мог ожидать от Зверя такой прыти: ни дать, ни взять — легконогая лань! Лишь мгновение назад монстр лежал, притаившись, в кустах, но вот шесть конечностей разогнулись, оттолкнули огромную тушу от земли (Конан машинально сравнил Зверя с волосатой лягушкой-переростком), чуда взвилась в воздух и аккуратно приземлилась на все три пары лап в десяти шагах от всадников.



Паника началась незамедлительно — перепуганные лошади шарахнулись в сторону, одна сбросила ездока, который, впрочем, тут же вскочил на ноги и сверкая пятками припустил в лес. Зверь поддал жару — шерсть встала дыбом, отчего чудище уподобилось рассерженному коту и словно бы увеличилось в размерах раза в три, потом монстр раззявил кошмарную пасть и взревел так, что даже у зрителей в замке Остин заложило уши.

Более позорного отступления киммериец в жизни не видел. Бравая дружина эрла во главе с самым месьором Брагетом в полном беспорядке покинула поле сражения. На несколько мгновений задержался лишь гвардейский сотник, сумевший совладать с взбудораженным конем. Агран ухмыльнулся, сплюнул, и поскакал вслед Брагету и присным. Видна военная выучка!

Исполнивший свой долг Зверь преспокойно развернулся и тяжеловесно потопал обратно в лес.

— Долго еще не сунутся, — заметил маркграф, когда картинка на зеркалах исчезла. — Ну что же, месьоры, теперь вы окончательно убедились?

Конан и Гвай не сговариваясь кивнули.

— Даю вам слово дворянина, когда ящеры перестанут появляться в Хайбории столь часто, я попрошу их забрать в свой мир троих из четырех Зверей. Один, уж не обессудьте, останется здесь — оберегать нахоженную торговую тропку. Понимаю, наши действия вполне можно назвать контрабандой, однако сошлемся на многократно упомянутые законы: нельзя перевозить без по-



шлин товары из одной страны нашего мира в другую. Но в таможенных уложениях Бритунии ничего не говорится о других мирах. Что не запрещено — то разрешено, верно?

— Верно, — согласился Гвай. — Но все равно советую быть поосторожнее.

— Будем стараться.

— В таком случае Ночная Стража не имеет к вам, месьор Ларн из Кърндона, никаких претензий. А уж герцогу Варту мы сумеем доказать, что ничего страшного в баронстве Остин не случилось и не случится. По рукам?

— По рукам, месьоры! А теперь приглашаю вас отобедать. Потом могу показать вам мои коллекции предметов из других миров, сможете увидеть очень интересные вещи. И, разумеется, вы останетесь переночевать — не отправляться же долгую дорогу до Райдора не отдохнув? Тем более, что прошлой ночью вы совсем не спали!

— Согласны, — широко улыбнулся Гвайнард. — Милорд, вы упоминали, будто в подвале замка тоже есть Врата, портал?

— Совершенно верно. Он действует постоянно, но ведет только в мир Азаграда. Сами понимаете, мне необходимо постоянно поддерживать связь с красными ящерами, узнавать когда появятся новые торговые караваны.

— А можно?.. — с неожиданной для отчаянно смелого и расчетливого человека робостью заикнулся Гвай. — Я имею в виду...

— Взглянуть хоть одним глазком? — подмигнул Карндон. — Можно. Но сначала — обедать!



— Вот кстати, — Конан хлопнул себя ладонью по лбу. — Стражник портала, которого мы изловили прошлой ночью, утверждал, будто люди едят золото. Может он чего напутал?

Карндон расхохотался.

— Маленькая уловка моих предков со материнской стороны. Первый барон Остин заключивший соглашение с Азаградом убедил ящеров в том, что человек без золота жить не может. Шутка здесь в чем: у Азаграда золото вообще не считается ценным металлом, в их мире оно не дороже железа. А Остины в те времена были весьма бедны. Так что ящеры платили за пользование земель баронства совершенно не нужными им золотыми слитками. Поскольку пращурь моей достойной матушки были жадны до богатства, Азаград посчитал, будто человек без золота жить не может... Нам не понять образ мыслей ящеров — они слишком чужды человеку. По их мнению, жить нельзя только без пищи и воздуха. Поскольку воздуха у нас хватает с избытком, причем платить за него не надо, значит не хватает еды. Железная логика!

— Золотая, — фыркнул киммериец. — Где обеденная зала, ваша светлость?

— В третий раз повторяю — никаких титулов! Вы мои гости!



СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА ПЕСКОВ

<i>Норман Хьюз</i> Лавина.....	7
<i>Дуглас Брайан</i> Тайна песков.....	59
<i>Дуглас Брайан</i> Мертвое сокровище.....	137
<i>Серж Неграш</i> Мешок золота.....	203
<i>Джесс Эвейл</i> Страж.....	265

КРАСНЫЙ ЯЩЕР

Керк Монро

Глава первая.....	339
Глава вторая.....	353
Глава третья.....	369
Глава четвертая.....	394



Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас, Монро Керк,
Неграш Серж, Хьюз Норман, Эвейл Джесс

КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Составитель: *Наталья Баулина.*

Художественный редактор: *Игорь Богданов.*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский.*

Обложка: *Владимир Савватеев*

Верстка: *Ирина Федорова.*

Технический редактор: *Валентин Успенский.*

Корректор: *Светлана Митина.*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
conan@sp.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ДЮНА



В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитан Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве
с известным фантастом Квином Андерсоном создал трилогию
«Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов»,
«Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо
знакомых вам событий!

Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — «БАТТЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!



По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@oha.ru <http://www.ast.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**



**СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"**

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фантазии — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнды, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других. "Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ



ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

**СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ"**



Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко — и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор — все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН и МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН и ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН и КОРОНА МИРА 53	КОНАН и ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН и СТИШЕЕ ВАО 55	КОНАН и ЗВЕЗДА ШАДИВАРА 56
КОНАН и СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН и ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН и СЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН и ПОВЕЛИТЕЛЬ МОСНИЙ 60	КОНАН и ТИТРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН и ВОДНИКИ БУРИ 62	КОНАН и СЛЕД ИСТОМИНА 63	КОНАН и САУА ТУМАНА 64
КОНАН и ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН и ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН и НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН и ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН и АЛЛА ПЕЧАТЬ 69	КОНАН и ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН и ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН и ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН и ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН и ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН и ЖЕЛЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН и ДУХИ ГОР 76	КОНАН и СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН и НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН и УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН и СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН и ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН и ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН и НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН и ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН и ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН и ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН и ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН и МЕСТЬ БЕЛА 88
КОНАН и КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ 89	КОНАН и ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90	КОНАН и КАЛТВА ВАРВАРА 91	КОНАН и СКИПЕТР МАГА 92	КОНАН и ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН и ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН и ЯРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН и ТАЙНЫ ПЕСКОВ 96